

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 1

2023

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2023, № 1

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2023, № 1

It is founded in 2016.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-65899 от 06 июня 2016 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, директор ООО «Наука и образование»

- **ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

Registration number al PI № FS 77-65899 of 06/06/2016 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,
Doctor of Sociological Sciences, Director of Science and Education LLC

- **DEPUTY CHIEF EDITOR**

Kirill V. Vishnevetsky,
Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology
Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской технический университет;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории правового регулирования, Кубанский государственный университет;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Аванесян Грант Михайлович,

член-корреспондент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Ереванский государственный университет, г. Ереван;

Байер Елена Александровна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта, Донской государственный технический университет, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Богатырев Валерий Викторович,

доктор юридических наук, профессор, профессор Юридического института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, профессора юридического факультета, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»;

Говердовская Елена Валентиновна,

доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета;

Жиркова Евгения Алексеевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы, теории литературы и критики, Кубанский государственный университет;

Кашкаров Алексей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Кузнецова Анна Владимировна,

доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной литературы, Южный федеральный университет;

Мамедов Рашад Юсуф оглы,

доктор философии по праву, доцент, доцент кафедры гражданского права, Академия полиции Азербайджанской республики;

Невский Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, ВНИИ МВД России;

Павлов Юрий Михайлович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет;

Рассказов Леонид Павлович,

заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Кубанский государственный аграрный университет;

Семенов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет;

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет;

Шкаплеров Юрий Павлович,

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника, Могилевский институт Республики Беларусь;

Шульженко Вячеслав Иванович,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии и журналистского языка, Пятигорский государственный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Academician Russian Academy of Education, Doctor of psychological sciences, Professor, Dean of the faculty of psychology, pedagogy and defectology of Don Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Yury V. Luchinsky,

Doctor of philology, Professor, Head of the department of history and legal regulation of the Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of department of criminal proceedings of the Kuban State University;

Olga D. Fedotova,

the Doctor of pedagogical sciences, Professor managing department of primary education of faculty of psychology, Pedagogics and defectology of the Don state technical university.

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Hrant M. Avanesyan,

Corresponding member of the International Academy of Psychological Sciences, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the General Psychology Department, Yerevan State University, Yerevan;

Elena A. Bayer,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of Physical Culture and Sports, Don State Technical University, Director of the Azov Child Care Center;

Valery V. Bogatyrev,

Doctor in Law, Professor of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Professor of the Faculty of Law, Moscow Financial-Industrial University «Synergy»;

Elena V. Goverdovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Postgraduate and Additional Education, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, Branch of Volgograd State Medical University;

Evgenia A. Zhirkova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the History of Russian Literature, Literature Theory and Criticism, Kuban State University;

Alexey A. Kashkarov,

Doctor in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena Yu. Kolomiitseva,

Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Moscow State Institute of Culture;

Anna V. Kuznetsova,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature, Southern Federal University;

Rashad Yu. Mamedov,

Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor, Assistant Professor of Civil Law Department, Police Academy of the Azerbaijan Republic;

Sergey A. Nevsky,

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs;

Yuri M. Pavlov,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism and Journalistic Skills, Kuban State University;

Leonid P. Rasskazov,

Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Kuban State Agrarian University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure, Kuban State University;

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Defectology and Inclusive Education, Don State Technical University;

Lubov Ya. Khoronko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Education and Educational Sciences, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University;

Yuri P. Shkaplerov,

Doctor in Law, First Deputy Head, Mogilev Institute of the Republic of Belarus;

Vyacheslav I. Shulzhenko,

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics, Russian Philology and Journalistic Language, Pyatigorsk State University.

КОНТАКТЫ:

○ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич

Тел.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Тел.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, Переулок Народный, д. 2/1

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(988) 167-67-67

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ EDITOR-IN-CHIEF

Popov Mikhail Yur'evich

Ph.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna

Ph.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, Narodny Lane, 2/1

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(988) 167-67-67

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гарбовская Н.Б., Землякова Н.В.</i> Трудности употребления причастных и деепричастных оборотов в юридических документах в условиях информационных технологий	19
<i>Даутова Р.В., Наговицина Т.А., Гайнуллина Л.Ф.</i> Трансформация корпоративных вузовских медиа	24
<i>Жиркова Е.А., Свитенко Н.В.</i> «В ожидании друга, или признания подростка» Л. Нечаева: «Взросление» сознания в жанре литературной исповеди	28
<i>Лекарева И.Н., Немыка А.А., Павловская О.Е.</i> Когнитивно-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты художественного дискурса Евгения Водолазкина	33
<i>Немыка А.А., Дацко М.В., Глоба Н.Н., Чернова Л.В.</i> Сравнительный анализ ценностных характеристик в различных лингвокультурах (на примере русского и испанского языков)	37
<i>Родина Н.А.</i> Речевой портрет современного российского военнослужащего	40
<i>Спирчагова Т.А., Фефилов Ф.А., Газизов Р.Р.</i> Верификация контента в публичных коммуникациях: концепции «Эхо-камеры» и «Пузыря фильтров»	51
<i>Хазеев Д.Р.</i> Лингвопрагматические характеристики гипертекстового пространства	55
<i>Юань Фаньсэнь</i> Анализ способов усиления культивирования талантов международного общения	60
<i>Яковлева Е.В., Хусаинова М.А., Стройков С.А.</i> Педагогический и образовательный дискурсы как институциональный тип дискурса	63

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абросимов А.В., Зинуков-Липницкий А.В.</i> К вопросу о принципах разумности, добросовестности, свободы договора и их соотношении	71
<i>Куликова Ю.А.</i> Особенности изменения субъектного состава Российской Федерации в соответствии с конституцией и федеральным законодательством	75

<i>Прошин В.М.</i>	Обусловленность тактики «проверка показаний на месте» процессуальной целью данного следственного действия	78
<i>Седова Ж.И.</i>	Недопустимость нарушения принципа взаимности как вид отрицания недобросовестного поведения в праве	81
<i>Ткачева Ю.С.</i>	Анализ доктринальных толкований насилия в уголовном праве	87
<i>Упоров И.В., Гришай Е.В., Стригуненко Ю.В.</i>	Дисциплинарные уставы органов внутренних дел 1971, 1984 и 2012 годов: преемственность и особенности	92
<i>Упоров И.В.</i>	Основные факторы, определявшие государственную политику в сфере борьбы с преступностью в послевоенном СССР	98
<i>Усмонов И.С.</i>	Вина как составной элемент в структуре общественной опасности	103
<i>Ястребова О.И., Гарцуева О.А., Фалько Я.Г.</i>	Информационное пространство как поле взаимодействия языка и права	107

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(РУБРИКА НЕ ВКЛЮЧЕНА В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК ПРИ МИНОБРНАУКЕ РФ)

<i>Гришай Е.В., Попов М.Ю.</i>	Гуманитарное образование в современной России в проблемном поле педагогической науки	115
<i>Залужная В., Байер Е.А.</i>	Функции общеобразовательной организации в профилактике девиантного поведения подростков с использованием цифровых инструментов	119
<i>Попов М.Ю.</i>	Проблемное поле современного российского образования	123
<i>Пустько В.С.</i>	Гуманитарная составляющая инженерного образования	128
<i>Упоров И.В.</i>	Российское образование в постсоветской России: особенности его становления и развития	134

CONTENTS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Nadezhda B. Garbovskaya, Ninel V. Zemlyakova</i> Difficulties in the use of participle and participle phrases in legal documents in the context of information technology	19
<i>Rezida V. Dautova, Tatyana A. Nagovitsina, Liliانا F. Gaynullina</i> Transformation of corporate university media	24
<i>Eugenia A. Zhirkova, Natalya V. Svitenko</i> «Waiting for a friend, or the recognition of a teenager» by L. Nechaev: «Growing up» of consciousness in the genre of literary confession	28
<i>Irina N. Lekareva, Anna A. Nemyka, Olga E. Pavlovskaya</i> Cognitive-communicative and linguo-pragmatic aspects of artistic discourse by Evgeny Vodolazkin	33
<i>Anna A. Nemyka, Maria V. Datsko, Nadezhda N. Globa, Lyubov V. Chernova</i> Comparative analysis of value characteristics in various linguistic cultures (using the example of Russian and Spanish languages)	37
<i>Nadezhda A. Rodina</i> Speech portrait of a modern Russian serviceman	40
<i>Tatiana A. Spirchagova, Fyodor A. Fefilov, Ramis R. Gazizov</i> Content verification in public communications: the concepts of «Echo chambers» and «Bubble of filters»	51
<i>Daler R. Khazeev</i> Linguopragmatic features of a hypertext space	55
<i>Yuan Fansen</i> Analysis of ways to strengthen the cultivation of international communication talents	60
<i>Ekaterina V. Yakovleva, Mariya A. Khusainova, Sergey A. Stroykov</i> Pedagogical and educational discourses as an institutional type of discourse	63

JURISPRUDENCE

<i>Anton V. Abrosimov, Alexander V. Zinukov-Lipnitsky</i> On the issue of the principles of reasonableness, good faith, freedom of contract and their correlation	71
<i>Yulia A. Kulikova</i> Peculiarities of changes in the subject composition of the Russian Federation in accordance with the constitution and federal legislation	75

<i>Vladimir M. Proshin</i>	
The conditionality of the tactics «verification of testimony on the spot» by the procedural goal of this investigative action	78
<i>Zhanna I. Sedova</i>	
Inadmissibility of violating the principle of reciprocity as a type of denial of bad faith conduct in the law	81
<i>Yulia S. Tkacheva</i>	
Analysis of doctrinal interpretations of violence in criminal law	87
<i>Ivan V. Uporov, Elena V. Grishay, Yulia V. Strigunenko</i>	
Disciplinary regulations of the internal affairs bodies of 1971, 1984 and 2012: continuity and features	92
<i>Ivan V. Uporov</i>	
Main factors determining state policy in the field of fighting crime in the postwar USSR	98
<i>Ibrohim S. Usmonov</i>	
Guilt as an integral element in the structure of public danger	103
<i>Oksana I. Yastrebova, Oksana A. Gartueva, Yana g. Falko</i>	
Information space as a field of interaction between language and law	107

PEDAGOGICAL SCIENCES

(THE RUBRIC IS NOT INCLUDED IN THE LIST OF THE HIGHEST CERTIFICATION COMMISSION
UNDER THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

<i>Elena V. Grishay, Mikhail U. Popov</i>	
Humanitarian education in modern Russia in the problem field of pedagogical science	115
<i>Maria V. Zaluzhnaya, Elena A. Bayer</i>	
The functions of a general education organization in the prevention of deviant behavior of adolescents using digital tools	119
<i>Mikhail Yu. Popov</i>	
The Problematic Field of Modern Russian Education	123
<i>Vitaly S. Pusko</i>	
Humanitarian program for engineering education	128
<i>Ivan V. Uporov</i>	
Russian education in post-soviet Russia: features of its formation and development	134

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТРУДНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИЧАСТНЫХ
И ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**DIFFICULTIES IN THE USE OF PARTICIPLE AND PARTICIPLE PHRASES
IN LEGAL DOCUMENTS IN THE CONTEXT OF INFORMATION TECHNOLOGY**

Гарбовская Надежда Брониславовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
garbovskii@yandex.ru

Nadezhda B. Garbovskaya

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Linguistics
and Foreign Languages,
North Caucasus branch
of the Russian State University of Justice
garbovskii@yandex.ru

Землякова Нинель Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент,
заведующая кафедрой языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
ukka777@yandex.ru

Ninel V. Zemlyakova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch
of the Russian State University of Justice
ukka777@yandex.ru

Аннотация. Информационные технологии стремительно внедряются в систему российской юриспруденции, поэтому работа становится рациональнее, быстрее и удобнее, становится возможным пользоваться от привычных всем текстовых редакторов до автоматизированных систем-консультантов. В статье проанализированы языковые проблемы, связанные с употреблением причастных и деепричастных оборотов в юридических документах. Выявлены трудности, которые возникают при их употреблении в письменной юридической речи. Авторы на примере юридических текстов показывают неверное употребление данных морфологических единиц, а также указывают способы и правила исправления ошибок такого типа.

Ключевые слова:

причастные и деепричастные обороты, юридические документы, судопроизводство, судья, письменная юридическая речь, текст закона, трудности использования причастных и деепричастных оборотов.

Annotation.

Information technologies are rapidly being introduced into the system of Russian jurisprudence, so the work is becoming more rational, faster and more convenient, it becomes possible to use from the usual text editors to automated consulting systems. The article studies the language problems associated with the use of participial and adverbial phrases in legal documents. The difficulties that arise when they are used in written legal speech are identified. The authors, using the example of legal texts, show the incorrect use of these morphological units, and also indicate the methods and rules for correcting errors in such type. Difficulties in using participial and adverbial phrases in legal documents in the context of information technology.

Keywords:

participial and gerund phrases, legal documents, legal proceedings, judge, written legal speech, text of the law, difficulties in using participial and gerund phrases.

Информационные технологии стремительно внедряются в систему российской юриспруденции, поэтому работа становится рациональнее, быстрее и удобнее, становится возможным пользоваться от привычных всем текстовых редакторов до автоматизированных систем-консультантов.

Высокая степень ответственности, требуемая от профессии судьи, распространяется на каждое его слово, применяя правовую норму, «...охватывают или нет данные слова ситуацию, о которой в данном случае идёт речь» [1, с. 124].

При создании юридического документа судья может настроить в любом текстовом редакторе программы проверки орфографии, грамматики и стиля, однако сами разработчики предупреждают: их программы могут находить не все типы ошибок.

Цель нашей работы – изучить языковые проблемы, связанные с употреблением причастных и деепричастных оборотов в юридических документах.

Исходя из поставленной цели, предполагается решение следующих задач:

а) исследовать особенности функционирования действительных и страдательных причастий, причастных и деепричастных оборотов в уголовном и гражданском судопроизводстве;

б) выявить трудности, которые возникают при употреблении причастных и деепричастных оборотов в юридических документах;

в) выявить неверное употребление данных морфологических единиц, а также определить способы и правила исправления ошибок такого типа.

Актуальность исследования заключается в том, что в официально-деловом стиле для точного изложения материала требуются различные уточнения, поэтому многочисленны предложения с причастными и деепричастными оборотами, следовательно, данная тема нуждается в более детальном изучении.

Назовём учёных-лингвистов, работы которых, бесспорно, оказывают большую помощь юристам: Т.В. Губаева, Н.Н. Ивакина, Н.Ю. Тяпугина, Д.Э. Розенталь и другие.

Методика исследования определяется поставленными задачами. В работе использованы общенаучные методы анализа, синтеза, дедукции, а также методы непосредственного лингвистического наблюдения, сравнения.

Рассмотрим трудные случаи употребления причастных и деепричастных оборотов.

В юридической речи отдельные причастные и деепричастные обороты являются клишированными: смягчающие обстоятельства; обжалуемое определение; предусмотренное ст. ... УК РФ; допрошенный в качестве обвиняемого; ранее изложенные пояснения; нотариально удостоверенное; руководствуясь положениями ст. ... УПК РФ; изучив материалы дела, оценив доводы, исходя из пояснений свидетелей. Отметим, что данные обороты используются в определенных структурно-композиционных частях юридических текстов.

Возникают трудности при образовании некоторых форм причастий. Например, желающих, запомненных и т.д.: Васильев, / сумеющий выхватить нож у подсудимого, / предотвратил тяжкие последствия. Телесные повреждения, / причинимые Холодовой, / относятся к разряду менее тяжких. Ограбляемый кричал, просил помочь. Затребуемые документы из ЗАГСа... Ошибка здесь заключается в неправильном образовании причастий настоящего времени, выражающего процесс, или текущее действие, от глаголов совершенного вида, выражающего результат, или законченное действие, смочь, суметь, причинить, ограбить, затребовать, что нарушает нормы литературного языка. От этих глаголов можно образовать только причастия прошедшего времени. Следует исправить ошибочные образования: насумевший, причиненные, ограбленный (потерпевший), затребованные и т.д.

В приведённых ниже предложениях допущены ошибки при образовании причастий. Лицо, находящееся за рулем в нетрезвом состоянии, является потенциальным преступником. Быстров обвиняется в совершении злостных хулиганских действий, отличающихся особой дерзостью. Необходимо употребить возвратные формы причастий: находящееся, отличающихся.

Нарушением нормы является пропуск, зависящих от причастия слов, в причастном обороте. Причастие – это глагольная форма и поэтому может осложняться пояснительными словами, образующими причастный оборот. Приобщенные материалы требуют дополнительного расследования (надо: приобщенные к делу). Фактические обстоятельства, имеющие значение, установлены судами первой и апелляционной инстанций... (надо: имеющие значение для дела).

Не надо забывать о том, что причастный оборот может стоять перед определяемым словом, чаще – после него, если надо выделить или уточнить признак. Но не следует разрывать причастный оборот определяемым словом, как это сделано в следующих примерах: /Предъявленное обвинение Беляевой по ч. ст. 158 УК РФ/ нашло подтверждение; /упавшая бронзовая

фигура со стеллажа/ стукнула Иванову по голове. Правильно: обвинение, предъявленное Беляевой; бронзовая фигура, упавшая со стеллажа.

Обращаем внимание на то, что в зависимости от значения, возможно разное согласование причастий: часть вещественных доказательств, направленная на экспертизу и часть вещественных доказательств, направленных на экспертизу. Поясним, в первом случае указывается на количество описываемого предмета, во втором – характеризуется предмет, о части которого идёт речь.

Для письменной юридической речи характерно широкое употребление деепричастных оборотов, которые уточняют различные обстоятельства: времени, причины, условия и др. При их употреблении важно помнить, что они обозначают добавочное действие подлежащего, главное же действие подлежащего выражается глаголом-сказуемым. В тексте: Суд, оценив в порядке ст. 71 АПК РФ доводы участвующих в деле лиц, представленные доказательства, пришёл к выводу, что заявление о привлечении к субсидиарной ответственности надлежит удовлетворить... Оба действия: «главное» пришёл к выводу и «добавочное» оцени – выполняются одним и тем же подлежащим суд. В примере: Супруга должника, ссылаясь на указанные обстоятельства, нарушение её прав как супруги должника в связи с передачей имущества в залог без её письменного согласия, обратилась в суд. Также, одно лицо супруга выполнило «главное» и «добавочное» действия (ссылаясь и обратилась...).

Если в деловых письменных текстах нарушается основное требование использования деепричастий: главное действие-сказуемое и добавочное-деепричастие – должны выполняться одним и тем же лицом, которое в предложении является подлежащим, тогда в речи возникают логические ошибки, что приводит к абсурдности высказывания. Рассмотрим предложения, в которых ошибочно употреблены деепричастные обороты: главное и добавочное действие, которые должны выполняться подлежащим, совершаются разными субъектами (например, подлежащим и дополнением): Как произошла драка, я не видела. Сидя под коровой, ко мне вбежала Тамара. Дело в том, что, сидя под коровой, Тамара одновременно не могла вбежать. Доила корову допрошенная, а вбежала Тамара. Исправить ошибку следует путем замены деепричастного оборота придаточным обстоятельственным: (Когда я доила корову)...

Вообще, существуют три способа исправления деепричастных оборотов. Разберём их на примере: Я увидел этого человека на вокзале, расталкивая окружающих, нецензурно крича кому-то вслед, выбив у меня багаж из рук и не извинившись. Мы видим стандартную ошибку. Все действия: главное – увидел, добавочные – расталкивая, крича, выбив, не извинившись, – грамматически относятся к одному подлежащему я. В то время, как на самом деле, говорящий, обозначенный местоимением «я», только «увидел» другое лицо, обозначенное существительным «человека»; именно этот «объект», оказавшийся в поле зрения говорящего, расталкивал окружающих, кричал, выбил у говорящего багаж и не извинился.

Исправить ошибку можно так:

1. Построить сложное предложение с придаточным времени: Я увидел этого человека на вокзале, когда он кричал кому-то вслед и расталкивал окружающих, после чего выбил у меня багаж из рук и не извинился. Этот пример демонстрирует сразу все возможные версии правки: для передачи в придаточном предложении добавочного действия, первоначально выраженного деепричастиями настоящего времени (с суффиксами -а/-я-, передающими процесс, или незаконченное действие: крича, расталкивая) и для передачи добавочного действия, первоначально выраженного деепричастиями прошедшего времени (с суффиксами -в/-вши-, передающими действие-результат: выбив и не извинившись). Для передачи первого случая в придаточном предложении времени построены однородные сказуемые, выраженные глаголами несовершенного вида в значении процесса (два процесса – это параллельные действия: кричал, расталкивал), для передачи второго случая – однородные сказуемые, выраженные глаголами совершенного вида в значении результата (два результата – это действие после действия: выбил и не извинился).

2. Вместо предложения с деепричастным оборотом, построить простое предложение с предложным оборотом (с предлогами после... для того чтобы... и т...). Я увидел этого человека на вокзале после расталкивания им окружающих, его нецензурных криков кому-то вслед и выбитого им у меня багажа из рук без всяких извинений. Обратите внимание, что однородные деепричастия в данном случае заменены на отглагольные существительные (расталкивания, криков), передающие параллельные действия деепричастий несовершенного вида (крича, расталкивая), а также, на страдательное причастие (выбитого) и отглагольное существительное (без извинен-

ний), передающие результат, наступавший после процесса, или значение действия после действия деепричастий совершенного вида (выбив и не извинившись).

3. Построить сложное предложение, сохранив деепричастный(ые) оборот(ы), «распределить» между разными подлежащими главное действие, выраженное глаголом, и добавочное – выраженное деепричастием: Я увидел этого человека на вокзале, (когда он, /расталкивая окружающих/, /нецензурно крича кому-то вслед/, выбил у меня багаж из рук и не извинился). Или: Я увидел этого человека на вокзале, (когда он, /выбив у меня багаж из рук и не извинившись/, расталкивал окружающих, нецензурно кричал кому-то вслед). Поскольку в данном предложении присутствуют деепричастия настоящего и прошедшего времени, в ряд однородных деепричастий их объединить нельзя. Следовательно, придаточное предложение можно построить, заменяя глаголами деепричастия либо настоящего, либо прошедшего времени на выбор; причём в придаточной части и глаголы, и деепричастия будут относиться к одному действующему лицу (он), выражая его или главное, или добавочное действия.

Чтобы избежать ошибок в использовании деепричастных оборотов, следует помнить, что деепричастные обороты неуместны в следующих случаях:

1. В предложениях с пассивной формой выражения, т.е. когда сказуемое выражено глаголом страдательного залога (суффикс -ся) или кратким страдательным причастием (суффиксы -ен, -н, -т): Совершив кражу вещей, Ложкарёв привлекается к уголовной ответственности. Ясинский неоднократно задерживался работниками полиции, появляясь в общественных местах в нетрезвом состоянии. 27 августа Борисовым и Роговым был приобретен авиабилет до Москвы на имя Панина, заведомо зная, что он вылетел в Москву по воинскому требованию. Подойдя к перрону, гр-ном Грачевым был обнаружен узел с вещами.

Во всех примерах добавочное действие не соотносится с подлежащим: кражу совершил Ложкарёв, к ответственности же его привлекают правоохранительные органы. То же самое во втором примере: в состоянии алкогольного опьянения находился Ясинский – задерживали его работники полиции.

Как исправить ошибки? Как указывалось выше, путем замены деепричастных оборотов придаточными предложениями: 27 августа Борисовым и Роговым был приобретен авиабилет до Москвы на имя Панина, хотя они заведомо знали, что он вылетел...; конструкциями с отглагольными существительными в предложных оборотах простых предложений: За совершение кражи Ложкарёв привлекается к...; Ясинский неоднократно задерживался... за появление... или путем введения подлежащего, с которым соотносилось бы сказуемое и деепричастие: 27 августа Борисов и Рогов приобрели авиабилет до Москвы на имя Панина, /заведомо зная/, (что он летит...); /подойдя к перрону/, гр-н Грачев обнаружил узел с вещами.

2. В безличных предложениях; поскольку в них нет подлежащего, сказуемое в них обозначает состояние, не зависящее от чьей-либо воли: Выпив бутылку водки, Трепетову сделалось плохо. Приняв меры к задержанию преступников, следователю удалось задержать их. В вариантах правки безличные предложения снова заменяются личными, подлежащее в которых выражает предмет или лицо, способное выполнить и главное действие, выраженное глаголом, и добавочное, выраженное деепричастием: Выпив бутылку водки, Трепетов почувствовал себя плохо. Приняв необходимые меры, следователь смог задержать преступников. Или, заменив деепричастный оборот на предложный оборот: После выпитой бутылки водки Трепетову стало плохо (производный предлог после). В результате принятых мер следователю удалось (производный предлог в результате) ...

Однако уместны деепричастные обороты в безличных инфинитивных предложениях, так как в них главное действие, выражающее, как правило, волевое начало, и добавочное действие выполняются одним и тем же подразумеваемым лицом, ср.: Защищая подсудимого, следует сказать... (оба действия выполняет адвокат). Принимая во внимание тяжесть совершенного преступления, в ходатайстве цехового комитета о передаче осужденного коллективу на поруки отказать – суд принимает что-либо во внимание, и суд же отказывает в ходатайстве;

3. В неопределенно-личных предложениях, так как подлежащее в них мыслится неопределенно, добавочное же действие выполняется конкретным лицом, значит, не соотносится с подлежащим. В примерах: Выходя из такси, потерпевшему не дали сдачи. Свидетель З.И. Серов показал, что, находясь на работе, ему позвонили из магазина «Меридиан» – ошибки могут быть исправлены путем замены деепричастных оборотов придаточными предложениями: Когда потерпевший выходил из такси, ему не дали сдачи. Когда Серов находился на работе, ему позвонили...

Наблюдаются в употреблении деепричастий и такая грамматическая ошибка, как непра-

вильное формообразование: Слипченко снял пояс и махал им, пугав людей (надо: пугая, поскольку глагольные формы передают значение действий снял и махал в процессе пугая); Тарасов и Ульченко, вмешавшись, предотвратили драку (надо: вмешавшись, поскольку глагольные формы передают значение действия предотвратили после действия вмешавшись).

Деепричастные обороты, являющиеся обстоятельствами причины, времени, уступки, находятся в препозиции по отношению к сказуемому: Н.А. Федчинкова, работая директором магазина № 1, в период с 05 августа 2020 года по 20 декабря 2020 года похитила государственные денежные средства на сумму 127609 руб. (время). И.Я. Рыжков, имея судимость за хулиганство, на путь исправления не встал (уступка). Лузаев, встретив 19 июля 2020 года О.В. Цыпкина и В.В. Бероева и узнав, что у них имеется значительная сумма денег, решил завладеть этими деньгами (сначала встретил, узнал, потом решил). Учитывая характер преступления, добросовестную работу Валуева Ф.С. на производстве, следователь постановил... (причина).

Примечание: предложения с деепричастным оборотом строятся по формуле: Я (подлежащее в Им.п.) + глагол (сказуемое), + деепричастие (добавочное действие к глаголу). Например: Следователь Иванов пригласил потерпевшего в кабинет, соблюдая социальную дистанцию.

Следователь (подлежащее) + пригласил (сказуемое), + соблюдая... (деепричастие).

Таким образом, свободное владение нормами русского литературного языка позволяет юристу точно формировать правовые оценки различных действий и деяний, создавать квалифицированные, обоснованные постановления и приговоры. А новые информационные технологии в системе российской юриспруденции способствуют планомерно, грамотно, в соответствии с современным законодательством информировать граждан по правовым вопросам.

Литература:

1. Харт Г.Л. Позитивизм и разграничение права и морали / Г.Л. Харт // Правоведение. 2005. № 5. С. 124.

Literature:

2. Hart G.L. Positivism and the delimitation of law and morality / G.L. Hart // Jurisprudence. 2005. № 5. P. 124.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ВУЗОВСКИХ МЕДИА

TRANSFORMATION OF CORPORATE UNIVERSITY MEDIA

Даутова Резида Вагизовна

доктор исторических наук,
профессор кафедры телепроизводства
и цифровых коммуникаций,
Казанский федеральный университет
RVDautova@kpfu.ru

Rezida V. Dautova

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department
of TV Production
and Digital Communications,
Kazan Federal University
RVDautova@kpfu.ru

Наговицина Татьяна Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры телепроизводства
и цифровых коммуникаций,
Казанский федеральный университет
nagovitsinatatyana@mail.ru

Tatyana A. Nagovitsina

Candidate of Philological Sciences,
Assistant Professor
of the Department of TV Production
and Digital Communications,
Kazan Federal University
nagovitsinatatyana@mail.ru

Гайнуллина Лилиана Файберговна

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и философии,
Казанский государственный
архитектурно-строительный университет
lianagai@ya.ru

Liliana F. Gaynullina

Candidate of Philosophical Sciences,
assistantProfessor Department
of History and Philosophy,
Kazan State University
of Architecture and Engineering
lianagai@ya.ru

Аннотация.

Последние два десятилетия мы наблюдаем трансформацию российской вузовской медиасреды. Рассматриваемый поэтапный процесс обусловлен многими факторами, среди которых определяющую роль играют глобализация информационного и образовательного пространства, развитие инфокоммуникационных и цифровых технологий. Авторы статьи исследуют проблему трансформации вузовских медиа, выделяя этапы становления вузовских СМИ, прежде всего, на примере газеты «Ленинец» – «Казанский университет» и телевидения КФУ «УниверТВ». Подчеркивается важность учета региональных социокультурных условий в формировании вузовской медиасферы, а также осмысление дальнейшего развития вузовских СМИ.

Ключевые слова:

вузовские СМИ, корпоративные СМИ, вузовская медиасфера, университетское телевидение, медиапространство.

Annotation.

Over the past two decades, we have seen a transformation of the Russian university media environment. The phased process under consideration is due to many factors, among which the globalization of the information and educational space, the development of information, communication and digital technologies play a decisive role. The authors of the article explore the problem of the transformation of university media, highlighting the stages of the formation of university media, primarily on the example of the newspaper «Leninets» – «Kazan University» and television KFU «Univer TV». The importance of taking into account regional socio-cultural conditions in the formation of the university media sphere, as well as understanding the further development of university media is emphasized.

Keywords: university media, corporate media, university media sphere, university television, media space.

Последние два десятилетия мы наблюдаем трансформацию российской вузовской медиасреды. Рассматриваемый поэтапный процесс обусловлен многими факторами, среди которых определяющую роль играют глобализация информационного и образовательного пространства, развитие инфокоммуникационных и цифровых технологий. Интерес к данной теме особенно возрос к 2000-м гг., когда обозначился вектор к сворачиванию традиционных форм. Вузовскую прессу в качестве корпоративного СМИ рассматривают Р.П. Баканов, Н.В. Кодола, В.А. Глазкова, И.П. Ромашова, Н.Г. Витковская, отмечая при этом, что перед такой пресой стоят не только задачи продвижения бренда образовательного заведения, но и цели, связанные с образованием, воспитанием, просвещением аудитории, раскрытием её творческих способностей.

Работы С.А. Goverдовской-Привезенцевой, Р.В. Даутовой [1], Т.Е. Самотойловой, Е.П. Семишовой, Т.И. Сидоровой посвящены феномену университетского телевидения и его особой миссии. Роль и место вузовских масс-медиа в системе СМИ, в целом, состояние медиасреды ведущих отечественных вузов находятся в центре внимания исследователей Н. Муравьевой, Т.И. Сидоровой, Ю.В. Чемякина, А.В. Прохорова [2], которые приходят к выводу о том, что общие процессы трансформации, которые переживает система СМИ в рыночных условиях, затронули и вузовскую медиасреду.

Среди ученых, занимающихся вопросами корпоративных коммуникаций, можно выделить И.Ю. Бочарову, Т.Н. Персикову, Ф.И. Широкова, Д.А. Мурзина, Т.А. Наговицину [3], В.А. Волкоморова, Л.С. Агафонова и др.

На тему вузовской прессы в контексте корпоративной культуры защищены кандидатские и докторские диссертации – О.В. Шефер, Д.А. Алексеева, А.В. Прохоров [2].

Однако стоит отметить, что в исследованиях недостаточно внимания уделяется региональному аспекту развития вузовских медиа. Между тем, исторические и культурные традиции, сложившиеся в регионе, безусловно, оказывают определяющее влияние на вузовскую медиасреду. На наш взгляд, такой подход с привлечением конкретных материалов по вузовским СМИ значительно обогатил бы историографию данного вопроса.

Вузовские СМИ принято относить к корпоративным, так как их учредителем выступает администрация вуза, они базируются на территории этого вуза, продвигают бренд данного образовательного заведения и обслуживают информационные запросы, прежде всего, вузовского общества – студентов, преподавателей и сотрудников. Однако если проанализировать темы, которые освещаются такими СМИ, то мы увидим, что тематика публикаций гораздо шире, чем вузовская жизнь. Следовательно, вузовские медиа адресованы не только внутренней аудитории, но и внешней, что является объективным следствием усилий СМИ по выживанию в рыночных условиях.

Термин «корпоративные СМИ» произошел от английского «corporate publishing». Существует целый ряд синонимов данного термина – официальный печатный орган, фирменная газета, фирменное периодическое издание и т.д. Кроме того, нет единого определения среди исследователей. Так, по мнению Д.А. Мурзина, корпоративное издание – это «инструмент публичной артикуляции и лоббирования интересов отрасли и корпорации, как одного из представителей отрасли» [4]. А.Ю. Горчева, исследуя корпоративные издания, приравнивает их к СМИ и делает акцент на их влиянии на сотрудников организации [5]. Многими учеными выделяются мотивационная и информационная функции в деятельности подобных изданий.

В истории развития вузовских СМИ правомерно выделить три этапа:

1 этап – 1928–1970 гг.: возникновение и развитие вузовских периодических газет, а также факультетской стенной печати;

2 этап – 1970–1996 гг.: активное развитие печатных СМИ и организация в вузах радио- и телевидения, упадок стенных газет;

3 этап – с 1996 г. по настоящее время: постепенная трансформация вузовской медиасистемы, как в содержательном плане, так и в технологическом, развитие электронных форматов.

В настоящее время в вузах сформировалась разнородная медиасистема – это печатная пресса, электронные сайты, радиостанции и телестудии, что значительно расширило возможности и в информировании, и в мотивации аудитории. Вузы сами определяют для себя подходящую медиамодель, исходя из финансовых ресурсов и своих приоритетных задач на данном этапе развития.

В советский период практически каждый вуз имел многотиражку, редакция которой была своего рода интеллектуальным центром, притягивающим творческую молодежь и представителей профессорско-преподавательского состава. Редакционные коллективы вузов Советского Союза общались друг с другом, регулярно проводились всесоюзные конкурсы вузовских многотиражек, имеющие цель не только выявить сильнейшие издания, но и консолидировать профессионалов, занимающихся отражением вузовской жизни и вопросов высшего образования.

Ярким примером сложного пути вузовской многотиражки является история газеты Казанского университета. Старейшая вузовская газета страны ведет начало с первой в России провинциальной газеты «Казанские известия». Издание возникло в 1811 г. и в этом же году было передано в распоряжение специального издательского комитета Казанского университета. Однако по-настоящему вузовская газета стала 22 октября 1928 г., когда в свет вышел ее первый номер под названием «На вузовской стройке». С 1929 г. газета стала называться «Ленинец», а в 1992-м г. ее переименовали в «Казанский университет».

На примере многотиражки «Ленинец»-«Казанский университет» мы можем сделать вывод о том, что вузовские корпоративные газеты к началу XXI века уже сформировались как тип издания и использовались различными подразделениями вуза для решения целого спектра образовательных и общественных задач. К ним можно отнести проблемы политической жизни, правовой культуры, нравственности и этики, и конечно же, воспитательной работе. На страницах «Ленинца» в разные годы освещались и процессы реформирования высшего образования, и протестные общественные движения 1990-х гг., и авангардные направления молодежного творчества.

Результативность деятельности вузовских газет зависит от степени профессионализма журналистов, работающих в данном издании. В «Ленинце» всегда работали журналисты-профессионалы, а также печатались материалы внештатных авторов, более того на базе «Ленинца» велись занятия по журналистскому мастерству со студентами разных специальностей по линии Факультета общественных профессий. На протяжении многих лет «Ленинец» курировал проведение конкурса стенной печати всех факультетов.

Уже в 2000-е гг. редакция газеты Казанского университета предпринимает определенные шаги по реформатированию издания: в 2008 г. к юбилейным мероприятиям университета выходит 24-полосный журнал «Казанский университет» формата А4, впоследствии этот формат использовали и в подготовке всех праздничных выпусков. В это же время газету можно было прочитать и в электронной версии, причем, она была полнее, чем «бумажная». Интересным экспериментом стал специальный выпуск для абитуриентов «Шпаргалка» (2010 г.) – своего рода, путеводитель по университету. В это же время в университете активно развивается параллельная структура – Пресс-служба, сотрудники которой размещают на университетском портале информацию о важных событиях вуза. Возникла ситуация дублирования контента. Но официальной причиной закрытия старейшей газеты Казанского университета стал недостаток финансовых средств.

В середине 1980-х гг. в университете начинается радиовещание, а чуть позже – телевидение, а также создается учебное телевидение. Были сформированы студенческие редакции на 6 факультетах и редакция Научной библиотеки им. Н. Лобачевского КГУ. Телевизионное вещание осуществлялось в прямом эфире 4–5 дней в неделю по 15–20 минут по внутриуниверситетской кабельной сети. К сожалению, и в этом случае финансовая проблема стала причиной того, что постепенный износ оборудования сделал невозможными радио- и телетрансляции.

Потребовалось почти 20 лет, прежде чем телевидение в Казанском университете возродится. Это случилось в 2011 году: 17 января вышел в эфир первый выпуск новостей университетского телеканала. Круглосуточное вещание началось 01 сентября 2012 г., кабельное вещание – 16 октября 2016 г. В настоящее время студенческий телеканал UNIVER TV можно смотреть в кабельных сетях, в эфирно-цифровом пакете DVB-T, в приложениях для SmartTV и мобильных устройств, а также – на телевизорах в зданиях университета.

Трансформация вузовских корпоративных медиа под влиянием глобализации информационного пространства и интенсивного развития телекоммуникаций расширяет возможности взаимодействия не только с внутренней аудиторией вуза, но и внешней. «Универ ТВ» использует для телевидения и телепроизводства современные IT технологии, позволяющие выдавать в эфир трансляцию в формате FullHD. Данные технологии также позволяют телеканалу UNIVER TV (второе название телеканала КГУ) в прямом эфире, ежедневно, транслировать студенческие новости, массовые студенческие гала-концерты, научные конференции и семинары, не только происходящие в университете, но и внекорпоративные мероприятия, связанные

со студенчеством и вузовским сообществом Татарстана и России. Кроме того, под эгидой UNIVERSMOTRI вещает круглосуточно студенческое интернет-радио UFM.

Как видим, современные условия развития университетского телевидения способствуют его позиционированию в информационном пространстве не только как корпоративного СМИ, но и внекорпоративного – оно становится полноправным участником глобального медиапроцесса. В связи с этим, идет активное обсуждение разработки стратегии создания межвузовского телевидения. Суть проекта заключается в том, чтобы с помощью телевидения целенаправленно продвигать российские университеты на глобальном медийном уровне. Специалисты оценивают как весомый аргумент в конкурентной борьбе с другими вузами мирового уровня такие важные моменты, как собственное профессиональное видеопроизводство и возможность размещения видеоконтента своих телеканалов и в глобальных массмедиа. Значительным шагом в этом направлении стало, например, создание Международной Ассоциации студенческого телевидения (МАСТ). В 2015 году в Санкт-Петербурге организована Всероссийская ассоциация студенческих медиацентров (АСМ). Основная цель ассоциации – создание Всероссийского студенческого медиапортала [6]. На сегодняшний день в АСМ входят 57 российских университетов.

Таким образом, анализ научной литературы по проблемам развития корпоративных вузовских СМИ, а также изучение современной практики на примере формирования медиасреды Казанского университета позволяют нам сделать следующие выводы:

– Деятельность вузовских СМИ – как печатных, так и электронных – является актуальной научной предметной областью, привлекающей многих ученых. Необходимы комплексные исследования трансформации вузовской медиасреды и факторов, влияющих на данный процесс. Для обозначения медийного измерения университета предлагается даже ввести новый термин – «медиауниверсум» [2];

– Особенно важен региональный аспект, который позволяет определить исторические и культурные закономерности развития вузовских СМИ;

– И, наконец, требует серьезного осмысления тот факт, что дальнейшее развитие вузовских СМИ связано не только с корпоративными задачами, но и с продвижением бренда вуза на глобальном медиaprостранстве, что выводит данные СМИ из статуса корпоративных.

Литература:

1. Даутова Р.В. Телевидение Татарстана: от прошлого к настоящему. Казань : ЗАО «Новое знание». 2010. 280 с.
2. Прохоров А.В. Уровневая модель медиауниверсума современного университета : дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2022. 407 с.
3. Наговицина Т.А. Типологические особенности современной специализированной корпоративной прессы / Т.А. Наговицина; Под ред. Е.С. Дорошук // Медиакоммуникации и журналистика. Сб. научных статей. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 104–113.
4. Мурзин Д.А. Феномен корпоративной прессы. М. : Издательский дом «Хроникер», 2005. С. 105.
5. Горчева А.Ю. Корпоративная журналистика. М. : Вест-Консалтинг, 2008. С. 56.
6. Всероссийский студенческий медиапортал. URL : <http://xn--80aakdqbuilw.xn--p1ai/index/in dex> (дата обращения 28.02.2023).

Literature:

1. Dautova R.V. Television of Tatarstan: from the past to the present. Kazan : CJSC «New Knowledge». 2010. 280 p.
2. Prokhorov A.V. Level model of the media universe of a modern university : dis. ... doctor of philology. Voronezh, 2022. 407 p.
3. Nagovitsina T.A. Typological features of modern specialized corporate press / T.A. Nagovitsina; Ed. E.S. Doroshchuk // Media communications and journalism: Sat. scientific articles. Kazan : Kazan Publishing House. un-ta, 2015. P.104–113.
4. Murzin D.A. The phenomenon of the corporate press. M. : Publishing House «Chronicler», 2005. P. 105.
5. Gorcheva A.Yu. Corporate journalism. M. : West-Consulting, 2008. P. 56.
6. All-Russian student media portal. URL : <http://xn--80aakdqbuilw.xn--p1ai/index/index> (date of the application 28.02.2023).

**«В ОЖИДАНИИ ДРУГА, ИЛИ ПРИЗНАНИЯ ПОДРОСТКА»
Л. НЕЧАЕВА: «ВЗРОСЛЕНИЕ» СОЗНАНИЯ
В ЖАНРЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСПОВЕДИ**

**«WAITING FOR A FRIEND, OR THE RECOGNITION
OF A TEENAGER» BY L. NECHAEV: «GROWING UP» OF CONSCIOUSNESS
IN THE GENRE OF LITERARY CONFESSION**

Жиркова Евгения Алексеевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории,
русской литературы,
теории литературы и критики,
Кубанский
государственный университет
svitenko@list.ru

Eugenia A. Zhirkova

Doctor of Philology,
Professor of the Department
of Russian Literature, History,
Theory of Literature and Criticism,
Kuban State University
svitenko@list.ru

Свитенко Наталья Вячеславовна

кандидат филологических наук,
профессор кафедры истории
русской литературы,
теории литературы и критики,
Кубанский
государственный университет
svitenko@list.ru

Natalya V. Svitenko

Candidate of Philological Sciences,
Professor of the Department
of Russian Literature, History,
Theory of Literature and Criticism,
Kuban State University
svitenko@list.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию жанра литературной исповеди как художественной формы, наиболее отвечающей авторской художественной задаче – представлению типа мышления подростка «диалогического» модуса сознания. Научная новизна работы состоит в обращении к тексту повести для подростков, который прежде не становился предметом научной рефлексии и позволяет увидеть «взросление» героя в нетривиальных аксиологических координатах. Аналитика психологических состояний и логики мысли героя в разных ситуациях, художественно репрезентирующих становление характера, позволяет проследить формирование ценностной системы подростка. Психологический и аксиологический анализ выступают в работе формой исследования причинно-следственной обусловленности внутренних и внешних событий, осмысляемых взрослеющим человеком.

Ключевые

слова:

проза для подростков, литературная исповедь, художественная аксиология, психологическая интроспекция, рефлексия, самопознание, диалогическое сознание.

Annotation.

The article is devoted to the study of the genre of literary confession as an artistic form that best meets the author's artistic task – to represent the type of thinking of a teenager in the «dialogical» mode of consciousness. The scientific novelty of the work lies in the appeal to the text of the story for teenagers, which has not previously become the subject of scientific reflection and allows you to see the «growing up» of the hero in non-trivial axiological coordinates. Analysis of the psychological states and logic of the hero's thought in different situations, artistically representing the formation of char-

acter, makes it possible to trace the formation of the adolescent's value system. Psychological and axiological analysis act as a form of research into the cause-and-effect conditionality of internal and external events comprehended by a maturing person.

Keywords: prose for teenagers, literary confession, artistic axiology, psychological introspection, reflection, self-knowledge, dialogic consciousness.

Одна из устойчивых стилевых тенденций прозы для подростков – обращение к формам организации повествования от первого лица, дневниковым записям или исповеди. Повесть Л. Нечаева – своеобразная контаминация этих жанровых форм: исповедь «по мотивам» школьных дневниковых записей героя. Главная художественная задача автора – представление сложного сознания подростка, запечатление процесса взросления – заставляет обращаться к прямой форме самовыражения личности, в которой психологический самоанализ становится внутренним сюжетом самопознания.

Авторы современных исследований, посвященных специфике жанровой формы литературной исповеди, отмечают, что основное достоинство этого жанра – возможность сконцентрироваться на внутреннем мире героя, детально рассмотреть психологические процессы становления, роста сознания, отсюда – драматизм, напряженность и эмоционально-художественная убедительность повествования [9]. При этом в центре повествования, как правило, находится герой в стадии становления своего внутреннего мира, вглядывающийся во внешний мир, оценивающий его, фиксирующий собственные реакции и формирующий систему ценностей [7].

В художественной форме исповедального рассказа-монолога «слово персонажа может стать до предела сжатым отражением его характера, переживаний, побуждений, своего рода фокусом художественной трактовки образа» [3, с. 347]: «да, все пятнадцать лет моей жизни были ожиданием друга<...> От одиночества я стал много читать. Особенно нравились мне книги-исповеди, книги-признания, дневники, письма, записки» [6, с. 219].

Повесть Л. Нечаева трехчастна; в первой части складываются:

- способ познания смысла для героя и рассказчика;
- его система ценностей, доминанта которой – сокровенное в человеке, та внутренняя «суть», которая открывается или другу (в непосредственном общении, в прямом диалоге), или жаждущему понять другого, внимательному взгляду.

Не случайно, «внимание» – категория и инструмент «внутреннего делания». «Думание» о том, каков потаенный смысл человека рядом с ним, становится главным «внутренним» делом Саши Кузнецова. Размышления героя о поисках одноклассниками ролей для социальной идентичности составляют портретную галерею приятелей и знакомых подростка с точки зрения становления личности.

С точки зрения психологической интроспекции, «человек предстает как цельный характер, а окружающий его мир – как крайне напряженная ситуация, где сумма обстоятельств как бы испытывает человека напрочность» [4, с. 13], и, в контексте сказанного, все повествование оказывается подчинено ведущей психологической задаче – раскрытию логики представленного характера, его самораскрытию и самопознанию. Повесть Л. Нечаева – «биография» души подростка, детальный анализ становления сознания, осознание внутреннего духовного человека.

Складывается форма, близкая к повести-исповеди: между эпизодами внутреннего монолога встроены опоры «объективных» описаний: события школьной жизни проявлены как иллюстрации для понимания исходных обстоятельств, ставших предметом размышлений героя, осознания новых граней человеческой сущности и новых паттернов сознания для понимания близких. Повествование воссоздает не цепь событий, ведущих к кульминации, а детальное исследование внутреннего мира героя через трагически воспринимаемые и осмысляемые обыденные ситуации. Это особенно важно при передаче процесса формирования нравственного чувства, когда герой находится в процессе нравственно-интеллектуальных исканий, на изломах жизни, в моменты нравственного выбора. Фразы организованы по принципу разговорной речи, индивидуация внутреннего мира героя разворачивается через напряженно-философский монолог, вращающийся вокруг проблемы познания «тайны» человеческой личности, смысловой сути окружающих героя людей: «Так, – подумал я. – Получаешь пятерки – человек, не получаешь пятерок – неизвестно, кто ты. Есть награды – человек, нет наград – нет человек... Так выходит. Строить отношения с родителями было еще страшней: хорошо учишься – вроде любить тебя можно, плохо учишься – любить не за что» [6, с. 215–216]. «Личное повествование часто лишь внешне выглядит как монолог, представляя собой, по сути, явный или скрытый диалог (ориентация на

слушателя – предвосхищение «чужого слова», спор с кем-либо, введение «чужого слова»; стилистическая разнородность речи как выражение внутренней диалогичности, противоречивости сознания героя)» [2] Эта художественная форма позволяет обозначить основные вехи душевного состояния героя: «я был перваш, то есть, первоклассник, а человека чувствовал в себе во весь рост» [6, с. 213].

Вторая глава – детальное «думание» («если бы меня спросили, что составляет главное занятие моей жизни, я бы ответил: думание» [6, с. 250]) о родителях и взаимоотношениях с ними – врач, «спокойный и серьезный, с удивительно ясными глазами человек», специалист по лечению псориаза, к которому привели заболевшего героя, сразу понимает суть внутренней проблемы мальчика, и «запретив отцу благодарить», сказал на прощание, что и «для мальчика необходимо исключить наказания, что я принадлежу к типу, который нуждается, прежде всего, в поощрении, в чуткости. Ещё немного – и он бы сказал бы: «В любви...» Но он сдержался» [6, с. 262]. То, что мгновенно семантически «схватывает» взрослый, подростку предстоит мучительно узнать: догадка о том, что он, несмотря на внешнюю заботу и соблюдение репутации образованной семьи, внутренне чужой родителям, не любимый, пронзит все существо героя и подтолкнет к совершению значимого поступка.

В художественной системе психологизма внешние детали всегда соотносены с изображением внутреннего мира, внутреннего процесса, не только воспроизводят жизненные характеристики, но и являются формой выражения психических процессов, служат целям психического изображения. Повествование, посвященное исследованию мытарств идентичности героя в школьные годы, одновременно, становится средством самохарактеристики героя-рассказчика, тонкой неординарной натуры, наделенной даром видеть суть человеческой личности и передавать ее в образах: «человек узнается по тому, как он ведет себя со слабыми. По-моему, лучше быть троичником, но человеком» [6, с. 237]. В связи со сказанным, «событие или поступок читатель воспринимает уже не просто в их прямом, объективном смысле, а как стимул или итог определенной внутренней, эмоционально мыслительной работы или как проявление определенного душевного состояния. Внешние детали мотивируют внутреннее состояние героя, формируют его настроение, влияют на особенности мышления – иногда прямо, иногда очень опосредованно и косвенно» [4, с. 33].

Психологический эффект от попытки контакта отца и сына с новообретенной ценностной точки зрения хорошо передан Нечаевым в следующем эпизоде: «Папа, – уныло говорю я, – зайди в школу по вопросам дисциплины» Папа стал заедать меня поучениями о внимании, прилежании и тому подобном... Я возьми и скажи ему: «Папа, ну будь ты другом хоть раз!» С минуту он оторопело смотрел на меня. «Мы тебе не друзья, мы – родители», – с непробиваемой серьезностью и убежденностью сказал он» [6, с. 216]. Психологи отмечают, что «функция эмоциональной близости» с близкими [10, с. 15] является одной из важнейших для переходного возраста. В терминологии Бахтина, взгляд взрослого – «опредмечивающий», загоняющий в один из шаблонов, существующих в ролевых «наборах» семьи и школы. В то время как ребенок – сознательно или бессознательно протестует против маркировок, убивающих не столько его «инклюзивную» индивидуальность, сколько человеческую самость. Внутренний конфликт подростка с механистическим взглядом взрослых определяет художественную структуру повести. Друг – тот, кто видит тебя таким, какой ты есть на самом деле, любящим взглядом, вопреки всем мелочным ситуативным «падениям», доверяющим на сейчас и во все времена, друг удерживает в сознании твою лучшую версию во времена тяжелых испытаний, потому для дружбы самое страшное – предательство.

Духовным противовесом стереотипному восприятию учительницы и родителей для героя становится образ бабушки, настоящего друга, любящей мальчика не инстинктивно-обобщенно, как далекого, приезжающего на лето, внука, а «штучно», внимательно, конкретно – как человека: «У бабушки было какое-то свое понятие о справедливости и несправедливости, а, точнее, свое отношение к этому. Отношение это выражалось в великом терпении, молчаливо поглощавшем все беды и страдания, которые обрушивались на нее» [6, с. 268]. Бабушка, физически, «энергично» латала «нервного, худого и бледного» подростка, который первые дни пребывания на каникулах «даже о чем-то незначительном говорил так, будто доказывал что-то, правоту какую-то». Постепенно внук перестраивался на «бабушкин тихий лад, говорил не взвинченно и отрывисто, а степенно и кругло» [6, с. 268]. Автор приоткрывает «родовые» корни героя – в кого он? Как мальчишка относится к близким людям и одноклассникам – бережно разгадывая тайну личности человека, так бабушка, по нравственному закону волшебной сказки, относится ко всему вокруг, в первую очередь – к земле: «грядка как малое дитя. Ее, то ватным одеялом накроют, то пленкой спеленают, то погулять-подышать дадут, то напоят, то подкормят» [6, с. 269], у бабушки «время

идет, а вечность приближается» [6, с. 273].

Третья глава – решение подростка покинуть семью и разговор с бабушкой, действительно любящей и понимающей внука как человека, как равного в вопросах души, смысла и отношений. Герой совершает поступок – забирает документы из художественного училища, где мог рассчитывать на интеллектуальный и «статусный» реванш, единственно важный для его мамы и папы, и уезжает на север к бабушке «навсегда». Получив письмо от родителей, страшится открыть его, больше всего опасаясь, что родители «в письме останутся прежними», «поведут себя так, словно ничего не случилось», или «вдруг мама напишет, что я опозорил их перед людьми», а «папа будет иронизировать» [6, с. 271].

Учитывая «содержательные и художественные особенности исповедального жанра, к которым следует отнести правдивое раскрытие личностью собственного духовного мира, самопознание, стремление к диалогичности, отказ от биографической последовательности и перенос акцентов в плоскость духовно-метафизического поиска» [5, с. 131–132], отметим, что герой, осмысливая свой поступок в контексте семейной драмы, рассуждает о природе нравственной реальности вспомнил теорию одноклассника, мечтающего стать писателем-фантастом. Заметив, что «только это никакая не фантастика», герой «говорит о том, что существует мир двух реальностей – реальности дерева, выращенного и реальности дерева сломанного. Как только человек ломает деревце, он тотчас переходит в другую реальность, реальность погубления живого, в реальность зла. Внешне он продолжает быть похожим на человека, но на самом деле он монстр» [6, с. 271]. Для героя повести только такая система ценностей и существует.

«Исповедальная интенция в жанре дневника имеет некоторые общие черты с исповедью религиозной, но находит более разнообразные формы реализации, что связано с особенностями жанра <...> и предполагает раскрытие души, большую откровенность, а не покаяние в истинном смысле этого слова» [8, с. 131–132]. В соответствии с жанровой формой, третья глава – исповедальное признание самому близкому человеку – бабушке.

Герой с точки зрения родителей и в контексте «второсортности, проистекающей из пятибалльной системы» [6, с. 254] – «троечник», «слабак», «неудчник»; по самоощущению – «отшвырок», «откидыш»; по мудрому слову бабушки – «теленочек неоближенный», недолюбленный и непонятый родителями. Бабушка спасает подростка – просто пониманием и любовью, просто тем, что, когда мальчишка «надежду на себя терял», говорила «от всех ты плохой, а от меня – хороший», просто верила во внука, как в человека.

«Там, где является попытка зафиксировать себя самого в покаянных тонах в свете нравственного долженствования, возникает первая существующая форма словесной объективации жизни и личности <...> – самоотчет-исповедь <...> – одинокое отношение к себе самому – таков предел, к которому стремится самоотчет-исповедь <...> и на пути к этому пределу другой бывает нужен как судья, который должен судить меня, как я себя сам сужу, не эстетизируя меня, нужен для того, чтобы разрушить его возможное влияние на мою самооценку, чтобы путем самоунижения перед ним освободить себя от этого влияния его оценивающей позиции» [1, с. 131–132]. В ситуации инициационного выбора («я казался сам себе рекой, которая вдруг встретила препятствие и которая ищет пути: броситься ли ей влево, ринуться ли вправо, двинуться ли вспять или, поднявшись, хлынуть через препону» [6, с. 275], бабушка выступает в роле мудрого советчика, ведающего секрет чудесного спасения: «Помиришь, Сашенька, с ними <...> Терпи, соколик, терпи <...> Не для обмана, а, как раз, для правды. Потому что ты сам себя не знаешь. И может быть, их тоже еще не знаешь, какие они на самом деле. Человека никто до конца не знает. А вдруг ты поразишь их в самое сердце?» [6, с. 275]. И бабушка не ошиблась. Последняя часть повести стилистически – эмоционально и интонационно – сближается с жанром исповеди: рождение «нового» человека становится молитвой о понимании и прощении, обращенной к самому дорогому и любимому герою человека – бабушке, единственному источнику понимания и прощения.

Повесть воспроизводит сложный механизм движения мысли подростка, становления сознания, кристаллизации системы ценностей с точки зрения познающего субъекта. Художественная задача автора – передать течение мысли подростка, внутренние процессы формирования мышления в их динамике, жанр «литературной исповеди» – одна из наиболее «сильных» форм для представления ценностного и психологического анализа. В исповедальном жанре позиции «автора», осуществляющего «событие рассказывания», и «героя», чьи душевные переживания, нравственные поиски, поступки составляют основу сюжета, разделяют две границы – временная и ценностная. Временную границу определяет ретроспективная специфика исповедального жанра: герой повествует о себе как о «другом», вспоминающем, переживающем школьные годы

как испытание на человечность. Аксиологическая граница определяется художественным представлением становления системы ценностей подростка и инициационным «экзаменом»: в ситуации экзистенциально важного выбора, герой совершает решительный поступок (побег из дома как эскапистский «эрзац» суицида), но остается в полюсе ценностей конвергентного сознания – диалог со своими «чужими» родителями не только не обрывается, но выходит на новый ранее невозможный уровень общения – онтологически равных личностей.

Литература:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
2. Вайнштейн С.В. Психологическая интроспекция в XXI веке: исторические тенденции и феномены методологии / С.В. Вайнштейн // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. № 4. С. 31–39.
3. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л. : Советский писатель, 1971. 464 с.
4. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. М. : Флинта, 2003. 173 с.
5. Леонов И.С. Книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы» в контексте жанра литературной исповеди: циклы «Судьбы» и «События» // Новый филологический вестник. 2019. № 4(51). С. 205–219.
6. Нечаев Л.Е. В ожидании друга, или Признания подростка / Л.Е. Нечаев // Школьные годы. Вып. 3: Повести. М. : Дет. лит., 1990. 414 с.
7. Патрикеев С.И. Исповедь в поэтике русской прозы первой трети XX в.: Проблемы жанровой эволюции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 1999. 24 с.
8. Пригарина А.С. Пути реализации исповедальной интенции в жанре дневника / А.С. Пригарина // Известия ВГПУ. 2012. № 2. С. 32–35.
9. Честнова Н.Ю. Исповедальность как принцип становления поэтики художественной прозы Ф.М. Достоевского: на материале повести «Записки из подполья» и романа «Подросток» : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2012. 24 с.
10. Якунин А.П. Социальные представления о ролях взрослого человека у подростков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 26 с.

Literature:

1. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M. : Art, 1986. 445 p.
2. Weinstein S.V. Psychological introspection in the 21st century: historical trends and phenomena of methodology / S.V. Weinstein // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2010. № 4. P. 31–39.
3. Ginzburg L.Ya. About psychological prose. L. : Soviet writer, 1971. 464 p.
4. Esin A.B. Psychologism of Russian classical literature. M. : Flinta, 2003. 173 p.
5. Leonov I.S. The book of Archimandrite Tikhon (Shevkunov) «Unholy Saints and other stories» in the context of the genre of literary confession: cycles «Fates» and «Events» / I.S. Leonov // New Philological Bulletin. 2019. № 4(51). P. 205–219.
6. Nechaev L.E. Waiting for a Friend, or Confessions of a Teenager / L.E. Nechaev // School Years. Issue 3: Novels. M. : Det. lit., 1990. 414 p.
7. Patrikeev S.I. Confession in the Poetics of Russian Prose in the First Third of the 20th Century: Problems of Genre Evolution : abstract dis. ... cand. philol. sciences. Kolomna, 1999. 24 p.
8. Prigarina A.S. Ways of realization of confessional intention in the diary genre. Izvestiya VGPU. 2012. № 2. P. 32–35.
9. Chestnova N.Yu. Confession as a principle of the formation of the poetics of artistic prose F.M. Dostoevsky: based on the story «Notes from the Underground» and the novel «The Teenager» : Abstract dis. ... cand. philol. sciences. Vladimir, 2012. 24 p.
10. Yakunin A.P. Social representations of the roles of an adult in adolescents : abstract dis. ... cand. philol. sciences. SPb., 2017. 26 p.

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА

COGNITIVE-COMMUNICATIVE AND LINGUO-PRAGMATIC ASPECTS OF ARTISTIC DISCOURSE BY EVGENY VODOLAZKIN

Лекарева Ирина Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент,
Кубанский государственный университет
ilekareva@yandex.ru

Irina N. Lekareva
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Kuban State University
ilekareva@yandex.ru

Немыка Анна Анатольевна
доктор филологических наук,
доцент,
профессор кафедры,
Кубанский государственный университет
annemyka@yandex.ru

Anna A. Nemyka
Doctor of Philology Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department,
Kuban State University
annemyka@yandex.ru

Павловская Ольга Евгеньевна
доктор филологических наук,
профессор,
заведующая кафедрой,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
oepa@mail.ru

Olga E. Pavlovskaya
Doctor of Philology Sciences,
Professor,
Head of the Department,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
oepa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема понимания современным читателем когнитивно сложного художественного текста в процессе чтения как лингвокультурной коммуникации. Делаются выводы о специфике произведений Е. Водолазкина в аспекте инвариантности смысловых парадигм и о том, что аксиологические смыслы, будучи инвариантными, доминируют над вариативной прагматикой. Е. Водолазкин, в значительной степени, интертекстуален и одновременно ярок в национальной специфичности, однако смысловая инвариантность его произведений понятна не только читателям, принадлежащим к русскому языку и культуре, но и представителям других языков и культур.

Ключевые слова: дискурс, художественный текст, когнитивность, коммуникация, лингвопрагматика, интертекстуальность, аксиология, языковая личность.

Annotation. The article deals with the problem of understanding by a modern reader of a cognitively complex literary text in the process of reading as a linguocultural communication. Conclusions are drawn about the specifics of the works of E. Vodolazkin in the aspect of the invariance of semantic paradigms and that axiological meanings, being invariant, dominate over variant pragmatics. E. Vodolazkin is largely intertextual and at the same time bright in national specificity, however, the invariant of sense of his works is understandable not only for readers belonging to Russian language and culture, but also for representatives of other language and cultures.

Keywords: discourse, literary text, cognition, communication, linguistic pragmatics, intertextuality, axiology, linguistic personality.

Х удожественный текст строится на вторичных семантических функциях лексем и субъективных смысловых ассоциациях, что требует от вдумчивого читателя значительных творческих усилий по его интерпретации. Степень этих усилий определяется уровнем семантической сложности текста, а их результат связан с наличием у читателя «базы данных», необходимых для декодирования прочитанного. Эта база состоит из лингвистических, психолингвистических и экстралингвистических знаний, а также из инструментов по их использованию, например, навыков аналитического чтения.

В экстралингвистические данные входят, так называемые, «фоновые знания», личностные качества и персональный жизненный опыт адресата текста, уровень его образования, общей эрудиции, начитанности и т.д. Лингвистический аспект представлен знаниями о парадигматике и синтагматике языковых единиц, психолингвистический – индивидуальной вербально-ассоциативной сетью, индивидуальным лексиконом, семантиконом и прагматиконом. Все перечисленное входит в активно обсуждаемое и функционирующее в лингвистическом дискурсе понятие «языковая личность». Стиль Евгения Водолазкина изобилует лексическими и фразовыми повторами в виде катафоры и когезии. С одной стороны, это помогает сфокусировать внимание читателя на смысловых доминантах текста. С другой стороны, этот прием характерен для классического сакрального текста [1].

Когнитивный уровень понимания художественного текста был выделен Г.И. Богиним [2]. Исследователи полагают, что на когнитивно-коммуникативном уровне задействуется «опыт коллективного знания, универсальные ценностные смыслы, устойчивые ассоциации, образы, символы, мифологемы, архетипы» [3, с. 150]. Вместе с тем, на прагматическом уровне к перечисленным коллективным смыслам непременно прибавляются личностные смыслы.

Очевидно, что каждый читатель воспринимает в тексте (декодирует = конструирует) собственные персональные смыслы, совпадающие или не совпадающие со смыслами других читателей этого же текста. Отметим, что разными читателями, безусловно, являются не только разные люди. Содержательно книга, прочитанная в разные периоды жизни человека, воспринимается как две разные книги, ибо повзрослевший читатель не тождествен самому себе в юности и обычно открывает для себя новое в давно прочитанном тексте (лингвопрагматика).

В данном ракурсе, интересно провести сравнительное синхронное исследование различных читательских интерпретаций художественного дискурса Евгения Водолазкина. Выбор этого автора обусловлен несколькими причинами: всемирной известностью его произведений, признанием в профессиональной литературной среде, но главное – острой злободневностью изображаемых конфликтов, а еще тем, что писатель сумел найти и воплотить актуальный образ героя нашего времени.

Валентин Распутин в одном из интервью сказал следующее: «И кто герой нашего времени? Тот, кто не поддался на весь этот срам, который живет, все-таки, совестью, не отринув от себя совесть, который живет традициями своего народа, который помнит свой родной язык. Вот кто герой нашего времени» [4]. Эти слова русского классика в полной мере можно отнести к героям романов Евгения Водолазкина.

Обращение к произведениям Водолазкина стирает разницу между элитным и массовым читателями в том плане, что и тот, и другой ищут у автора «Авиатора» свои аксиологические смыслы, которые, будучи разными по объему и глубине восприятия у каждой языковой личности, тем не менее, уравниваются по своей значимости в личной картине мира.

Современный неискушенный читатель, в особенности иностранец, не знаком с прецедентными текстами древнерусской литературы, естественно, он не распознает встречающиеся у Водолазкина реминисценции из «Пчелы», жизнеописаний святых и «Псалтыри». Поэтому он не видит, например, в романе «Лавр» интертекстуальных пересечений и построенных на их основе авторских аллюзий. Однако осмелимся утверждать, что это не мешает и такому «обычному» читателю интерпретировать текст произведения в его универсальном идейном русле, в тех аспектах, которые затрагивают помыслы и чувства каждого человека, задумывающегося, время от времени, о смысле нашего общего и личного бытия, потому что об универсальных вещах можно говорить и читать на любом языке.

В связи с большим интересом к романам Е. Водолазкина и их высоким читательским и литературоведческим рейтингам (популярны сравнения данного автора с Ф. Достоевским, У. Эко, Г. Маркесом), предлагаются идеи об использовании его текстов при обучении русскому языку и русской культуре иностранцев [5]. Парадоксальность выбора такого лингводидактического материала, на наш взгляд, заключается в том, что, хотя Евгений Водолазкин, в значительной степени, интертекстуален и одновременно ярок в национальной специфичности, инвариант

смыслового прочтения его произведений ориентирован не только на большинство читателей, принадлежащих к русской лингвокультуре, но и на представителей других лингвокультур.

Что нравится читателям в его книгах? В одном из интервью писатель так говорил о том, что определило форму и содержание романа «Лавр»: «*В новом романе я не пытаюсь проповедовать <...>, просто рассказываю историю частного человека. <...>* Использую интонации иссле­дуемых и переводимых мной текстов. Язык древнерусских текстов – удивительный, на нем нельзя болтать. Всякого, кто имеет с ним дело, он дисциплинирует. Воспитывает и приподнимает». Таким образом, с одной стороны, мы видим возвращение в большую литературу «маленького человека», а с другой – обращение к культурным корням, к исторической «генетике» [6].

Е. Вежлян ищет ответ на вопросы: Почему романы Е. Водолазкина востребованы в современном обществе? Почему в соцсетях так много положительных отзывов обычных читателей? – и констатирует, что автор «затрагивает какой-то важный нерв в современном мироощущении, отзывается на какую-то глубинную потребность» [7]. Но исследовательница при этом не определяет ни сам «нерв», ни духовную «потребность». Неопределенность (*какой-то, какая-то*) здесь вполне объяснима, потому что, задетый автором «нерв», проходит через жизнь, смерть и любовь, а у разных читателей мнения и впечатления об этих явлениях никогда не совпадают полностью.

Следует сказать, что для молодых российских читателей сейчас актуальна совершенно другая система ассоциаций, сформированная на иных текстах, чем у предыдущих поколений. Многие эпизоды оказываются не вполне расшифрованными именно в силу их необычности, в контексте жизненного опыта современного читателя, и вызывают у него недоверие: «Так не бывает!». Например, наблюдения показали, что большинство современных читателей не могут правильно интерпретировать повествование о том, как главные герои вместе читают книгу дома вечером (в романе «Оправдание острова»). У молодых людей вызывает удивление сам факт того, что люди читают книгу *вдвоем*, читают не на работе и не для работы, а дома, да еще, будучи мужем и женой – т.е. общаются друг с другом опосредованно через чтение, через ассоциативные категории экзистенциального текста. Это кажется студентам нехарактерным и даже неправдоподобным. Читатели признались, что они не поняли саму ситуацию. Но, в данном случае, можно говорить об изображении автором неких бытовых реалий, которые просто существуют в иной временной и культурно-понятийной плоскости. Здесь мы имеем дело с прагматическим аспектом интерпретации художественного текста.

Применительно к творчеству Евгения Водолазкина, можно также кратко сформулировать выводы о ряде ключевых факторов, влияющих на специфику его прочтения читателями с разным объемом фоновых знаний. Одним из главных действующих «персонажей» в романах Евгения Водолазкина является время как многослойная текстовая суперкатегория, важнейшая детерминанта художественного дискурса автора. Наличие множества интертекстуальных и культурных реминисценций в художественном дискурсе Евгения Водолазкина не мешает полноценной интерпретации произведения, поскольку в его основе лежат универсальные ценности. Подобные произведения нивелируют различия между элитарным и массовым читателем в силу оказываемого на последних мощного идейно-эмоционального воздействия.

Таким образом, интерпретация художественного текста в аспекте инвариантности прагматических и смысловых парадигм возможна, благодаря универсальности природы человека и, входящих в его когнитивную систему, экзистенциальных категорий, ценностей и особенностей ментально-языкового восприятия.

Литература:

1. Иванова Р.А. Текст и дискурс в когнитивно-коммуникативном аспекте / Р.А. Иванова // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы. Сб. науч. трудов. М.; Тамбов : Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2013. С. 732–743.
2. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М. : Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.
3. Чернявская Н.А. К вопросу об уровнях понимания художественного текста / Н.А. Чернявская // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 148–152.
4. «Душа хранит». Интервью с писателем Валентином Распутиным 10 января 2013 г. URL :

https://www.youtube.com/watch?v=gkjr9XPhpyM&ab_channel (дата обращения 30.05.2022).

5. Иванова Е.А. Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водолазкина «Лавр» / Е.А. Иванова // Мир русского слова. СПб., 2014. № 3. С. 66–71.
6. Финалист «Большой книги» Евгений Водолазкин о юродивых, Михаиле Шемякине и нелюбви к кокошникам // Российская газета от 15.06.2010.
7. Вежлян Е. Присвоение истории / Е. Вежлян // Новый мир. 2013. № 6. URL : http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2013_11/Content/Publication6_984/Default.aspx (дата обращения 30.05.2022).

Literature

1. Ivanova R.A. Text and discourse in cognitive-communicative aspect // Cognitive studies of language. Issue XIII: Mental foundations of language as a functional system. Collection of scientific papers. M.; Tambov : Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2013. P. 732–743.
2. Bogin G.I. Gaining the ability to understand: An Introduction to philological Hermeneutics. M. : Psychology and Business OnLine, 2001. 516 p.
3. Chernyavskaya N.A. On the question of the levels of understanding of a literary text // Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2018. Vol. 24. № 2. P. 148–152.
4. «The soul keeps». Interview with the writer Valentin Rasputin on January 10, 2013. URL : https://www.youtube.com/watch?v=gkjr9XPhpyM&ab_channel (date of the application 30.05.2022).
5. Ivanova E.A. Linguoculturological potential of E. Vodolazkin's novel «Laurel» / E.A. Ivanova / The world of the Russian Word. SPb., 2014. № 3. P. 66–71.
6. Finalist of the «Big Book» Evgeny Vodolazkin about the fools, Mikhail Shemyakin and dislike of kokoshniks // Rossiyskaya Gazeta from 06/15/2010.
7. Vezhlian E. Assignment of history // Novy Mir. 2013. № 6. URL : http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2013_11/Content/Publication6_984/Default.aspx (date of the application 30.05.2022).

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
В РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF VALUE CHARACTERISTICS
IN VARIOUS LINGUISTIC CULTURES
(USING THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND SPANISH LANGUAGES)**

Немыка Анна Анатольевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры
русского языка как иностранного,
Кубанский государственный университет
annemyka@yandex.ru

Anna A. Nemyka

Doctor of Philology Sciences,
Professor of the Department
of Russian as a Foreign Language,
Kuban State University
annemyka@yandex.ru

Дацко Мария Вадимовна

магистрант
филологического факультета,
Кубанский государственный университет
mariavoyager@yandex.ru

Maria V. Datsko

Master's Student
of the Faculty of Philology,
Kuban State University
mariavoyager@yandex.ru

Глоба Надежда Николаевна

преподаватель кафедры
английской филологии,
Кубанский государственный университет
needle95@yandex.ru

Nadezhda N. Globa

Lecturer of the Department
of English Philology,
Kuban State University
needle95@yandex.ru

Чернова Любовь Викторовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры отечественной
филологии и журналистики,
Армавирский государственный
педагогический университет
lolache@mail.ru

Lyubov V. Chernova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Russian Philology and Journalism,
Armavir State Pedagogical University
lolache@mail.ru

Аннотация.

В данной статье приведен сравнительный анализ ряда русских и испанских базовых лексем с лингвокультурным компонентом значения. Рассмотрены значимые ценностные параметры, отраженные в языковой системе русского и испанского языков: этикет, отношение к работе, браку и семье, дружеские взаимоотношения, обычаи и привычки. В данном исследовании была предпринята попытка выявить сходства и различия базовых аксиологических показателей в русской и испанской лингвокультурах.

Ключевые слова:

лингвокультурология, сравнительный анализ, лингвокультура, языковая картина мира, аксиология, лингвокультурема, эквивалентность.

Annotation.

This article represents a comparative analysis of several Russian and Spanish basic lexemes with a linguocultural component of meaning. The significant value parameters reflected in the Russian and Spanish language systems are considered: etiquette,

attitude to work, marriage and family, friendly relationships, customs and habits. In this study, an attempt to identify similarities and differences between basic axiological indicators in Russian and Spanish linguistic cultures was made.

Keywords: linguoculturology, comparative analysis, linguoculture, linguistic worldview, axiology, linguocultureme, equivalence.

Понятие «лингвокультурология» предполагает всестороннее рассмотрение проблемы взаимоотношения языка и культуры. На современном этапе развития языковедения, изучения функциональных особенностей лингвокультуры и способов овладения как иностранным, так и родным языками актуально сопоставление лингвокультурных особенностей разных этносов.

Исключительность каждого народа определяется многовековыми традициями и обычаями, особенностями мышления, приобретенными навыками и идеями, определяющими образ жизни человека. В связи с появлением новых средств коммуникации, возникновением повышенного интереса к культуре и истории других стран, актуализируется сопоставительное изучение значимых лингвокультур, в том числе, в русском и испанском языках.

С целью выявления соотношений в языковой картине мира русских и испанцев значимых аксиологических параметров, наиболее эффективен метод ассоциативного эксперимента. В нашем исследовании принимали участие студенты-испанцы и русскоязычные студенты в возрасте от 19 до 24 лет в количестве 50 человек.

Для наиболее целостного описания языковой картины мира русских и испанцев были избраны базовые социокультурные ценности, отражающие особенности их функционирования в системе языка: этикет, отношение к работе, браку и семье, дружеские взаимоотношения.

Так, например, обращение испанцев друг к другу имеет свои характерные особенности. Наряду с формальным обращением «tu», существует более вежливое «usted». Правильное применение данных выражений для иностранцев можно назвать искусством, так как использование приведенных выше конструкций имеет определенные особенности. Например, слово «usted», при произнесении с неверной интонацией может быть неправильно воспринято, несмотря на изначально вежливый подтекст. Такое обращение будет восприниматься собеседником как вызывающее [Локтев, 2009].

С другой стороны, если вы, в попытках выразить свое уважение и расположить к себе собеседника, обратитесь к полицейскому на «вы» («usted»), то его может насторожить конструкция, представленная в чересчур вежливой форме. Аккуратность в применении данных установок очень важна, так как чрезмерная вежливость может в определенных ситуациях послужить намеком на относительно немолодой возраст и привести представителя данной национальности в недоумение.

Однако, в отношении пожилых женщин, согласно испанскому этикету, следует использовать оборот «usted». Данное правило распространяется и на обращение к важным персонам. Конструкции «don» и «doña» означают глубокое уважение и почитание. Чаще всего данные фразы используются по отношению к юристам, академикам, врачам и другим людям, имеющим высшее образование.

В России в основе этикета лежит уважение, поэтому «Вы» используется довольно часто: в обращении к незнакомцам или малознакомым людям, к старшему поколению, к коллегам и преподавателям. Для представителей испанской национальности, напротив, представляется нормативным обращаться к преподавателю на «ты» («tu»), что является существенным отличием русской и испанской лингвокультуры на уровне функционирования типичных этикетных формул коммуникации.

Для большинства представителей испанского менталитета временной фактор не выступает чем-то ограничивающим, в работе отсутствует срочность, а крайний срок может растянуться на долгое время. Отсюда и вытекает принцип «здесь и сейчас», испанцы стараются жить наполненным яркими впечатлениями настоящим, любить жизнь, наслаждаясь каждым моментом. Гедонистическое отношение к жизни обуславливает такое понятие, как «mañana». Данная лексема дословно переводится как «завтра» и подразумевает собой откладывание дела на неизвестный по определенности срок (завтра, послезавтра, в следующем месяце или в году). [Сергеева, 2006].

Одним из важнейших событий в жизни испанцев является появление ребенка. Причем день рождения (с испанского – cumpleaños) отмечается два раза в год. Первый – в дату рождения, а второй – это именины, которые празднуются в память о святом, в честь которого назван именинник. Одним из главных поводов для двойного дня рождения является любовь испанцев к

празднованиям, встречи с многочисленными друзьями, развлечения, отдых и наслаждение праздником [Смирнова, 2015]. В России традиционно день рождения отмечается один раз год. В зависимости от религиозных предпочтений именины, как правило, не отмечаются большинством россиян.

Примером любви к размеренному отдыху и непринужденному общению может служить выражение – «sombremesa» в испанской лексике отсутствием эквивалента в русском языке. Данная лексема означает промежуток времени после приема пищи, когда все участники застолья ведут размеренную беседу. В данной ситуации еда отходит на второй план, уступая общению первое место.

Представители испанской культуры заводят новые знакомства с поразительной легкостью, обладая свойственной данной национальности открытостью и дружелюбием. Однако лексическое значение «amigos» и «compadres» имеет некоторые различия в сравнении с русскими эквивалентами.

Использование лексемы «amigos» не всегда предполагает лексическое значение русскоязычного слова «друг». Согласно последним исследованиям, слово «amigos» допустимо употреблять по отношению к человеку, которого знаешь недавно [Кутьева, 2012]. Это объяснимо тем, что главным фактором перехода от знакомства к дружбе является качество проведенного вместе времени и характер существующих взаимоотношений.

В России довольно четко определены границы данного явления. Понятие «дружба» для представителей русской национальности – это выражение совокупности нравственных качеств: поддержки, заботы, сострадания и эмпатии, проявляемых по отношению к другому человеку.

С возникновением новых культурных тенденций, национальный язык претерпевает изменения как на лингвистическом, так и на экстралингвистическом уровне. Сопоставление базовых аксиологических показателей испанской и русской лингвокультур, позволяет выявить сходства и различия, отражающие их языковые особенности. В ходе исследования было установлено наличие лексики с лингвокультурным компонентом значения, которая при дословном переводе приобретает семантические различия, что является важным показателем при сопоставлении испанской и русской языковой картины мира.

Литература:

1. Кутьева М.В. Особенности испанского национального характера: их след в «Первой сотне» испанских слов / М.В. Кутьева // Вестник ВятГУ. 2012. № 2.
2. Кутьева М. Коммуникативное поведение испанцев: лингвокультурологический подход / М. Кутьева // Язык и мир изучаемого языка. 2011. № 2. С. 75–78.
3. Локтев С.П. Этнокультура Испании. Пятигорск : ПГЛУ, 2009. 120 с.
4. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2006. С. 98.
5. Смирнова Е.В. Культурные доминанты в языковой картине мира испанцев. М., 2015. 18 с.

Literature:

1. Kutyeva M.V. Features of the Spanish national character: their trace in the «First hundred» Spanish words / M.V. Kutyeva // Vestnik VyatGU. 2012. № 2.
2. Kutyeva M. Communicative behavior of Spaniards: a linguoculturological approach / M. Kutyeva // Language and the world of the studied language. 2011. № 2. P. 75–78.
3. Loktev S.P. Ethnoculture of Spain. Pyatigorsk : PGLU, 2009. 120 p.
4. Sergeeva A.V. Russians: stereotypes of behavior, traditions, mentality. M., 2006. P. 98.
5. Smirnova E.V. Cultural dominants in the language picture of the world of Spaniards. M., 2015. 18 p.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

SPEECH PORTRAIT OF A MODERN RUSSIAN SERVICEMAN

Родина Надежда Андреевна
кандидат филологических наук,
доцент,
старший преподаватель
кафедры русского языка,
Военный университет
имени князя Александра Невского
Министерства обороны
Российской Федерации
sperance84@mail.ru

Nadezhda A. Rodina
Candidate of Philological Sciences,
Assistant Professor,
Senior Lecturer
of the Department of Russian,
Military University named after
Prince Alexander Nevsky
Ministry of Defense Russian Federation
sperance84@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается одна из групп современного социума – среда военнослужащих, которая и в настоящее время представляет собой достаточно закрытое сообщество. Представлено понятие «речевой портрет», краткая история его изучения, а также – существующие труды, касающиеся речевого портрета военнослужащего. Целью статьи является попытка составления комплексного речевого портрета представителя военного социума. Рассматривается понятие «особенности коммуникации военнослужащих» как на материале наблюдения, так и на основании данных, полученных в результате анализа военных мемуаров. Особенности речи последовательно анализируются в соответствии с выявлением «диагностических пятен» на уровнях фонетики, используемой лексики, грамматического строя высказываний, качеств хорошей речи автора-военнослужащего, полиглоссии и диглоссии. Материал исследования может быть использован в учебном процессе, как в гражданских, так и военных вузах, для проведения семинаров и спецкурсов по социолингвистике. Также, немаловажен представленный опыт для дальнейших разысканий в области социолингвистики и речевой коммуникации.

Ключевые слова:

языковая личность, речевой портрет, российский военнослужащий, диагностические пятна, лексические особенности, грамматические особенности, качества речи.

Annotation.

The article deals with one of the groups of modern society – the military society, which is still a fairly closed community. The concept of a speech portrait, a brief history of its study, as well as existing works related to the speech portrait of a serviceman are presented. The purpose of the article is an attempt to compile a complex speech portrait of a representative of the military society. The concepts of communication features of servicemen are considered both on the basis of observation and on the basis of data obtained as a result of the analysis of military memoirs. Speech features are sequentially analyzed in accordance with the identification of «diagnostic spots» at the levels of phonetics, the vocabulary used, the grammatical structure of statements, the qualities of a good speech of the author-serviceman, polyglossia and diglossia. The research material can be used in the educational process both in civilian and military universities, for conducting seminars and special courses in sociolinguistics. The presented experience is also important for further research in the field of sociolinguistics and speech communication.

Keywords:

language personality, speech portrait, Russian serviceman, diagnostic spots, lexical features, grammatical features, speech quality.

«Главный путь изучения человека – изучение человеческого языка, а, следовательно, главная из наук о человеке – лингвистика», – справедливо утверждал Н.Н. Вольский. Выступая в качестве хранителя и транслятора культурной традиции, язык также объединяет поколения и народы в коммуникативном пространстве, является показателем идентичности личности.

Следует отметить, что личность представляет собой общественно-историческую категорию и изучается многими общественными науками. Она социально-детерминирована и, решая важные жизненные задачи, формируется и развивается. В течение жизни каждая личность активно включается в социальные структуры общества, в связи с чем, ее взаимоотношения с окружающим миром усложняются.

В отличие от правовой, экономической или этической, языковая личность не является частично-аспектным коррелятом личности вообще. Обобщенно языковую личность можно охарактеризовать следующим образом: это собой уникальный феномен, который неоднозначно понимается различными исследователями, однако все они едины в определении этого феномена как продукта неразрывного рассмотрения языка и личности человека [20].

Языковая личность может репрезентировать одного человека и тогда является индивидуальной, а может представлять какой-либо социум и, в этом случае, являться коллективной. Коллективная языковая личность, несущая в себе признаки этнической групповой принадлежности, получила название этнической языковой личности. Ее коммуникативное поведение определяется нормами и стереотипами, обусловленными обычаями и традициями данной культуры, и образует речевой портрет этнической языковой личности.

Согласно исследованию, проведенному Т.Л. Гурулевой, для коммуникативного поведения русской языковой личности свойственны следующие черты: обсуждение нескольких тем одновременно, переключение с одного собеседника на другого, перебивание говорящего и вступление в разговор в середине фразы, помощь формулировать говорящему мысли или высказывать свое мнение. Также, часто присутствуют жалобы на судьбу, несмотря на необязательность следования за ними просьбы о помощи или совете. При этом индивидуальные реплики могут иметь большую продолжительность и эмоциональную окраску (в случае совета, упрека, насмешки и т.п.). Коммуницируя, россияне категоричны, прямолинейны, эмоциональны, искренны, ориентируются на традиции, историю, родственные связи, говорят то, что думают, активно отстаивают свою точку зрения, не признают формальных комплиментов, воспринимают деловое общение как личное. В речи характерно использование побудительных предложений, носящих характер жесткого предписания (помимо отношений «руководитель – подчиненный»). Кроме того, в русском фразеологическом массиве отражены основные черты национального характера, такие, как: всепрощение и человечность, сочувствие и отзывчивость, самокритичность и терпение, трудолюбие и сила воли, мужество, смелость и стойкость, свободолюбие, религиозность, служения идеалам добра и справедливости, обостренное чувство долга. В целом же, поскольку русские достаточно вдумчивы, их общению свойственна ориентация на содержание, а не на форму [7].

Обратимся к краткой истории изучения речевого портрета. Первые описания его звуковой составляющей появились еще в 60-е годы XX столетия в работах Е.Д. Поливанова. Попытку подробного описания, в том числе и фонетической составляющей речевого портрета, осуществили в своей работе М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова. Вопросы речевого портретирования рассматривались в работах Т.Г. Винокур, Т.И. Земской, Т.М. Николаевой, Л.П. Крысина и др. Наибольший интерес исследователей это направление вызвало в восьмидесятые – девяностые годы XX века. М.В. Панов исследовал в первую очередь фонетические особенности речи разных людей, Е.А. Земская – речевой портрет ребенка 2–6 лет, И.В. Голубева восстанавливала речевой портрет личности на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы, Т.И. Ерофеева описывала речевой портрет говорящего, К.Ф. Седов представил речевые портреты конкретных языковых личностей с учётом социально-психологических параметров, профессии, речевых жанров, информативного общения, речевой фатики и некоторых других критериев. В рамках лингвистики того времени, было сформулировано важное положение о том, что в речевом портрете человека отражается его принадлежность к социальным общностям [16, 24].

Попытки создания речевого портрета личности применимы к любой из известных сфер общения. Современные исследования речевых портретов затрагивают коммуникативное поведение языковых личностей разной социальной и этнической принадлежности [1; 4; 5; 8; 17; 18; 19; 26], а также – их сопоставительный анализ: русской языковой личности [11; 21], английской и русской языковых личностей [12], носителей англоязычных и российской культур [9] и др.

Исходя из упомянутых работ, можно утверждать, что понимание речевого портрета осуществляется, как в узком смысле, так и в широком: особенности речи конкретного носителя языка формируют индивидуальный речевой портрет, а особенности речи представителей какой-либо социальной группы – групповой.

В целом же, анализ современной научной литературы позволяет сформировать следующее определение понятия речевого портрета: средство общения, передачи информации от человека к человеку, по сути дела, специфическая форма взаимодействия людей в процессах их деятельности, осуществляющаяся, главным образом, при помощи языка.

Как уже было сказано, теория социально-речевого портрета носителя языка особенно активно начала развиваться в конце XX в., однако принципы создания и описания речевого портрета в лингвистике были впервые даны в обобщенном виде Т.М. Николаевой в статье «Социолингвистический портрет» и методы его описания». Исследователь указала на ущербность эксплицитного подхода, при котором многие языковые парадигмы не представляют уникальность портретируемого, поскольку «оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам» и рекомендовала «фиксировать яркие диагностирующие пятна». Метафорическое терминологическое словосочетание «диагностирующие пятна» сегодня является центральным понятием в методологии создания индивидуальных и коллективных речевых портретов [2].

Продолжая идею уникальности Т.М. Николаевой, другой подход, необходимый для создания речевого портрета, ввел Л.П. Крысин. По его мнению, составными частями речевого портрета выступают фонетические особенности, специфика набора языковых единиц, а также - речевое поведение и языковая игра. Поскольку в речевом портрете человека отражается его принадлежность к социальным общностям, Л.П. Крысин описывает одновременное вхождение человека в структуры нескольких социальных общностей как его полиглоссность. Это понятие лингвист применяет к анализу речевого поведения человека малых социальных групп. Помимо полиглоссности, представителям этих же групп также присуща диглоссия, «проявляющаяся в том, что при внутригрупповом общении они используют одни языковые средства, привержены одной манере речевого поведения (в предельном случае это может быть особый групповой жаргон), а при общении вне группы переключаются на иные, общеупотребительные коммуникативные средства» [13, с. 483].

Согласно замечанию Б.Л. Бойко, речевой портрет социальной группы, ее представителя или социальной среды возможно создать несколькими методами. Первый – анализ и обобщение материала, содержащегося в научных источниках.

Необходимо отметить, что первые попытки создания речевого портрета военнослужащего относятся к 2008 году и базировались на анализе дневниковых записей [3]. Далее, в 2014 году при рассмотрении солдатской переписки [14]. В 2016–2018 годах была проанализирована эмоциональная составляющая речевого портрета военнослужащего [15], описаны речевой портрет командира и курсанта военного вуза [10; 22; 23; 24]. Несмотря на фрагментарность работ, исследователи приблизительно едины в своих выводах, касающихся особенностей портретирования языковой личности военнослужащего. Так, например, Б.Л. Бойко в своей статье обращает внимание на разнообразие лексических средств (терминов, профессионализмов и жаргонизмов) в речи военных моряков и летчиков, десантников, танкистов, мотострелков, причем, часть этих средств используется носителями для самоидентификации, дополняя невербальные идентификаторы [3].

Следующий метод – анализ и обобщение материала, собранного непосредственно лингвистом методом наблюдения.

В результате многолетнего наблюдения, нами была отмечена такая характерная черта коммуникации военнослужащих, как нарушение орфоэпических норм русского языка. Примером могут быть типичные ошибки в постановке ударения: средствá (вместо «срédства»), дóсуг (вместо «досúг»), облéгчить (вместо «облeгчítь»).

Третий метод представляет собой анализ и обобщение материала, содержащегося в текстах деловой прозы, мемуарной и художественной литературы. Поскольку мемуары являются своеобразной письменной формой речи представителя того или иного социума, их справедливо можно считать надежным источником для создания речевого портрета.

Используя намеченную методологию, рассмотрим публикацию воспоминаний Алексея Гавриловича Ходакова – настоящего русского офицера, прошедшего путь от матроса до генерал-майора.

Значение мемуаров невозможно переоценить для дополнения языковой картины мира

представителя военного социума, поскольку, как отмечает сам А.Г. Ходаков, он описывает множество деталей военной жизни, которые «помогают лучше понять атмосферу жизни и деятельности коллектива полка, взаимоотношений людей» [25, с. 111]. В главах своей книги автор воссоздает картины многих прожитых периодов своего профессионального становления, ситуации общения с сослуживцами. Содержание мемуаров и письменная речь автора демонстрируют хорошее владение им нормами русского литературного языка. Благодаря подобной форме фиксации прямой речи, становится возможным оценить академическое образование и интеллигентность автора. В данном случае, мы констатируем полное соответствие языковой личности генерала требованиям русской культурно-языковой личности.

При анализе речевого портрета на языковом уровне следует рассмотреть лексику, используемую военнослужащим, особенности грамматического строя высказываний, а также стилистические предпочтения.

Прежде всего, отметим, что неотъемлемой частью записей являются и лексические единицы, характеризующие устно-речевой обмен информацией с подчиненными в процессе управления войсками. Военные термины перемежаются с профессионализмами и жаргонизмами, что помогает экономить время устного общения специалистов. Следует отметить, что широко используемые в мемуарах военные жаргонизмы представляют собой наиболее яркую по своей образности составную часть языка военной субкультуры, усвоенную всеми ее представителями.

К наиболее ярким «диагносцирующим пятнам» в речевом портрете военного специалиста можно отнести часть экспрессивной жаргонной и профессиональной лексики.

К военным терминам, постоянно используемым в записях, относится разнообразная лексика.

Во-первых, это терминосистема, обозначающая широкий спектр общевоенных понятий: должности и звания (начальник, старшина, лейтенант, сержант, ефрейтор), тактические термины (боевой расчет, огонь, окоп, траншея, отделение, вводная (задача), блиндаж, заслон, дислоцироваться, захватить языка).

Во-вторых, их дополняет специальная лексика военно-политического характера, например: провокация, агрессия, сопредельная сторона, резервный взвод, усиление, связной, материально-техническая база, морально-психологический настрой. В совокупности, их умелое применение характеризуют автора как высококлассного специалиста соответствующей области науки и практики.

Также, к специфике разговорной лексики в военных мемуарах следует отнести широкое применение различных сокращений. Приведем примеры, наиболее частотные в записях автора: ЧП (чрезвычайное происшествие), доппаёк (паёк, выдаваемый дополнительно к основному), погранотряд (пограничный отряд), укрепрайон (укрепленный район), вещмешок (вещевой мешок), политчасть (политическая часть), замполит (заместитель по политической работе), арттех (артиллерийско-техническое) вооружение, помкомвзвода (помощник командира взвода). Несмотря на длину слов, их семантизация не представляет особых трудностей не только для военнослужащих, но и для любого взрослого носителя русского языка, поскольку в процессе словообразования были использованы наиболее значимые части дериватов.

Терминологическая лексика дополняется разговорной, которая является общей для специалиста и неспециалиста. Например: стоять навтыжку – стоять по-военному прямо; сыпануть – открыть огонь («Сейчас по нам *сыпанет!*») [25, с. 81]; канцелярская крыса – военнослужащий, занимающийся преимущественно офисной работой («<...> не для того тебя в Военно-политическую академию имени Владимира Ильича Ленина рекомендовали, чтобы вышла оттуда *канцелярская крыса*» [25, с. 113]); нашпиговать – наполнить чем-либо («*Нашпигованный* инструкциями Близнюка, я с волнением переступил кабинет начальника политотдела...») [25, с. 123] и др.

Наряду с прочими единицами военного жаргона, обращают на себя внимание наименования военнослужащих войск по их принадлежности к различным силовым ведомствам и дериваты этих обозначений. Яркими примерами являются «вохровцы» – вневедомственная охрана («*вохровская*» система) и «армейцы» («Пусть не обессудят меня *армейцы*, но я глубоко убежден, что главная ее черта – прежде всего, нацеленность на человека» [25, с. 196]).

В результате смешения стилей и клишированности речи, использование профессионализмов в разных ситуациях общения также является неотъемлемой чертой речевого портрета русского военнослужащего. Так, например, автор для характеристики вместо наречия «технически» выбирает словосочетание прилагательного с существительным: «<...> объект оказался не подготовлен в инженерно-техническом отношении» [25, с. 197].

Большую роль в описании лексической составляющей языкового уровня речевого портрета военнослужащего является огромный пласт фразеологической лексики, активно применяющийся в коммуникации. Приведем несколько примеров. Так, например, как альтернативу словосочетанию «быть в курсе ситуации» автор мемуаров использует поговорку «держат руку на пульсе»: «Сначала Александр Кузьмич со мной по два-три раза в неделю встречался, как говорится, *держал руку на пульсе*, был в курсе всего, чем я занимаюсь, по мере своего взросления эти встречи стали реже, но зато и разговор уже строился по более высоким алгоритмам» [25, с. 62–63]. Вместо нейтрального «быть в ведении, в работе у кого-либо» он выбирает «пройти через руки кого-либо»: «В части практически каждый солдат прошел через его руки» [25, с. 79]. В воспоминаниях автора присутствует и известный эквивалент «учить кого-то жизни, давать наставления, вразумлять» – «учить уму-разуму», который помогает понять основательность подхода в обучении, настойчивость, упор на формирование критического мышления: «Так *учил меня уму-разуму* мой командир» [25, с. 120]. Разговорный фразеологизм «скрепя сердце», обозначающий «с неохотой», также находит отражение в коммуникации военнослужащего, поскольку человеку действия нередко приходится принимать решения против своей воли: «*Скрепя сердце* пришлось согласиться» [25, с. 166]. Также, необходимо заметить, что иногда в одном предложении встречается использование нескольких фразеологических оборотов. Например: «У нас же поначалу идет *игра в молчанку*, а вот куда уже скрывать нельзя и становится понятным, что *шила в мешке не утаишь*, выдается на *свет божий* информация» [25, с. 149].

По нашему мнению, такое выборочное применение фразеологизмов вместо лексики в прямом значении индивидуализирует речь автора, способствует передаче личного отношения к описываемым событиям.

Отмеченные индивидуальные черты в речевом портрете военнослужащего, выраженные средствами книжной и разговорной речи, в полной мере отвечают принципу отражения общего в единичном.

Как уже было отмечено ранее, помимо «диагностических пятен», отличительностью речевого портрета является реализация языковой игры. В мемуарах они представлены в использовании вторичных именованных. Так, например, варьируется использование антропонимов: сослуживцев автор преимущественно упоминает в различных комбинациях «имя+ отчество + фамилия», а жену и детей – по именам в деминутивной форме (ср.: *Алексей Федосеевич Ватченко – Галочка, Валера, Саша*). Это свидетельствует о желании соблюсти элемент протокольности в описании служебной деятельности и неформальности – в быту. Помимо антропонимов, в речи военнослужащего присутствуют топонимы – названия географических объектов. Так, Застава имени А.К. Константинова, В.Ф. Михалькова и И.Д. Бузыцкова в мемуарах называется *Заставой Трёх Героев*, а объект-100, охраняемый 1-й комендатурой, – *Соткой*. Также используются и традиционные неофициальные хрематонимы: старый пулемёт, стоявший на вооружении отечественных сил, именуется Максимом (по фамилии оружейника Максима), вражеский пистолет-пулемёт МР 40 – *Шмайсером* (по фамилии оружейника Шмайсера).

Также, необходимо отметить особую форму реализации языковой игры – использование лексики в переносном значении в юмористических целях. Например, автор называет наградные колодки и ордена иконостасом, намекая на сходство в размещении и духовную ценность для офицера «Ты, наверное, обратил внимание на *иконостас* отца» [25, с. 145].

Переходя к описанию грамматических особенностей речевого портрета российского военнослужащего, отметим, что автор в полной мере, на высоком уровне владеет русским языком и не допускает ошибок при построении высказываний. Выявить какие-либо предпочтения нам также не удалось, поскольку используется весь спектр морфологических единиц и синтаксических конструкций.

Например, к односоставным предложениям можно отнести «Овладевали теоретическими знаниями, учились у старших» [25, с. 142], «Вскакиваю, чтобы представиться» [25, с. 254]; к эллиптическим – «Никаких эксцессов» [25, с. 135], «Пора и к себе в вагон» [25, с. 129].

В монологических фрагментах мемуаров, независимо от типа, чаще используются сложные предложения. Например, сложноподчиненное предложение с союзной связью: «А с дистанции я не сойду, можете не сомневаться, ибо у меня иммунитет давно выработался, когда трудно, в груди второе дыхание открывается» [25, с. 60]. Несколько реже, но активно применяются бессоюзные сложные предложения: «Я сразу понял – сработаемся» [25, с. 176], «Дежурный, коренастый полковник, в кителе и офицерском снаряжении с пистолетом на боку, вежливо попросил нас подождать: командующий говорит по «Кремлевке» [25, с. 239].

Автор старается максимально эффективно донести до читателя временные, условные и причинно-следственные отношения между различными действиями, поэтому в записях нередко,

помимо придаточных предложений в сложных, используются причастные и деепричастные обороты. К наиболее ярким примерам отнесем следующие: «Попив чаю, сходил в соседний вагон, где быстро нашел полковника Жидика, который тоже чаевничал вместе со своим соседом, случайно встретившимся знакомым, главным инженером какого-то завода в Донецке» [25, с. 128], «Я помню, как он прошлый раз возмущался при виде стендов с фигурками солдат, занимающихся строевой подготовкой» [25, с. 202].

Анализируя стилистические особенности речевого портрета российского военнослужащего, отметим взаимовлияние официально-делового и разговорного стилей. Являясь командиром, ответственным за выполнение задачи, поставленной перед его подразделением, в общении с подчиненными автор использует язык военных уставов. Помимо терминологической лексики, это отражается и в синтаксическом членении высказываний, которые зачастую приобретают «списочность», свойственную официально-деловому стилю речи. Например,

«Службу надо было нести через день, то есть 14 раз в месяц, а для этого надо:

- быть на инструктаже;
- вместе с караулом быть на разводе;
- после смены караула прибыть в часть, доложить о том, как прошла служба;
- проследить, чтобы была организована чистка оружия, и многие другие заботы;
- предъявить командиру роты для утверждения конспекты для завтрашних занятий» [25,

с. 58].

В неформальной обстановке с товарищами по службе он беседует как равный, применяя разнообразные языковые конструкции, не всегда коррелирующие с военным подстилем официально-делового стиля речи. Так, в мемуарах частотны неполные предложения. Например: «У меня полк тоже большой – около четырех тысяч (человек) личного состава» [25, с. 250]; «Они все время (находятся) в напряжении, в любую минуту должны быть готовы применить оружие» [25, с. 274].

Далее, необходимо провести портретирование на втором уровне – речевом. Среди различных подходов к оценке речи (в частности, её эффективности) наиболее продуктивным представляется подход, предусматривающий анализ степени соответствия речи условиям общения и коммуникативным задачам речевых партнёров, то есть коммуникативной целесообразности. Именно такой подход может осуществляться при оценке речи с позиций коммуникативных качеств речи – термина Б.Н. Головина, введённого им в 1976 году в работе «Основы культуры речи». По определению учёного, «коммуникативные качества речи – это реальные свойства её содержательной или формальной стороны. Именно система этих свойств определяет степень коммуникативного совершенства речи» [6]. Коммуникативная ситуация и её составляющие тесно связаны с коммуникативными качествами речи – параметрами, охватывающими все аспекты текста.

С целью выявления речевых особенностей представителя военного социума, необходимо определить соответствие речи автора мемуаров этим основным критериям: точности, логичности, чистоты, уместности, богатства и выразительности.

Точность – это такое коммуникативное качество речи, которое проявляется в использовании слов в полном соответствии с их языковыми значениями. Автор мемуаров умело оперирует не только различными терминами, но и в неслужебном общении не допускает ошибок в словоупотреблении. Приведем пример: «В политотделе была жесткая дисциплина, и конфиденциальность строго соблюдалась» [25, с. 126], «Вот каковыми были вехи моего пути» [25, с. 142], «Работа с кадрами требует индивидуального подхода к человеку, без этого любой руководитель обречен на кулуарный стиль, на отрыв от людей» [25, с. 288].

Логичность – одно из коммуникативных качеств речи, характеризующих соотношение речи и мышления, соответствие общего логического строения текста замыслу автора. Логичность связана с точностью, но, вместе с тем, чётко отличается от неё. Точность является предварительным условием логичности. Неточная логичность не может быть логичной. Логичной считается речь, в которой ясно и правильно выражена связь слов в предложении и связь определённых высказываний в тексте. Логичность речи обусловлена логикой познания. Для соблюдения логичности важно умение логически мыслить и правильно строить высказывание. Речь автора военных мемуаров вполне соответствует данному требованию. Замысел в его высказываниях всегда ясен, даже при учете частых отступлений. Например: «Кумиром для всех офицеров, в том числе и для меня, был командир третьей комендатуры майор Егор Васильевич Попков. Позже он стал начальником штаба полка, получил звание подполковника. Мы с ним не раз встречались в

неофициальной обстановке, в том числе и у него дома. Это был человек с богатой и открытой душой, с требовательным, даже жестким характером, но, что удивительно, его твердость не пугала, не отталкивала младших офицеров, а наоборот, она их притягивала, влекла к себе, сплачивала, потому что жесткость Егора Васильевича была обоснованной и всегда справедливой» [25, с. 306].

Еще одним важным критерием является чистота, регулирующая отсутствие в речи слов, выходящих за пределы литературной нормы, лишних слов. К нежелательным элементам в хорошей речи относят диалектизмы, варваризмы, жаргонизмы, вульгаризмы, слова-паразиты.

Следует отметить, что военный жаргон – неотъемлемая часть жизни военнослужащего. Это исторический, социальный опыт людей, закрепляющийся в определенной среде. Но, вместе с тем, военнослужащий является специалистом, ведущим профессиональную деятельность. Поэтому для него особую значимость приобретает профессионально-деловая компетенция и социально-коммуникативная, которая предполагает умение офицера посредством знания языка, военного и светского этикета, предметных и социокультурных знаний организовать и оптимизировать общение как в сфере профессионально-делового взаимодействия, так и за его пределами, базируясь на анализе компонентов речевой ситуации.

В мемуарах мы не нашли лексики, которая могла бы характеризовать речь автора как «нечистую»: нет ни ненормативной лексики, ни диалектизмов, ни посторонних жаргонизмов. Доля лексики, выходящей за пределы литературной нормы, представляется нам ничтожно малой, чтобы негативно характеризовать речь военнослужащего с точки зрения соответствия данному критерию.

Уместность – это такое коммуникативное качество речи, которое характеризуется соответствием речи целям и ситуации общения. В речи военнослужащего она проявляется, в том числе в использовании элементов разговорного стиля речи преимущественно в неформальной коммуникации. Так, например, в быту автор позволяет себе высказывания, содержащие просторечные выражения: «*Чертовски* устал сегодня» [25, с. 188], «А меня уже *пот прошиб* от этой неожиданности» [25, с. 201], «А некоторые офицеры не *вылезали* из подразделений месяцами, переезжая из одного гарнизона в другой» [25, с. 275].

Богатство и выразительность являются важными качествами речи, создающими ее эмоциональную окраску. Богатство – это коммуникативное качество речи, характеризующееся большим словарным запасом говорящего и разнообразием используемых им конструкций. Выразительность речи помогает привлечь и поддержать внимание и интерес слушателя или читателя.

В мемуарах демонстрируется умение автора пользоваться обширным словарем и синонимическими возможностями языка, многообразием синтаксических конструкций для передачи своих мыслей, тропами и стилистическими фигурами. Так, например, вместо нейтрального «тщательно» автор выбирает книжное «скрупулезно»: «Иван Дмитриевич был бессменным начальником учебного центра и *скрупулезно* готовил к служебно-боевой деятельности молодое пополнение» [25, с. 79]; вместо «очень» – «весьма»: «Я не ожидал, что решение вводных задач позднее будет высоко оценено командованием войск, хотя я отчетливо понимал, что решали мы их *весьма и весьма* посредственно, было много накладок» [25, с. 163]. Общеупотребительному «изменению» военнослужащий предпочел «метаморфозу»: «Я <...> поражался *метаморфозе*, произошедшей на моих глазах» [25, с. 137].

Приведем пример типичного сравнения: «Но такой уж у моего нового командира был характер – не искал он тихой заводи в жизни, и оттого его служба рядом с полковым плацем стала *подобна бурлящему кратеру*» [25, с. 116]. Скрытые сравнения – метафоры – содержатся в таких предложениях, как «Лейтенант вскоре растворился в *чернильной* темноте кустов» [25, с. 80], «Начинается новая боевая жизнь – охота на *двуногих зверей*, фашистов» [25, с. 194]. Автор сравнивает очень темный цвет кустов с чернилами, а жестоких фашистов – со зверями, и это добавляет к речевому портрету элементы творчества.

Полигlossия мемуарных записей генерала проявляется в использовании им пластов лексики, относящихся к литературному языку и его специальным разделам – военному делу, военно-политической работе в целом и ее организации в войсках. В первом случае это – общая лексика литературного языка, во втором – терминологическая. Дигlossия языковой личности автора выражена в использовании им литературной и разговорной лексики и обусловлена его принадлежностью одновременно к формальным и неформальным социальным структурам. Военной лексике, относящейся к литературному книжному стилю речи, в записях автора противопоставлены разговорная лексика и фразеология – профессионализмы и единицы общего военного жаргона.

В результате проведенного исследования, нам представляется возможным сделать следующие выводы.

Понятия «языковая личность» и «речевой портрет» являются одними из самых востребованных в современной лингвистической науке. Каждое из них вызывает среди исследователей споры, касающиеся содержательного наполнения терминов, типологий, структуры.

Знание специфических характеристик коммуникативного поведения языковых личностей разной этнической принадлежности помогает распознавать эти особенности в процессе межкультурного общения, понимать их и правильно интерпретировать, адекватно реагировать на них и использовать эти особенности. Так, основными чертами коммуникативного поведения русской языковой личности являются такие, как открытость, общительность, легкость в установлении контакта, эмоциональность, категоричность, некоторая конфликтность, эгоцентричная модальность, прямолинейность, искренность и др.

При анализе особенностей речевых реализаций языковой личности в дискурсе принято говорить о речевом портрете как компоненте ее структуры.

Проблема речевого портретирования вызывает научный интерес в отечественной лингвистике уже более 50 лет. На сегодняшний день при описании речевого портрета анализируются:

- 1) особенности набора языковых единиц (фонетика, лексика, синтаксис) и отклонения от норм русского литературного языка (если мы говорим о формирующейся ЯЛ);
- 2) особенности речевого поведения (формулы общения, прецедентные феномены и языковая игра).

При этом принципы анализа опираются также на «диагностирующие пятна», полиглоссность и диглоссность речевого портрета.

Речевой портрет. Языковая личность российского военнослужащего представляется на данный момент недостаточно изученным, что дает возможность всестороннего его рассмотрения.

В качестве материала для портретирования речи военнослужащего приемлемыми считаются как анализ существующих научных трудов, так и результаты наблюдений, а также, рассмотрение письменной речи в виде различных записей, в том числе мемуарных.

На языковом уровне, в речевом портрете в качестве «диагностирующих пятен» следует назвать обширный пласт профессиональной лексики, подразделяющейся на терминологическую и жаргонную, а также, обилие фразеологических оборотов, с помощью которых военнослужащий передает мысль, ориентируясь на знание собеседником национальных крылатых выражений.

Коммуникативная деятельность представителя военного социума имеет свои особенности, обусловленные спецификой военно-профессиональной деятельности, но военнослужащий должен быть готов к речевому взаимодействию и в условиях гражданского общества, где нормы общения регулируются языковыми, социальными нормами. Следовательно, чтобы производить хорошее впечатление, добиться успеха в делах, необходимо знать особенности функционирования языка в обществе, а также нормы, свойственные каждой разновидности языка. Анализ речевого портрета на речевом уровне показал, что российский военнослужащий в любом социуме во всех коммуникативных ситуациях являет собой обладателя хорошей речи, о чем свидетельствуют ее точность, логичность, чистота, уместность, богатство и выразительность.

Полиглоссность в речи военнослужащего проявляется в различных ситуациях общения и обусловлена употреблением лексики следующих групп: военные термины, профессионализмы, жаргонизмы, глагольно-именные идиоматические словосочетания, а также разнообразные фразеологизмы. Диглоссность портрета языковой личности российского военнослужащего как представителя этнического российского социума и профессионального военного позволяет его речи обслуживаться средствами как книжных, так и разговорного стилей речи. Однако при этом необходимо понимать, что военная терминология, военные профессионализмы и жаргонизмы составляют характерные признаки, типизирующие черты обобщенного речевого портрета представителя военного социума в то время, как речевой портрет конкретного военнослужащего имеет специфические черты, обусловленные его уровнем образования и специальностью, местом службы и прочими факторами.

Литература:

1. Алейников В.В. Лингвистическое исследование речевого портрета личности на примере современной молодежи / В.В. Алейников // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2018. С. 15–18.

2. Бойко Б.Л. Принципы моделирования речевого портрета носителя социально-группового диалекта (к проблеме создания речевого портрета человека на войне) / Б.Л. Бойко // Вестник Военного университета. 2008. № 2(14). С. 114–121.
3. Бойко Б.Л. Социально-речевой портрет человека на войне (на материале дневниковых записей) / Б.Л. Бойко // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7. Вып. 2: Филология. С. 49–52.
4. Варфоломеева Ю.Н. Речевой портрет представителя МВД по Республике Бурятия / Ю.Н. Варфоломеева // Имиджевая политика Российской Федерации: Теория и практика регионов: материалы Всероссийской научно-практической конференции.
5. Волошина С.В. Речевой портрет жителя трансграничного региона (русско-белорусское взаимодействие) / С.В. Волошина, Т.А. Демешкина, М.А. Толстова // Русин. 2021. № 63. С. 241–268.
6. Головин Б.Н. Основы культуры речи : учебник для вузов. 2-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1988. 333 с.
7. Гурулева Т.Л. Речевой портрет этнической языковой личности (сопоставительная характеристика китайской, русской и английской языковых личностей) / Т.Л. Гурулева // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 196–205.
8. Ду Ш. Особенности речевого портрета российских женщин-политиков / Ш. Ду // Litera. 2021. № 6. С. 176–185.
9. Елизарова Г.В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению : дис. ... д-ра пед. наук. СПб. : СПбГУ, 2001. 371 с.
10. Жукова Л.В. Попытка описания языковой личности курсанта методом речевого портретирования / Л.В. Жукова // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации. Сборник научных статей VIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 321–325.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 274 с.
12. Корочкина М.Г. Формирование межкультурной компетенции в техническом университете (Английский язык) : дис. ... канд. пед. наук. Таганрог : ТГРУ, 2000. 178 с.
13. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) / Л.П. Крысин // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 475–485.
14. Лукьянова Е.С. Речевой портрет солдата в структуре эпистолярного текста / Е.С. Лукьянова // Энергия-2014: материалы конференции. 2014. С. 89–92.
15. Лупанова Е.В. Фразеологизмы военной тематики как эмоциональная составляющая речевого портрета военнослужащего / Е.В. Лупанова // Общественные науки. 2016. № 6-2. С. 173–181.
16. Мамаева С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5–7 классов : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Самара, 2007. 19 с.
17. Моисеенко Е.В. Речевой портрет современного школьника / Е.В. Моисеенко // Новые горизонты русистики. 2018. № 5. С. 144–149.
18. Мякшева О.В. Речевой портрет директора школы / О.В. Мякшева // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2018. С. 27–35.
19. Петрова Т.И. Разговоры с животными и растениями как элемент речевого портрета сельского жителя / Т.И. Петрова, М.А. Лысова // Язык – пространство. Язык – культура. Язык – сознание. Сборник статей к 20-летию кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета. Владивосток, 2016. С. 217–225.
20. Родина Н.А. Социальный аспект изучения русской языковой личности / Н.А. Родина // Поливановские чтения. 2019. № 13. С. 158–167.
21. Седов К.Ф. Русская языковая личность в ракурсе когнитивной генристики / К.Ф. Седов // Текст и языковая личность: формы отражения менталитета англичан и русских в языковом тексте. Сборник научных трудов Балашовского фил. Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Балашов: Николаев, 2006. С. 4–10.
22. Тахненко А.С. Речевой портрет курсанта военного института / А.С. Тахненко // Современные технологии в мировом научном пространстве: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 232–236.
23. Утесинов Н. Речевой портрет командира / Н. Утесинов // Проблемы и перспективы современной науки. 2016. № 11. С. 234–238.
24. Фесенко О.П. Речевой портрет курсанта военного вуза : монография / О.П. Фесенко, С.С. Лахина, И.В. Коноваленко. Омск, 2018. 171 с.

25. Ходаков А.Г. Генералами не рождаются. М. : Издательство ООО «Правда-Пресс», 2013. 560 с.
26. Широких Е.А. Речевой портрет блогера (на материале туристического блога) / Е.А. Широких // Конвергенция в сфере научной деятельности: проблемы, возможности, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции. 2018. С. 359–364.

Literature:

1. Aleynikov V.V. Linguistic study of the speech portrait of a personality on the example of modern youth / V.V. Aleynikov // Actual problems of modern science: the view of young scientists: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. 2018. P. 15–18.
2. Boyko B.L. Principles of modeling a speech portrait of a carrier of a social group dialect (on the problem of creating a speech portrait of a person in war) / B.L. Boyko // Bulletin of the Military University. 2008. № 2(14). P. 114–121.
3. Boyko B.L. Socio-speech portrait of a man in the war (based on diary entries) // Bulletin of NGU. Series: History, Philology. 2008. Vol. 7. Iss. 2: Philology. P. 49–52.
4. Varfolomeyeva Yu.N. Speech portrait of the representative of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Buryatia / Yu.N. Varfolomeyeva // Image policy of the Russian Federation: Theory and practice of regions: materials of the All-Russian scientific and practical conference. 2012. P. 258–264.
5. Voloshina S.V. Speech portrait of a resident of a transboundary region (Russian-Belarusian interaction) / S.V. Voloshina, T.A. Demeshkina, M.A. Tolstova // Rusin. 2021. № 63. P. 241–268.
6. Golovin B.N. Fundamentals of speech culture: a textbook for universities. 2nd ed., rev. M. : Vyssh. school, 1988. 333 p.
7. Guruleva T.L. Speech portrait of an ethnic linguistic personality (comparative characteristics of Chinese, Russian and English linguistic personalities) / T.L. Guruleva // Culture and Civilization. 2017. Vol. 7. № 3A. P. 196–205.
8. Du Sh. Features of the speech portrait of Russian women politicians / Sh.Du // Litera. 2021. № 6. P. 176–185.
9. Yelizarova G.V. Formation of intercultural competence of students in the process of teaching foreign language communication : dis. ... dr. ped. sciences. SPb.: St. Petersburg State University, 2001. 371 с.
10. Zukova L.V. An attempt to describe the language personality of a cadet by the method of speech portraiture / L.V. Zukova // Directions and prospects for the development of education in military institutions of the troops of the national guard of the Russian Federation: a collection of scientific articles of the VIII Interuniversity scientific and practical conference with international participation. 2017. P. 321–325.
11. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. M. : Nauka, 1987. 274 p.
12. Korochkina M.G. Formation of intercultural competence at a technical university (English language): dis. ... cand. ped. Sciences. Taganrog: Taganrog State Radio Engineering University, 2000. 178 p.
13. Krysin L.P. On speech behavior of a person in small social communities (questioning). Moscow, 2004. From 475-485.
14. Luk'yanova Ye.S. Speech portrait of a soldier in the structure of an epistolary text // Energia-2014: materials of the conference. 2014. From 89-92.
15. Lupanova Ye.V. Phraseologisms of military subjects as an emotional component of the speech portrait of a serviceman / Ye.V. Lupanova // Social sciences. 2016. № 6-2. P. 173–181.
16. Mamayeva S.V. Speech portrait of the collective linguistic personality of schoolchildren in grades 5–7 : author. dis. ... cand. philolol sciences. Samara, 2007. 19 p.
17. Moiseyenko Ye.V. Speech portrait of a modern student / Ye.V. Moiseyenko // New horizons of Russian studies. 2018. № 5. P. 144–149.
18. Myaksheva O.V. Speech portrait of the school principal / O.V. Myaksheva // Problems of speech communication: interuniversity collection of scientific papers. Saratov, 2018. P. 27–35.
19. Petrova T.I. Conversations with animals and plants as an element of the speech portrait of a rural resident / T.I. Petrova, M.A. Lysova // Language – space. Language is culture. Language – Consciousness : collection of articles dedicated to the 20th anniversary of the Department of Russian as a Foreign Language of the Far Eastern Federal University. Vladivostok, 2016. P. 217–225.
20. Rodina N.A. The social aspect of the study of the Russian language personality // Polivanovskie readings. 2019. № 13. P. 158–167.

21. Sedov K.F. Russian Linguistic Personality in the Perspective of Cognitive Generistics // Text and Linguistic Personality: Forms of Reflection of the English and Russian Mentality in the Linguistic Text. Collection of scientific works of Balashov fil. Saratov state. un-ta im. N.G. Chernyshevsky. Balashov: Nikolaev, 2006. P. 4–10.
22. Takhnenko A.S. Speech portrait of a cadet of a military institute / A.S. Takhnenko // Modern technologies in the world scientific space: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2017. P. 232–236.
23. Utesinov N. Speech portrait of a commander / N. Utesinov // Problems and prospects of modern science. 2016. № 11. P. 234–238.
24. Fesenko O.P. Speech portrait of a cadet of a military university : monograph / O.P. Fesenko, S.S. Laukhina, I.V. Konovalenko. Omsk, 2018. 171 p.
25. Khodakov A.G. Generals are not born. M. : Pravda-Press LLC Publishing House, 2013. 560 p.
26. Shirokikh Ye.A. Speech portrait of a blogger (on the material of a travel blog) / Ye.A. Shirokikh // Convergence in the field of scientific activity: problems, opportunities, prospects: materials of the All-Russian Scientific Conference. 2018. P. 359–364.

**ВЕРИФИКАЦИЯ КОНТЕНТА В ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ:
КОНЦЕПЦИИ «ЭХО-КАМЕРЫ» И «ПУЗЫРЯ ФИЛЬТРОВ»**

**CONTENT VERIFICATION IN PUBLIC COMMUNICATIONS: THE CONCEPTS
OF «ECHO CHAMBERS» AND «BUBBLE OF FILTERS»**

Спирчагова Татьяна Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры телепроизводства
и цифровых коммуникаций,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
1114.69@mail.ru

Tatiana A. Spirchagova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Television
Production and Digital Communications,
Kazan (Volga Region) Federal University
1114.69@mail.ru

Фефилов Федор Александрович

аспирант,
институт социально-философских наук
и массовых коммуникаций,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
feafefilov@kpfu.ru

Fyodor A. Fefilov

Postgraduate Student,
Institute of Social and Philosophical
Sciences and Mass Communications,
Kazan (Volga Region) Federal University
feafefilov@kpfu.ru

Газизов Рамис Рассыхович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры телепроизводства
и цифровых коммуникаций,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
gazizov-da@yandex.ru

Ramis R. Gazizov

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Television Production
and Digital Communications,
Kazan (Volga Region) Federal University
gazizov-da@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено актуальной проблеме современных гуманитарных наук – феноменам «эхо-камер» и «пузыря фильтров». Социологический и коммуникативный подходы в изучении данных концепций позволили обозначить основные тенденции их развития. Проанализированные исследования ведущих международных ученых: А. Брункаса, Э. Паризера, К. Санстейна, А. Каримова, М. Назарова и других, позволили выявить специфику рассматриваемых теорий в этическом, технико-технологическом, социально-коммуникативном аспектах. Определяется, что отличительной особенностью исследования А. Брункаса является исходное представление об осознанном характере медиапотребления пользователями социальных медиа, а на практике – это не всегда соответствует действительности.

Ключевые слова:

контент-фильтры, «пузырь фильтров», «эхо-камеры», А. Брункас, алгоритмы поиска и трансляции контента, фальшивые новости, публичные коммуникации, масс-медиа, медиaprостранство.

Annotation.

The study is devoted to the actual problem of modern humanities - the phenomena of «echo chambers» and «filter bubbles». Sociological and communicative approaches to the study of these concepts made it possible to identify the main trends in their development. The analyzed studies of leading international scientists:

A. Brunks, E. Pariser, K. Sunstein, A. Karimov, M. Nazarov and others made it possible to identify the specifics of the theories under consideration in the ethical, technical and technological, social and communicative aspects. It is determined that a distinctive feature of the study by A. Bruns is the initial idea of the conscious nature of media consumption by social media users, but in practice this does not always correspond to reality.

Keywords: content filters, «filter bubble», «echo chambers», A. Brunks, content search and broadcasting algorithms, fake news, public communications, mass media, media space.

Современное медиапространство характеризуется процессами мультимедиатизации, конвергенции, демассификации и сегментации и, как следствие, – высоким уровнем социальной и политической поляризации, радикализацией мнений. Причиной сложившейся ситуации исследователи называют феномены «эхо-камер» и «пузыря фильтров». Так, например, С.П. Поцелуев и Т.А. Подшибякина связывают данные явления с бот-кампаниями по распространению фальшивых новостей («fakenews») и, как следствие, – коммуникативным усилением политического радикализма [1, с. 4]. М.М. Назаров видит опасность алгоритмизации медиапространства в том, что суверенитет потребителя оказывается преобладающим над суверенитетом гражданского общества [2, с. 112].

Но у теории «эхо-камер» и «пузыря фильтров» есть свои противники. Австралийский исследователь медиа А. Брунс убеждён: влияние технологических алгоритмов на формирование социально-политической повестки оказалось преувеличенным в результате ошибочной интерпретации данных явлений и завышенных ожиданий аудитории. Рассмотрим основные доводы, изложенные в монографии «Реальна ли стена фильтров?». А. Брунс отмечает, что за годы исследований феномена «эхо-камер» и «пузыря фильтров» учёные не пришли к единому определению данных терминов [3, с. 22]. К. Санстейн, правовед и исследователь влияния «эхо-камер» на политические процессы современности, а также – Э. Паризер, интернет-активист и автор термина «пузырь фильтров», рассматривают данные феномены как существующие по умолчанию, как негативные явления. Например, Э. Паризер пишет: «Персонализированные фильтры, предоставленные сами себе, превращаются в невидимую систему автоматической пропаганды, внушающую нам собственные идеи, усиливающую наше стремление ко всему знакомому и оставляющую в неведении относительно угроз, таящихся во мраке неизвестности» [4, с. 25].

В российских исследованиях акцентируется внимание на ключевых особенностях социальных медиа: функционирующая коммуникативная площадка, сформированное сообщество пользователей с близкими ценностями и общим культурным кодом, тематическое единство [5, с. 817].

Анализ показывает, что исследователи определяют «пузырь фильтров» как прием фальшивой аргументации в масс-медиа, в результате чего, размещенная информация согласуется с ранее закрепленными установками в сознании конкретного пользователя [6, с. 55].

Границы исследуемых терминов размываются в русскоязычном пространстве. А. Широкова адаптировала центральное понятие «пузырь фильтров» («thefilterbubble»), заменив его метафорой «стена фильтров». В ряде научных выступлений можно встретить термин «информационный пузырь» [7].

А. Брунс предлагает свои определения терминов:

1. «Эффект Эхо-камеры возникает, когда группа участников решает образовывать связи (connect) преимущественно друг с другом, вплоть до исключения чужаков. Чем более насыщенной становится эта связь (т.е. чем больше контактов, связей создаётся внутри группы и чем больше связей с чужаками обрубается), тем более изолированной от любых взглядов извне оказывается эта группа, в то время как взгляды её участников могут активно циркулировать внутри неё» [3, с. 30].

2. «Эффект Пузыря фильтров возникает, когда группа участников, независимо от базовой структуры их связей с другими, решает поддерживать коммуникацию (communicate) преимущественно друг с другом, вплоть до исключения чужаков. Чем более настойчиво они осуществляют этот выбор, тем вероятнее сложится такая ситуация, при которой в группе будут циркулировать только собственные взгляды её участников и исходящая от них информация, а не информация извне» [3, с. 31].

Таким образом, принципиально смещается акцент с негативного влияния алгоритмов распространения и фильтрации контента в сторону осознанного потребления информации.

Главными акторами, формирующими «эхо-камеры» и «пузыри фильтров», становятся не рекомендательные механизмы, а сами пользователи. А. Брунс признаёт, что при формировании гомофильных связей внутри изолированного сообщества эффект эхо-камеры связей усиливается эффектом пузыря фильтров коммуникации [3, с. 50]. Наложение одного эффекта на другой приводит к формированию «спирали молчания», когда пользователи подстраиваются под интересы условного большинства и реже высказывают мнения, противоречащие мнению, сложившемуся внутри сообщества. Проблема состоит в том, что современные медиа-потребители редко состоят в замкнутых группах, так или иначе узнают информацию не из одного источника, а из нескольких, в том числе за пределами интернета (включая печатные СМИ, радио и телевидение). Более того, даже самые радикально настроенные сообщества, для которых характерна изоляция, вынуждены следить за общей новостной повесткой, чтобы оспаривать её и приводить контраргументы.

Практически невозможно проследить и сложно доказать само существование эффекта «эхо-камер» и «пузыря фильтров» по техническим и этическим причинам: общение пользователей в социальных медиа не сводится к открытым публичным дискуссиям и выражениям мнений, зачастую оно происходит в формате индивидуальной переписки, либо в групповых закрытых чатах. Мессенджеры лишены рекомендательных алгоритмов, но при этом играют важную роль в распространении информации, в том числе политического толка. Насколько социальные сети способствуют ещё большей идеологической сегрегации или, наоборот, повышению восприимчивости к разнообразию, напрямую зависит от медиаграмотности и пользовательских стратегий индивидуальных участников [3, с. 82].

По мнению А. Брунса, разработка проблемы влияния алгоритмов на формирование общественного мнения по социальным и политическим вопросам уводит исследователей по ложному пути. Истинной проблемой он называет поляризацию мнений, но не изоляцию пользователей в закрытых группах [3, с. 88]. Как следствие, особое влияние получают политики-популисты, умеющие выстроить свою риторику вокруг актуальных информационных поводов и воспользоваться алгоритмами для формирования радикальных мнений (например, через бот-кампании). А. Брунс предлагает несколько вариантов решения проблемы:

1. Перенастройка имеющихся новостных алгоритмов таким образом, чтобы пользователи чаще встречались с противоположными позициями. Недостаток данного подхода в отсутствии у алгоритмов этической составляющей; так, например, медиа-потребители, склонные к националистическим настроениям будут видеть в своей ленте новостей больше материалов на тему межэтнических отношений, но и борцы за права этнических меньшинств также чаще станут сталкиваться с расизмом.

2. Законодательное регулирование, введение правил для медиа-площадок по разнообразию контента. При этом следует учитывать инертность законодательства по сравнению со скоростью развития современных медиа.

3. Смещение акцентов в образовании на обучение школьников и студентов медиаграмотности, умению работать с источниками.

На наш взгляд, главное достоинство работы А. Брунса является одновременно его уязвимой стороной. Критикуя концепцию того, что алгоритмы фильтрации и распространения контента открывают возможность для политической манипуляции и разделяют общество на закрытые подгруппы, исследователь отталкивается от представления о том, что пользователи социальных медиа склонны к осознанному потреблению информации и что в самой основе интернет-сетей лежит принцип контекстного коллапса, когда привычные социальные роли перемешиваются. На самом деле, концепция осознанного медиапотребления требует определённого уровня образования и, что самое главное, внутреннего запроса со стороны каждого отдельного пользователя, что довольно редко бывает в действительности. Согласимся с главным: исследователям медиа следует аккуратнее использовать термины «эхо-камеры» и «пузырь фильтров», существование данных явлений ещё только предстоит доказать или опровергнуть экспериментально.

Literature:

1. Поцелуев С.П. О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством «эхокамер» / С.П. Поцелуев, Т.А. Подшибякина // Научная мысль Кавказа. 2018. № 2

- С. 29–34.
2. Назаров М.М. Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия / М.М. Назаров // *Коммуникология*. 2020. Т. 8. № 2. С. 108–124.
  3. Брунс А. Реальна ли стена фильтров? / А. Брунс; Пер. с англ. А. Архипова. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. 120 с.
  4. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Эли Паризер; Пер. с англ. А. Ширикова. М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.
  5. Асташкин А.Г. Социальные медиа в структуре современной сетевой коммуникации / А.Г. Асташкин, М.Г. Бреслер // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2018. Т. 160. Кн. 4. С. 814–822.
  6. Малюкова О.В. Современная аргументация: в плену у фейков / О.В. Малюкова // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Философия. Политология. Культурология*. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 52–59.
  7. Каримов А. Информационные пузыри и эхо камеры: почему мы верим в фейковые новости (Эпистемологический подход) / А. Каримов, М. Фарина // *Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук. Материалы международной научно-практической конференции*. Ташкент : ООО «Academic Research», 2022. С. 29–30.

Literature:

1. Potseluev S.P. On the factors of political radicalization in network communication through «echo chambers» / S.P. Potseluev, T.A. Podshibyakin // *Scientific thought of the Caucasus*. 2018. № 2. P. 29–34.
2. Nazarov M.M. Platforms and Algorithmization in Media: Content and Social Consequences / M.M. Nazarov // *Communicology*. 2020. Vol. 8. № 2. P. 108–124.
3. Bruns A. Is the filter wall real? / A. Bruns; Transl. from English. A. Arkhipova. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. 120 p.
4. Pariser E. Behind the filter wall. What is the Internet hiding from you? / Eli Pariser; Transl. from English. A. Shirikova. M. : Alpina Business Books, 2012. 304 p.
5. Astashkin A.G. Social media in the structure of modern network communication / A.G. Astashkin, M.G. Bresler // *Uchen. app. Kazan. university Ser. Humanite. Sciences*. 2018. Vol. 160. Book. 4. P. 814–822.
6. Malyukova O.V. Modern argumentation: captured by fakes / O.V. Malyukova // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Philosophy. Political science. Culturology*. 2018. Vol. 4 (70). № 4. P. 52–59.
7. Karimov A. Information bubbles and echo chambers: why we believe in fake news (Epistemological approach) / A. Karimov, M. Farina // *Topical issues of social sciences and humanities. Materials of the international scientific-practical conference*. Tashkent : Academic Research LLC, 2022. P. 29–30.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГИПЕРТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА

LINGUOPRAGMATIC FEATURES OF A HYPERTEXT SPACE

Хазеев Далер Рустамович

магистрант кафедры
иностранных языков
Института мировой экономики и бизнеса,
Российский университет дружбы народов
daler-khazeev@yandex.ru

Daler R. Khazeev

Undergraduate of the Department
Foreign Languages
Institute of World Economy and Business,
Peoples' Friendship University of Russia
daler-khazeev@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена теоретическим основам современных направлений в лингвистике – лингвопрагматике и изучению феномена гипертекста. Научно-технический прогресс и развитие коммуникационных и информационных технологий способствовали появлению нового способа организации информации в компьютерной среде в виде гипертекстового пространства. В результате сравнения различных определений, было выделено важное значение лингвопрагматики в рамках изучения гипертекстового пространства. Это – наука, изучающая язык в отношении его пользователей и учитывающая функциональный контекст в конкретной деятельности. В данной работе использовался метод наблюдения, анализа, сравнения, обобщения и интерпретации. Также, в данной статье рассматриваются основные положения лингвопрагматики, приводятся характеристика лингвопрагматического подхода и его основных особенностей в исследовании гипертекста. Были определены основные универсальные лингвопрагматические характеристики гипертекстов. Результаты данного исследования могут быть применимы в совершенствовании организации гипертекстового пространства с учетом лингвопрагматического подхода.

Ключевые слова:

лингвистика, лингвопрагматика, прагматика, лингвопрагматический подход, дискурс, гипертекст, гипертекстовое пространство.

Annotation.

The article is devoted to theoretical foundations of modern trends in linguistics – linguopragmatics and hypertext study. The scientific and technological progress, as well as the development of information technologies, laid the foundation for the appearance of a hypertext as a new way of communication and organizing information in a new computer environment. As a result of comparing various definitions, the importance of linguopragmatics in the study of hypertext space has been highlighted in this research. Linguopragmatics is the science that studies language in relation to its users, it takes into account the functional context in a particular activity. In this research, the methods of observation, analysis, comparison, generalization and interpretation have been used. This article also considers the main theoretical basis of linguopragmatics, characterizes linguopragmatic approach and its main features in the study of hypertext. The main linguopragmatic features of hypertexts were determined as well. The results of this research can be applied in improving structure of hypertext space, using linguopragmatic approach.

Keywords:

linguistics, linguopragmatics, pragmatics, linguopragmatic approach, discourse, hypertext, hypertext space.

Взаимодействие языка и окружающей нас действительности уже давно стало предметом изучения для лингвистов и представителей других наук. Язык, являясь универсальным средством коммуникации, пронизывает все сферы жизни общества, организуя и упорядочивая деятельность как отдельных людей или социальных групп, так и всего общества в целом.

Начиная с середины XX века, исследования в области лингвистики претерпевали кардинальные изменения. Лингвисты пересмотрели отношение к языку как к формальной системе и начали рассматривать его как коммуникативную единицу в действии и ситуации. В результате, появились новые направления языкознания, такие как социолингвистика, психолингвистика, коммуникативная лингвистика, лингвопрагматика и т.д. [7, с. 42].

Состояние исследований, существующее на данный момент, позволяет говорить о недостаточной исследованности вербальной составляющей гипермедиа с позиции теории языка, в частности с точки зрения лингвопрагматики. Прежде всего, актуальность исследования связана с развитием информационно-коммуникационных технологий, в частности, в связи с повсеместным использованием интернета во всех сферах деятельности: в повседневной социальной жизни (использование социальных сетей и мессенджеров), в обучении (информационные технологии уже внедрены практически во всех вузах и других учебных площадках, в частности, в рамках удаленного обучения), в развлечении (различные тематические сайты и форумы) и, конечно, в рабочих взаимоотношениях – информационные технологии повсеместно используются предприятиями для нормального функционирования.

Все вышеперечисленное позволило коммуникации перейти в компьютерную среду, где ее процесс может принимать различные формы [10, с. 230]. Гипертекстовое пространство, как особая форма организации информации, является одной из таких форм.

Разные ученые выдвигают различные трактовки лингвопрагматики и гипертекста. Впервые, термин «лингвопрагматика» употребил Чарльз Моррис, американский философ и один из основателей семиотики, в 30-х годах XX века [5, с. 42]. Он определил данное явление как отношение знаков к их пользователям: «наука об отношении знаков к их интерпретаторам».

По определению В.Г. Гака дается следующее понятие: «Это раздел лингвистики, изучающий функционирование языковых образований в речи, – отношение между высказыванием, говорящим и контекстом (ситуацией)».

Лингвопрагматика исследует факторы, которые определяют выбор языковых средств среди всего их многообразия в определенной ситуации общения, и последующее влияние этого выбора на других людей [2, с. 115].

Одним из наиболее емких современных определений данного явления является трактовка профессора Е.Н. Малюги, согласно которой. лингвопрагматика – это наука, которая рассматривает язык с точки зрения его прикладной функции и занимается изучением поведения знаков в ситуациях реального общения, делая акцент на изучение отношения этих знаков с пользователями. [3, с. 233].

На основании приведенных выше определений, можно утверждать, что лингвопрагматика изучает язык как средство, используемое индивидами в их непосредственной деятельности, и рассматривает способность выражать с помощью языка свои мысли и понимать намерения собеседника. Это изучение функционирования языка в дискурсе, вплетенном в совместную практическую деятельность людей [2, с. 115].

Научно-технический прогресс и развитие коммуникационных и информационных технологий поспособствовали появлению нового способа организации информации в компьютерной среде в виде гипертекстового пространства. В настоящее время гипертекст является одним из основных предметов исследования не только в лингвистике, но и в других науках.

Теоретическая основа гипертекстов начала формироваться только во второй половине XX века. Это явление было одним из самых популярным объектом лингвистических исследований в 1990-е годы и до сих пор остается одной из актуальных проблем современной лингвистики [1, с. 58].

Гипертекст представляет собой сложный структурированный массив данных, внутренняя целостность которого поддерживается специальными структурами – гиперссылками [9, с. 689]. Примерами гипертекста являются электронные энциклопедии, компьютерные сети, онлайн-библиотеки, интернет-сайты. В компьютерной терминологии гипертекст – это текст, сформированный с помощью языка разметки с расчетом на использование гиперссылок. Важность изучения гипертекста с языковой точки зрения обусловлена тем, что языки разметки, которые используются для создания гипертекстов, используются людьми каждый день. Можно этого не заметить, но печатая текст в любом текстовом или даже графическом редакторе, переходя по ссылкам, сохраняя URL-адрес веб-страницы, мы используем функционал гипертекста.

Важно разделять понятия «гипертекст» и «гипертекстовое пространство». Согласно трактовке современных исследователей в области лингвистики, А.О. Колыхаловой и Т.В. Сапух, «гипертекстовое пространство» определяется как способ организации и представления гипертекста,

основанный на взаимодействии текстовых, графических и мультимедийных объектов, которые включаются в структуру гипертекста посредством гиперссылок [9, с. 688].

Значение лингвопрагматического подхода в изучении гипертекстов велико, поскольку он позволяет изучить языковые явления в совокупности с неязыковыми параметрами. Принципы лингвопрагматического подхода определяются взаимосвязью дискурса и лингвопрагматики.

Вопрос, требующий особого рассмотрения, заключается в том, как функционируют организационные блоки гипертекстового пространства, какие приемы презентации информации используются для понимания пользователем информации, правильного восприятия самого гипертекста и для его интеграции в информационное пространство. Структура и организация гипертекстового пространства, его специфические лингвопрагматические особенности являются важным аспектом интернет-дискурса.

В данной статье были выделены характеристики гипертекстового пространства с точки зрения лингвопрагматики.

Во-первых, вопрос восприятия информации остается одним из самых насущных сегодня, поскольку понимание и грамотная интерпретация текста требует особого подхода его организации, учитывающего визуальную и содержательную специфику, а также его лингвопрагматические особенности.

Пользователи Интернета сталкиваются с данной проблемой, когда возникает необходимость в получении определенной информации, что побуждает к действиям по ее извлечению. Например, ученик идет в библиотеку университета и использует его электронный каталог, чтобы найти номер журнала с помощью ключевых слов. Просматривая оглавления книг и монографий, он находит статьи, монографии или пособия, которые могут содержать необходимую ему информацию.

В настоящее время пользователи остаются потерянными в гиперпространстве: им трудно понять, где они находятся в рамках интернет-пространства, и как найти нужную им информацию. Именно поэтому сложность восприятия можно отнести к одной из особенностей презентации гипертекста

Во-вторых, важной лингвопрагматической характеристикой гипертекста может считаться его интерактивность или возможность взаимодействия с информацией в определенной модели ситуации с учетом прочих внешних аспектов [3, с. 234].

В-третьих, одной из неотъемлемых лингвопрагматических особенностей является наличие определенной коммуникативной цели. У каждого гипертекста как базы с необходимой информацией или содержащей ссылки на прочие источники с нужными знаниями, может быть своя цель. Это может быть решение технической проблемы (как, например, на сайтах технической поддержки ИТ-компаний), содержание информации о медиаресурсах (коллекции онлайн-кинотеатров с описанием сюжетов, базой данных с актерами и проч.), онлайн-библиотеки, рекламные сайты и т.д.

Кроме основных и наиболее универсальных характеристик гипертекста, обозначенных выше, необходимо отметить, что в лингвопрагматике существует также два важных аспекта функционирования речи: лингвистический и экстралингвистический [2, с. 115].

Первый аспект предполагает изучение отношений между языковыми единицами и реальными условиями их употребления в коммуникативном пространстве. В рамках феномена гипертекстового пространства, таким фактором может являться сам гипертекст как система взаимосвязанных элементов в виде текста, блоков, ссылок на прочие ресурсы и входящего в него медиаконтента (изображения, видео или аудиоматериалы и проч.). Кроме того, сюда же можно отнести уже рассмотренную лингвопрагматическую характеристику – интерактивность гипертекста.

Вторым экстралингвистическим аспектом является изучение параметров ситуации коммуникации, место и время коммуникативного взаимодействия, цели и ожидания коммуникантов и т.д. Иными словами, к данному фактору можно отнести контекст коммуникации. В рамках гипертекстового пространства, сюда можно отнести уже упомянутая выше характеристика – наличие общей коммуникативной цели.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что лингвопрагматический подход является довольно эффективным и помогает ярко обозначить цели и особенности коммуникации для выявления характеристик дискурса гипермедиа, поскольку он позволяет изучить языковые и неязыковые параметры.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены основные теоретические положения

лингвопрагматики и понятие «гипертекст». С позиции лингвопрагматики, были выявлены основные наиболее универсальные характеристики организации гипертекстов: многомерность и комплексность восприятия информации, ее структурная организация, интерактивность и содержание цели послания.

Были рассмотрены лингвистические и экстралингвистические аспекты гипертекстов с применением лингвопрагматического подхода, который помогает комплексно выявить языковые средства и установить прагматические факторы воздействия на адресатов, что дает возможности не только научного применения в лингвистических исследованиях, но практического использования данной методики в профессиональной деятельности специалиста в сфере межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Колыхалова А.О. Гипертекстовое пространство и особенности его организации (на примере сайта world travel inc.) / А.О. Колыхалова, Т.В. Сапук // Сборник материалов журнала Современные исследования социальных проблем. Т.10. № 4-4. Красноярск : Научно-инновационный центр, 2018. С. 57–64.
2. Малёв А.В. Лингвопрагматический подход как методическая основа формирования профессиональной межкультурной компетенции / А.В. Малёв, А.И. Мосалова // Русистика. 2013. № 2. С. 114–120.
3. Малюга Е.Н. Лингвопрагматика речевых стратегий в социальной рекламе / Е.Н. Малюга, К.В. Попова // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. С. 231–241.
4. Ухова Л.В. Эффективность рекламного текста : монография. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 375.
5. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 208.
6. Шевцова В.А. Лингвопрагматический анализ политического дискурса / В.А. Шевцова // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания. Материалы III Международ. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 26–27 марта 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е.А. Пригодич (отв. ред.) [и др.]. Мн. : БГУ, 2020. С. 60–63.
7. Abdugaffarova G.A. The main areas of investigation of pragmalinguistics // Наука и образование сегодня. 2019. № 12(47). P. 42–43.
8. Crystal David. The Cambridge Encyclopedia of Language. 2nd edition. Cambridge University Press, 1997.
9. Kolykhalova A.O. Organizational Structure of Hypertext Space (On the Example of World Travel Inc. Website) / A.O. Kolykhalova, & T.V. Sapukh. In & A. Pavlova (Ed.), Philological Readings. Vol 83. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. P. 688–693.
10. Malyuga E. Computer-based analysis of business communication language / E. Malyuga, A. Shvets, I. Tikhomirov // Proceedings of 2016 SAI Computing Conference, SAI 2016. 2016. P. 229–232.

Literature:

1. Kolykhalova A.O. Space and features of its Hypertext organization (on the example of the World of Travel Inc. website) / A.O. Kolykhalova, T.V. Sapukh. // Collection of materials of the journal Modern Studies of Social Problems. Vol. 10. № 4-4. Krasnoyarsk : Scientific and Innovation Center, 2018. P. 57–64.
2. Malev A.V. Linguopragmatic approach as a methodological basis for the formation of professional intercultural competence / A.V. Malev, A.I. Mosalova // Rusistika. 2013. № 2. P. 114–120.
3. Malyuga E. N., Popova K. V. Linguopragmatics of speech strategies in social advertising // Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal). 2018. № 4. P. 231–241.
4. Ukhova L.V. Effectiveness of the advertising text : monograph. Yaroslavl : YAGPU Publishing House, 2012. P. 375.
5. Chernyavskaya V.E. Linguistics of the text. Linguistics of discourse : studies. manual. M. : FLINT: Nauka, 2013. P. 208.

6. Shevtsova V.A. Linguopragmatic analysis of political discourse / V.A. Shevtsova // Foreign languages: innovations, prospects for research and teaching : materials for the III International Scientific and Practical Conference, Rep. Belarus, Minsk, March 26–27, 2020 / Belarusian State University ; editor: E. A. Podgodich (ed.) [and others]. Mn. : BSU, 2020. P. 60–63.
7. Abdugaffarova G.A. The main directions of the study of pragmalinguistics // Science and Education today. 2019. № 12(47). P. 42–43.
8. Crystal David. Cambridge Encyclopedia of the Language. 2nd edition. Cambridge University Press, 1997.
9. Kolykhalova A.O. Organizational Structure of Hypertext Space (On the Example of World Travel Inc. Website) / A.O. Kolykhalova, & T.V. Sapukh. In & A. Pavlova (Ed.), Philological Readings. Vol 83. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. P. 688–693.
10. Malyuga E. Computer-based analysis of business communication language / E. Malyuga, A. Shvets, I. Tikhomirov // Proceedings of 2016 SAI Computing Conference, SAI 2016. 2016. P. 229–232.

АНАЛИЗ СПОСОБОВ УСИЛЕНИЯ КУЛЬТИВИРОВАНИЯ ТАЛАНТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

ANALYSIS OF WAYS TO STRENGTHEN THE CULTIVATION OF INTERNATIONAL COMMUNICATION TALENTS

Юань Фаньсэнь
бакалавр,
Университет Яншань
Rusbear@internet.ru

Yuan Fansen
Bachelor's Degree,
Yanshan University
Rusbear@internet.ru

Аннотация. Сегодня особенную популярность набирает международное общение. Направление востребовано во всём мире. При этом цифровизация средств массовой информации формирует свои требования к талантам в рассматриваемой области. В рамках данной статьи будет рассмотрена китайская специфика формирования талантов. В условиях цифровой экономики, накопление интеллектуального капитала ускоряется, активизируются механизмы поиска, привлечения и эффективного применения талантов. Способность создавать и эффективно использовать интеллектуальный капитал – фактор, экономического потенциала и конкурентоспособности как компаний, так и государств. Важное значение для гибкости и адаптивности компаний и освоения ими новых технологий имеет не только поиск новых талантов, но и с раскрытие потенциала уже работающих сотрудников. Для достижения этой цели в компаниях начинают формировать внутренние маркетплейсы талантов (internal talent marketplace). Они способствуют трансформации организационной структуры. Из иерархической в творческую и устойчивую – такую, которая позволяет сотрудникам заниматься несколькими проектами одновременно, переключаться с одной роли на другую, совершенствовать навыки и учиться в процессе работы.

Ключевые слова:

выращивание талантов, международная коммуникация, ситуация, проблемы, стратегии, развитие, инновации, мир, взаимодействие.

Annotation.

International communication is gaining particular popularity today. The field is in demand all over the world. At the same time, the digitalisation of the media forms its own requirements for talent in the field in question. This article will examine the Chinese specifics of talent formation. In the digital economy, the accumulation of intellectual capital is accelerating, and mechanisms for finding, attracting and effectively applying talent are intensifying. The ability to create and effectively use intellectual capital is a factor, economic potential and competitiveness of both companies and states. It is important for companies to be flexible and adaptable and to absorb new technologies, not only to find new talent, but also to unlock the potential of existing employees. To achieve this, companies are beginning to form internal talent marketplaces (internal talent marketplaces). They contribute to the transformation of the organisational structure. From a hierarchical structure to one that is creative and sustainable – one that allows employees to engage in multiple projects simultaneously, switch roles, improve skills and learn on the job.

Keywords:

talent cultivation, talent, international communication, situation, challenges, strategies, development, innovation, world, interaction

Наступление эры всех СМИ принесло огромные изменения в журналистику и коммуникацию, а также, выдвинуло новые требования к выращиванию журналистских и коммуникационных талантов. В последние годы, перед лицом новых требований времени и международной ситуации, в целях укрепления мягкой силы национальной внешней коммуникации и

получения права на международный дискурс, государство начало энергично развивать международную коммуникационную карьеру путем внедрения ряда руководящих принципов и политики, и постоянно выдвигает новые требования к воспитанию талантов международной коммуникации [1].

С развитием новых технологий, таких как Интернет вещей, искусственный интеллект, 5G, облачные вычисления, большие данные и так далее, каналы и методы распространения новостей в эпоху полных медиа стали более богатыми и интегрированными, а полные медиа стали диверсифицированными, мобильными, сегментированными, социализированными и всемогущими. Именно эти новые изменения и новые особенности эпохи полных СМИ выдвигают новые требования к режиму обучения талантов международной коммуникации в Китае. Поэтому на фоне эпохи всех медиа и новой международной коммуникационной среды университеты с факультетами международной коммуникации в Китае сформировали модель подготовки талантов «профессиональные знания + практические способности + расширение возможностей новых медиатехнологий» [2].

Модель подготовки международных журналистских и коммуникационных талантов, представленная Шанхайским университетом иностранных исследований и Пекинским университетом иностранных исследований, – это «иностранный язык + журналистика», в которой журналистские и коммуникационные навыки сочетаются в рамках специальности «иностранный язык». Впоследствии, чтобы укрепить международный коммуникационный потенциал Китая, Министерство пропаганды и Министерство образования развернули и реализовали проект подготовки магистров международной журналистики и коммуникации, направленный на подготовку высококлассных и сложных международных коммуникационных талантов для национальных основных СМИ.

Например, победа Китая в борьбе с эпидемией не только подчеркнула его превосходную систему национального управления и способность управлять перед людьми во всем мире, но и укрепила международную коммуникацию его ценностей. Из борьбы с эпидемией мы извлекли много уроков, среди которых новые требования к талантам в области международной коммуникации, которые должны повышать свою осведомленность в вопросах коммуникации, бороться за международный дискурс, рассказывать историю Китая и демонстрировать свои достижения в преодолении кризиса [3].

По сути, выращивание талантов международного общения должно служить формированию имиджа страны, и соответствующие академические группы, исследовательские проекты и образовательные модели должны строиться с учетом этого фундаментального требования. Что касается социальной среды, то с наступлением эры всех средств массовой информации наиболее значительным изменением является преобразование новостной коммуникации из одностороннего способа связи от коммуникатора к получателю в двусторонний способ связи между коммуникатором и получателем, а также эффективное взаимодействие информации между несколькими средствами массовой информации [4].

Эффективное взаимодействие и интеграция информации между несколькими СМИ стало «обязательным условием» для профессионалов в области журналистики и коммуникации. Современный рынок требует полного спектра талантов в области международной коммуникации, обладающих прочными профессиональными знаниями + знанием иностранных языков + осведомленностью о международном дискурсе + новыми медиатехнологиями. Текущая ситуация с подготовкой международных коммуникационных талантов в Китае такова, что механизму обучения не хватает дальновидности и долгосрочной ориентации, чтобы ответить на спрос рынка, и ему будет трудно противостоять изменениям в международной ситуации и новым медиатехнологиям [5].

Литература:

1. Лицзюнь Л. Развитие инноваций и талантов в интернационализации высшего образования / Л. Лицзюнь, А.С. Акрамова // Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Педагогические науки». 2022. Т. 73. №. 1. С. 19–28.
2. Сюэцю Л. Китайско-российское сотрудничество в сфере высшего образования в контексте инициативы «Один пояс-один путь» / Л. Сюэцю // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2019. № 3(537). С. 181–190.
3. Цогоева М.И. Влияние пандемии COVID-19 на использование информационных технологий

в международном бизнесе / М.И. Цогоева, Э.О. Галаова // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 5. С. 418–427.

4. Хуа В. Исследование модели международного сотрудничества высшего образования в пост-эпидемическую эпоху на фоне Интернета / В. Хуа // Современное педагогическое образование. 2021. № 8. С. 14–17.
5. Эскиндаров М.А. Интернационализация образования как фактор роста качества трудовых ресурсов мирового уровня / М.А. Эскиндаров, В.В. Перская // Социально-трудовые исследования. 2021. № 3(44). С. 84–98.

Literature:

1. Lijun L. Development of innovation and talents in internationalization of higher education / L. Lijun, A.S. Akramova // Bulletin of Kazakh National Pedagogical University named after Abay, series «Pedagogical Sciences». 2022. Vol. 73. № 1. P. 19–28.
2. Xueqiu L. Sino-Russian cooperation in higher education in the context of the initiative «One Belt, One Road» // All-Russian Economic Journal ECO. 2019. № 3(537). P. 181–190.
3. Tsogoeva M.I. The impact of the COVID-19 pandemic on the use of information technology in international business / M.I. Tsogoeva, E.O. Galaova // Actual issues of modern economics. 2020. № 5. P. 418–427.
4. Hua W. Exploring the model of international cooperation of higher education in the post-epidemic era against the background of the Internet / W. Hua // Modern Pedagogical Education. 2021. № 8. P. 14–17.
5. Eskindarov M.A. Internationalization of education as a factor for the growth of the quality of world level's labor resources / M.A. Eskindarov, V.V. Perskaya // Sotsial'nye trudovye issledovani. 2021. № 3(44). P. 84–98.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ДИСКУРСА

PEDAGOGICAL AND EDUCATIONAL DISCOURSES AS AN INSTITUTIONAL TYPE OF DISCOURSE

Яковлева Екатерина Васильевна

аспирантка,
Самарский государственный
технический университет
eka-khikhlich@yandex.ru

Ekaterina V. Yakovleva

Graduate Student,
Samara State
Technical University
eka-khikhlich@yandex.ru

Хусаинова Мария Алексеевна

кандидат педагогических наук,
доцент,
доцент кафедры «Иностранные языки»,
Самарский государственный
технический университет
maria.maiova076@gmail.com

Mariya A. Khusainova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of «Foreign Languages»,
Samara State Technical University
maria.maiova076@gmail.com

Стройков Сергей Александрович

кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры «Иностранные языки»,
Самарский государственный
технический университет
stroykov@ya.ru

Sergey A. Stroykov

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of «Foreign Languages»,
Samara State Technical University
stroykov@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена образовательному и педагогическому дискурсу как объекту лингвистического исследования. Актуальность данной работы определяется тем, что в эпоху глобализации высшего образования именно институциональный дискурс представляет собой важную единицу коммуникации представителей университетского сообщества. Авторы, на основе критического анализа альтернативных понятий формулируют, понятия «образовательный дискурс» и «педагогический дискурс», определяют их сущность и содержание. Анализ данных типов дискурсов способствовал уточнению терминологического аппарата, разграничению и исследованию области их употребления, а также выявлению как общих черт, так и различий между разными типами дискурсов. Общим и основным параметром обоих типов дискурсов является трансляция знаний. Наряду с этим, было выявлено, что в педагогическом дискурсе участники характеризуются ролевым неравенством, сопровождающимся иногда наличием критики со стороны «привилегированного» участника, где учащийся становится лишь пассивным реципиентом транслируемой информации. Образовательный дискурс имеет некое статусное разделение участников общения, но, тем не менее, общение происходит в более свободной форме. Проведенное исследование подготавливает фундамент для прикладного исследования в пределах анализируемого объекта.

Ключевые слова:

дискурс, образовательный дискурс, педагогический дискурс, образовательно-педагогический дискурс, структура образовательного дискурса.

Annotation. The article is devoted to educational and pedagogical discourse as an object of linguistic research. The relevance of this work is determined by the fact that in the era of globalization of higher education, it is the institutional discourse that is an important unit of communication of representatives of the university community. The authors formulate the concepts of «educational discourse» and «pedagogical discourse» on the basis of a critical analysis of alternative concepts, determine their essence and content. The analysis of these types of discourses contributed to the clarification of the terminological apparatus, the differentiation and study of the scope of their use, as well as the identification of both common features and differences between different types of discourses. A common and basic parameter of both types of discourses is the translation of knowledge. Along with this, it was revealed that in pedagogical discourse, participants are characterized by role inequality, sometimes accompanied by the presence of criticism from a «privileged» participant, where the student becomes only a passive recipient of the transmitted information. Educational discourse has a certain status division of communication participants, but nevertheless, communication takes place in a more free form. The conducted research prepares the foundation for applied research within the analyzed object.

Keywords: discourse. educational discourse. pedagogical discourse, educational and pedagogical discourse, structure of educational discourse.

As the education system changes, the attention of linguists is increasingly focused on the changes in educational discourse that have emerged as a result of processes such as globalization.

Educational discourse is a type of institutional discourse that reflects the demands of society to a greater extent.

The relevance of this work is determined by the fact that in the era of globalization of higher education, it is institutional discourse that represents a substantial unit of communication for representatives of the university community.

The purpose of the study is to consider the concepts of pedagogical and educational discourses in order to distinguish between them. Our main purpose is to study the organization of institutional discourse and to distinguish between the concepts of pedagogical and educational types of discourse.

Depending on the consideration of a particular problem, the authors of scientific works actively use not only the term educational discourse, but also a number of others such as educational discourse (Kozhemyakin, 2009), pedagogical discourse (Karasik, 1999; Karasik, 2004; Robotova 2008; Suvorova, 2012).

Thus, the concept of discourse in pedagogy is commonly understood to mean as a hierarchized speech communication that accompanies the process of socially significant interaction of people, considered from the standpoint of their belonging to a particular social group or in relation to a particular typical speech-behavioral situation.

Pedagogical discourse should be considered both as a pedagogical technology and as a learning technology. As a pedagogical technology, discourse reflects the tactics of implementing educational technologies in the educational process under certain conditions.

Pedagogical discourse should accumulate and embody the general features and patterns of the subject. It displays a model of educational and management processes in an educational institution, combines their content, forms and means, and can also cover specialized technologies that are used in other branches of science and practice – electronic, new information, industrial, valueological, etc.

As a technology of education (education, management of the educational process), pedagogical discourse should model the way of assimilation of a specific educational material (concept) within the framework of the corresponding academic subject, topic, question. In many respects, it is close to a separate technique.

Pedagogical discourse has all the features of the system: the logic of the process, the interconnection of parts, the structural and content integrity, conformity to nature, the intensity of all components of the learning process.

A feature of pedagogical discourse is that it can be attributed to productive innovative activity, since creativity plays a special role among its mandatory components. The specificity of pedagogical creativity lies in the fact that its object and result is the creation of a personality, and not an image, as in art, or a mechanism, as in technology. The pedagogical process is the joint creativity of the teacher and pupil in a situation of pedagogical interaction, in the process of which the pedagogical transformation of

a person takes place.

If we are having in mind the pedagogical ideas, we talk about the discourse that covers external (goals, means, object of influence, subject of activity, result) and internal (motivation, content, operations) components. It performs gnostic (cognitive), project (prospective planning of tasks and ways to solve them), constructive (cooperation between the teacher and the student), communicative (the interaction of the teacher with students and colleagues), organizational (step-by-step activity) functions.

The properties of modern pedagogical discourse include: dynamism, sociality, integrativity, personalization, dialogue, contextuality, integrity, coherence, situational conditioning, intentionality, value orientation, indiscreteness.

The construction of pedagogical discourse is a consciously organized and controlled process. The participation of students in the construction of pedagogical discourse will help them in the future to independently build a model of any social interaction in accordance with the norms of cultural activity [1, p. 109].

The vast majority of researchers single out such participants in pedagogical discourse as «teacher» and «student», and a number of researchers emphasize their status-role inequality. The lack of dialogue in the process of interaction between participants in pedagogical discourse contributes to the development of the «army» model of discourse construction, where the main goal of teaching is the complete subordination of the students [4, p. 17].

An important feature of pedagogical discourse is such a characteristic as personalization, in which the student / student as a person occupies a central place in pedagogical interaction.

All of this points to the fact that, pedagogical discourse is an objectively existing dynamic system of value-semantic communication of the subjects of the educational process, functioning in the educational environment. It includes the participants of the discourse, pedagogical goals, values and content.

Let us examine the educational discourse. All in all, a comprehensive study of educational discourse involves different angles of consideration of this phenomenon.

According to M.A. Lukatsky, educational discourse is a multidirectional activity, the object of which is «to identify:

- specific structure of language communication between teacher and student;
- meanings of speech messages addressed to each other by participants in the educational process;
- features of their speech behavior, understanding and generation of speech products by them;
- mental shifts that have occurred in the linguistic consciousness of the participants in the educational process as a result of their interaction» [7, p. 76].

Some researchers, studying educational discourse, emphasize that this is a communicative activity associated with the process of education in educational institutions, as well as with the processes of translation and reproduction of sociocultural models in the field of educational activity.

This point of view is held by: E.Yu. Dyakova (Dyakova, 2006), E.A. Kozhemyakin (Kozhemyakin, 2010), L.N. Polunina (Polunina, 2011), T.N. Astafurov and D.A. Goncharova (Astafurova, Goncharova, 2014), O.N. Isaeva and I.B. Krivchenko (Isaeva, Krivchenko, 2019).

Plenty of researchers expand the boundaries of this formulation. So, N.A. Dubrovskaya clarifies that educational discourse is a set of texts united by a common theme related to the educational activity of a person, which finds its linguistic reflection in a wide variety of functional and stylistic types of texts - from official business and scientific to everyday colloquial (Dubrovskaya, 2013: 62).

Another characteristic feature of educational discourse is its focus on the future. This feature is directly related to the central function of educational discourse – the creation of a certain model of a harmonious socio-culturally developed personality, which implies «... the socialization of a new member of society, the acquisition of professional knowledge and prestigious qualifications» [2, p. 62].

According to E.A. Kozhemyakin, the process of socialization and education is endless, such a situation is excluded in which one could say that an individual has completed education, has become a full-fledged personality, and now he is finally socialized. In this regard, the result of achievement is always in the future [6].

E.A. Kozhemyakin highlights another specific feature of educational discourse – its gradual, gradually growing character. The above feature is not always implemented so clearly in other types of discourse and is usually provided by the competence of the agent (teacher) to adequately assess the situation: «Evaluative speech strategy expresses the social significance of the agent of education as a «bearer and spokesman» of institutionalized knowledge, sociocultural values and norms and is implemented in the right of the teacher evaluate the state of affairs and the student's verbalized knowledge»

[6, p. 27].

Another characteristic feature of educational discourse, noted by E.A. Kozhemyakin, definition [6, p. 33]. The proposed hypothesis is confirmed by the studies of V.I. Karasik, who believes that educational definition has a triple property - an adequate description of the subject (scientific orientation) is required, the definition of the subject must be clear to the recipient of the speech (address orientation), and the procedural nature of the definition, because the point is not to give a definition, but to teach one to define [5, p. 257].

Educational discourse is usually considered at two levels – the micro level (school class, student audience, conference, seminar, teacher-student conversation, etc.) and the macro level (requires the participation of large social groups of the population arguing about socially significant events such as, for example, the reform of education, the introduction of a unified state exam, the transition from free to paid education).

Thus, educational discourse, like pedagogical discourse, is a kind of institutional type of discourse. Educational discourse to a greater extent reflects the demands of society, and its main task is to form the communicative qualities of the student's personality from the standpoint of scientificity, accessibility as integral factors of functioning. The analysis of these types of discourses contributed to the clarification of the definitions, the differentiation and study of their use, as well as the similarities of both common features and differences between different types of discourses, which it seems possible to reflect in the table.

Table 1

Comparison of pedagogical and educational types of discourse

	Status inequality of participants	Translation of knowledge	Transfer of moral and ethical standards	Limited scope of implementation
Pedagogical discourse	√	√	√	√
Educational discourse	–	√	√	–

In conclusion, it would appear that, the main parameter of both types of discourses is the translation of knowledge. Besides it was revealed that in the pedagogical discourse the participants are characterized by role inequality, sometimes accompanied by the presence of criticism from the «privileged» participant, where the student becomes only a passive recipient of the information being broadcast.

Educational discourse has a certain status division of the participants in communication, but nevertheless, communication takes place in a freer form.

Pedagogical and educational discourse is distinguished not only by the transfer of knowledge (i.e., the implementation of the educational function), but also by the moral and ethical attitudes fixed in certain areas of society, which also makes it possible to realize the educational function, i.e., the education of a full-fledged socialized personality.

Литература:

1. Андрущенко, В. Світанок Європи: Проблема формування нового вчителя для об'єднаної Європи XXI століття. К. : Знання України, 2012. 1099 с.
2. Дубровская Н.А. Семантические характеристики образовательного дискурса на примере немецкой образовательной рекламы / Н.А. Дубровская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. Вып. 9–1(27). С. 62–66.
3. Ежова Т.В. К проблеме изучения педагогического дискурса // Вестник ОГУ. 2006. № 2. Т. 1. С. 52–56.
4. Зоткина Л.В. Конфликтные речевые тактики, используемые в русском и английском педагогическом общении первой половины XIX века (на материале произведений Ш. Бронте и Л. Чарской) / Л.В. Зоткина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2015. Вып. 1. Т. 15. С. 16–20.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.

6. Кожемякин Е.А. Образовательно-педагогический дискурс / Е.А. Кожемякин // Современный дискурс-анализ. Типы дискурсов: теоретические описания. Электронный журнал. 2010. № 2. Т. 1. С. 27–46.
7. Лукацкий М.А. Образовательный дискурс: от иллюзорного понимания к реальному постижению / М.А. Лукацкий // Известия Российской академии образования. 2016. № 4(40). С. 74–88.
8. Ручкина Е.М. Лингво-аргументативные особенности стратегий вежливости в речевом конфликте: на материале педагогического дискурса : автореферат дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2009. 21 с.

Literature:

1. Andrushchenko, V. Dawn of Europe: The problem of forming a new teacher for a united Europe of the 21st century. K. : Knowledge of Ukraine, 2012. 1099 p.
2. Dubrovskaya N.A. Semantic characteristics of educational discourse on the example of German educational advertising / N.A. Dubrovskaya // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2013. Iss. 9–1 (27). P. 62–66.
3. Ezhova T.V. The problem of pedagogical discourse study / T.V. Ezhova // Bulletin of OSU. 2006. № 2. Vol. 1. P. 52–56.
4. Zotkina L.V. Conflict speech tactics used in Russian and English pedagogical communication in the first half of the 19th century (based on the works of S. Bronte and L. Charskaya) // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series Philology. Journalism. 2015. Iss. 1. Vol. 15. P. 16–20.
5. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. M. : Gnosis, 2004. 390 p.
6. Kozhemyakin E.A. Educational and pedagogical discourse // Modern discourse analysis. Types of discourses: theoretical descriptions. Electronic journal. 2010. № 2. Vol. 1. P. 27–46.
7. Lukatsky M.A. Educational discourse: from illusory understanding to real comprehension / M.A. Lukatsky // News of the Russian Academy of Education. 2016. № 4(40). P. 74–88.
8. Ruchkina E.M. Linguo-argumentative features of politeness strategies in speech conflict: the material of pedagogical discourse: dissertation abstract for candidate of philological sciences degree. Tver, 2009. 21 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ РАЗУМНОСТИ, ДОБРОСОВЕЩНОСТИ, СВОБОДЫ ДОГОВОРА И ИХ СООТНОШЕНИИ

ON THE ISSUE OF THE PRINCIPLES OF REASONABLENESS, GOOD FAITH, FREEDOM OF CONTRACT AND THEIR CORRELATION

Абросимов Антон Вячеславович
аспирант юридического факультета,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
abrosimov.aav@yandex.ru

Anton V. Abrosimov
Graduate Student of the Faculty of Law,
Financial University
under the Government
of the Russian Federation
abrosimov.aav@yandex.ru

**Зинуков-Липницкий
Александр Владимирович**
магистрант Юридического института,
Рязанский государственный институт
имени С.А. Есенина
lipnicki.law@gmail.com

Alexander V. Zinukov-Lipnitsky
Undergraduate of the Law Institute,
Ryazan State Institute
named after S.A. Yesenin
lipnicki.law@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена анализу функционала, роли и значения правовых принципов разумности, добросовестности и свободы договора для регулирования частноправовых отношений. В статье обзревается основные доктринальные позиции по данному вопросу, на их основе делаются выводы. По итогам исследования авторами выделяются сходства и предлагается собственная классификация различий данных принципов.

Ключевые слова: разумность, добросовестность, свобода договора, правовой принцип, правовое понятие, классификация.

Annotation. This article is devoted to the analysis of the functionality, role and significance of the legal principles of reasonableness, good faith and freedom of contract for the regulation in private law. The article reviews the main doctrinal positions on this issue, and draws conclusions on their basis. According to the results of the study, similarities are highlighted and new classification of differences between these principles is proposed.

Keywords: reasonableness, good faith, freedom of contract, legal principle, legal concept, classification.

Добросовестность и разумность являются одними из оценочных категорий российского гражданского права. Также, как и многие другие оценочные категории, они лишены какого-либо чёткого законодательного определения. Помимо этого, принципы добросовестности и разумности являются одними из принципов гражданского права, что означает их способность влиять на регулирование гражданских правоотношений и правоприменение.

Характерной особенностью принципов разумности и добросовестности является то, что они часто применяются во взаимосвязи друг с другом. зачастую правоприменитель, принимая решение, указывает на несоответствие поведения того иного участника гражданских правоотношений требованиям разумности и добросовестности. Обращает на себя внимание универсальность этих понятий. При этом, как оценочные категории, они не лишены неопределённости, однако благодаря этому они помогают осуществлять гибкое регулирование разнообразных общественных отношений, возникающих в ходе делового оборота.

Сама сущность диспозитивного метода правового регулирования создаёт предпосылки

для широкого применения оценочных категорий, в том числе таких, которые оперируют понятиями из области этики и морали. Ведь, в той сфере общественных отношений, где отсутствуют четкие процессуальные предписания, создаётся возможность злоупотребления правом, применения правовых норм во вред правам и законным интересам других лиц, использования предусмотренных гражданским законодательством правовых институтов с противоправной целью. Тарников исследует принципы разумности и добросовестности взаимосвязи с принципом свободы договора [1, с. 23].

Принцип свободы договора позволяет участникам делового оборота вступать в различные предусмотренные законодательством виды сделок по своему усмотрению, самостоятельно определяя порядок перехода прав и обязанностей в ходе договорных отношений; по своей воле устанавливать содержание договоров, регламентировать свою деятельность, приходиться к различным соглашениям в том случае, если это прямо не противоречит нормам закона.

Однако злоупотребление правом представляет собой специфическую ситуацию: нормы закона могут не нарушаться, но нарушаются принципы права, правовой порядок и его назначение. Поэтому в гражданском праве принцип свободы договора логичным образом получил естественный ограничитель в виде принципа добросовестности. На определенный антагонизм двух данных принципов указывает, в частности, А.Б. Кубрава [2, с. 108]. Принцип, или оценочная категория, добросовестности направлен на недопущение использования одних правовых норм и институтов для искажения действия других. Как отмечает И.И. Шувалов, принцип добросовестности является тем случаем, когда право прибегает к использованию категорий из области этики и морали [3, с. 19–20]. Н.И. Беседкина, анализируя оценочные категории российского гражданского права, указывает на потребность участников гражданского оборота в определенных ориентирах, пределах, и именно с этим она связывает внедрение в законодательное регулирование правовых категорий разумности и добросовестности [4, с. 99–102].

Представляется, что принцип разумности неразрывно связан с принципом добросовестности. Поведение участника гражданского оборота может считаться разумным лишь тогда, когда оно направлено на правомерную реализацию собственных прав и интересов. Разумное поведение характеризуется следованием устоявшимся практикам делового оборота, уважением прав и законных интересов других лиц, должной осмотрительностью, отсутствием неправомерной заинтересованности. Данные признаки разумности участника делового оборота также могут быть использованы для выявления недобросовестных действий. Стоит отметить, что в российской практике добросовестность также обыкновенно понимается как следование общепринятым практикам. Данная позиция ярко отражена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25. Исходя из неё, при оценке добросовестности стороны правоотношений правоприменитель должен опираться именно на поведение, обычно встречающееся в гражданском обороте среди лиц, не стремящихся нарушить закон или действовать в ущерб другим лицам. Оценка добросовестности лица также должна принимать во внимание обстоятельства дела.

Сразу возникает желание отметить, что данная Пленумом Верховного Суда трактовка скорее соответствует бытовому пониманию разумности, ведь разумным обычно считается правильное, грамотное поведение, направленное на достижение цели оптимальным образом. Правовое понятие разумности не является столь фундаментальным, как понятие добросовестности, и чаще носит вспомогательный характер. Очевидно, что по своему смыслу она неразрывно связана с добросовестностью. Разумным – в том смысле, в каком его предусматривает доктрина гражданского права – является именно поведение лица, добросовестно реализующего свои права и интересы.

Принцип свободы договора является всеобъемлющим гражданско-правовым принципом, направленным на реализацию прав участников гражданских правоотношений. В то же время, принцип добросовестности направлен на ее некоторое ограничение, на направление такой реализации исключительно в предусмотренное законодательными нормами и принципами, правом «русло». Таким образом, данные принципы являются в некоторой мере антагонистичными, но при этом сам принцип добросовестности обусловлен наличием принципа свободы договора. Он частично ограничивает эту свободу и служит упорядочиванию гражданского оборота. Оба принципа носят фундаментальный характер в том плане, что они затрагивают абсолютно разнородные общественные отношения, регулируемые гражданским законодательством.

В то же время, принцип разумности носит скорее вспомогательный по отношению к принципу добросовестности характер: он конкретизирует понятие добросовестности, в некотором плане дополняя понимание того, каким должно быть добросовестное поведение – оно должно быть разумным, учитывать практики делового оборота и быть основанным на праве.

Стоит отметить, что доктрина добросовестности приобрела значительное признание в

мировой практике, иностранных правовых системах [5]; одновременно, доктрина разумности не имеет столь широкого распространения, что косвенно подтверждает вторичный характер данного понятия, являющегося в большей степени вспомогательной оценочной категорией.

Правовое понятие «добросовестность» получило закрепление, в первую очередь, в странах романо-германского права, где источником права является закон, и лишь позднее оно стало частично применяться в ряде стран общего права. Понятие «разумность» также может применяться судами в различных странах, упоминание о нем встречается в англоязычной научной литературе и трудах юристов некоторых стран, однако оно не образует своим применением самостоятельную научную доктрину.

Что касается принципа свободы договора, то он является общепринятым демократическим правовым принципом – он прочно связан с экономической свободой участников делового оборота и рыночной экономикой, в которой централизованное планирование отсутствует, а конституционно-правовая отрасль оперирует демократическими понятиями и принципами.

По всей видимости, объединяющим для всех рассматриваемых принципов является следующее:

- данные принципы носят общий характер, направлены на применение в самых разнообразных гражданских правоотношениях (их можно рассматривать, по выражению С. Рейнхольда [6, с. 41], как общие правила);
- они являются атрибутами правовых систем с развитой экономической свободой, гарантиями свободы предпринимательства;
- свойственны, в большей степени, частному праву;
- отражают диспозитивный метод правового регулирования в праве (с той оговоркой, что добросовестность свободу волеизъявления ограничивает, но она также не является строго определенной категорией и может применяться достаточно произвольно).

Что касается различий, то тут, вероятно, в группу основных, фундаментальных принципов следует поместить принципы свободы договора и добросовестности, а к числу «вспомогательных» следует отнести принцип разумности. Также, разумность и добросовестность являются характерными «оценочными категориями», в то время как свобода договора, имеющая четко установленные законодательством пределы, таковой не является. Помимо этого, в меньшей степени, разумность и, в большей степени, добросовестность возможно отнести в области этики и морали, в то время как принцип свободы договора является изначально понятием из области юриспруденции.

Таким образом, говоря о различиях принципов разумности, добросовестности и свободы договора, можно классифицировать по следующим признакам: значение для гражданских правоотношений, степень формальной определенности, происхождение понятия.

Литература:

1. Татарников А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: диссертация ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Татарников Алексей Валентинович; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. М., 2010. 169 с.
2. Кубрава А.Б. Соотношение принципов свободы договора и добросовестности / А.Б. Кубрава // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 107–109.
3. Шувалов И.И. Доктрина добросовестного и разумного поведения участников предпринимательской деятельности / И.И. Шувалов // Экономика. Право. Общество. 2021. № 3. С. 19–25.
4. Беседкина Н.И. Разумность, добросовестность и справедливость в системе оценочных категорий частного права / Н.И. Беседкина // Образование и право. 2016. № 2. С. 98–105.
5. Абросимов А.В. Принцип добросовестности в российском гражданском праве и зарубежных правовых системах / А.В. Абросимов // Legalbulletin. 2022. № 4. С. 90–98.
6. Reinhold S. Good Faith in International Law / S. Reinhold // UCL Journal of Law and Jurisprudence. Bonn Research Paper on Public International Law. 2013. № 2. P. 40–63.

Literature:

1. Tatarnikov A.V. Principles of reasonableness and good faith in the civil law of Russia : dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Tatarnikov Aleksey Valentinovich; [Place of protection: Mosk. University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. M., 2010. 169 p.
2. Kubrava A.B. Correlation between the principle of contract freedom and good faith principle /

- A.B. Kubrava // North Caucasian Legal Bulletin. 2019. № 1. P. 107–109.
3. Shuvalov I.I. Doctrine of good faith and reasonable behavior of business participants / I.I. Shuvalov // Economics. Right. Society. 2021. № 3. P. 19–25.
  4. Besedkina N.I. Reasonableness, conscientiousness and justice in the system of evaluative categories of private law / N.I. Besedkina // Education and Law. 2016. № 2. P. 98–105.
  5. Abrosimov A.V. The principle of good faith in Russian civil law and foreign legal systems / A.V. Abrosimov // Legal bulletin. 2022. № 4. P. 90–98.
  6. Reinhold S. Good Faith in International Law / S. Reinhold // UCL Journal of Law and Jurisprudence. Bonn Research Paper on Public International Law. 2013. № 2. P. 40–63.

**ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СООТВЕТСТВИИ С КОНСТИТУЦИЕЙ
И ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

**PECULIARITIES OF CHANGES IN THE SUBJECT COMPOSITION
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ACCORDANCE WITH
THE CONSTITUTION AND FEDERAL LEGISLATION**

Куликова Юлия Альбертовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления
Института экономики
и управления в АПК,
Российский государственный
аграрный заочный университет
Jumar66@bk.ru

Yulia A. Kulikova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
of the Department of Management
Institute of Economics and Management
in the Agro-Industrial Complex,
Russian State Agrarian
Correspondence University
Jumar66@bk.ru

Аннотация. В статье затрагиваются проблемы изменения субъектного состава государства – Российской Федерации. Проанализировав главу 3 Конституции РФ, федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», автор обозначила способы изменения состава субъектов, общие и особенные черты, свойственные этим двум процедурам. Ею выделены проблемы, возникающие при принятии нового субъекта в состав РФ и при образовании нового субъекта в составе РФ, отмечены недостатки и слабые стороны этих процедур, а также, приведены мнения ученых конституционалистов на данную тему, совпадающих с мнением автора.

Ключевые слова:

субъектный состав, принятие нового субъекта в состав РФ, образование в составе РФ нового субъекта, федеративное государство, международный договор, федеральный конституционный закон.

Annotation.

The article touches upon the problems of changing the subject composition of the state – the Russian Federation. Having analyzed Chapter 3 of the Constitution of the Russian Federation, the Federal Constitutional Law «On the procedure for admission to the Russian Federation and the formation of a new subject of the Russian Federation in its composition», the ways of changing the composition of subjects, common and special features inherent in these two procedures are outlined. The problems that arise when a new entity is admitted to the Russian Federation and when a new entity is formed within the Russian Federation are highlighted, the shortcomings and weaknesses of these procedures are noted. The opinions of constitutional scholars on this topic, which coincide with the opinion of the author, are given.

Keywords:

subject composition, admission of a new subject to the Russian Federation, formation of a new subject within the Russian Federation, federal state, international treaty, federal constitutional law.

Федеративное государство базируется на принципе территориальной целостности. Исследователь – конституционалист, С.А. Авакьян подчеркивал, что «...в федеративном государстве вопросы статуса субъектов, их положения в федерации существуют постоянно и в целом должны восприниматься как нечто неизбежное и требующее к себе регулярного

внимания. Прочности федерации способствует полная ясность не только по текущим взаимоотношениям федерального центра и субъектов, но и по принципиальным основам организации федеративного государства» [3, с. 303].

Состав субъектов Российской Федерации может быть подвергнут изменению, и нормативно-правовой базой для этого служит глава 3 Конституции РФ [1] и Федеральный конституционный закон РФ от «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [2].

Какие существуют варианты изменения? Их два: принятие в состав РФ нового субъекта и образование в составе РФ нового субъекта. Есть еще и третий вариант изменения, но он касается только лишь названия уже существующего субъекта, который проходит достаточно просто: необходима инициатива самого субъекта, проведение референдума на территории соответствующего субъекта, и итогом является указ Президента РФ по данному вопросу.

Мы остановимся на первых двух вариантах изменений субъектного состава РФ. Выделим вначале требования, которые объединяют эти два варианта. Общими принципами для обоих случаев является «добровольность, соблюдение государственных интересов Российской Федерации, принципов федеративного устройства Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, учет сложившихся исторических, хозяйственных и культурных связей субъектов Российской Федерации, их социально-экономических возможностей» [2]. Президент РФ, как только ему поступило предложение (инициаторы в каждом случае – разные), уведомляет о нем обе палаты Федерального Собрания РФ, Правительство РФ, при необходимости может провести с ними соответствующие консультации. В обоих случаях итогом является принятие федерального конституционного закона, что свидетельствует о важности данной процедуры, о ее юридической значимости.

Но, если в первом случае, речь идет о принятии в качестве субъекта иностранного государства или его части, то во втором случае образование нового субъекта происходит в результате объединения двух и более субъектов, граничащих между собой.

При принятии нового субъекта в состав РФ обязательно соблюдение таких требований, как заключение международного договора о добровольном территориальном присоединении другого государства либо его части и участие Конституционного Суда РФ, который проверяет на соответствие международный договор Конституции РФ.

При образовании нового субъекта в составе РФ инициатива исходит от самих субъектов с обоснованной аргументацией и планом социально-экономических последствий для конкретных регионов, и в целом для государства. Важным моментом является то, что при образовании нового субъекта в составе РФ проведение референдума на территории заинтересованных субъектов обязательно, следовательно, учитывается мнение населения этих субъектов.

Обратившись к проблемам этих двух способов изменения субъектного состава РФ, можно выделить следующие. Первая проблема заключается в том, что в федеральном законодательстве не говорится о разделении или дроблении субъектов, то есть, с одной стороны, запрещения нет; с другой стороны, в Конституции РФ, в федеральном конституционном законе это не отражено. Субъекты, которые объединились, не смогут в дальнейшем разъединиться или разделиться. С.А. Авакьян отмечает, что образование нового субъекта в составе Российской Федерации может произойти и другими путями, помимо объединения двух и более граничащих между собой субъектов. «Возможны следующие вариации: разделение существующего субъекта на два субъекта Российской Федерации; выделение части территории из имеющегося субъекта и присвоение данной территории статуса нового субъекта Российской Федерации; выделение территорий из двух-трех пограничных субъектов и образование на этой основе нового субъекта Российской Федерации» [4, с. 27]. Но на практике таких случаев не было. Считается, что «объединение субъектов РФ отвечает задачам территориального развития России. Оптимизация субъектного состава перспективна, в комплексе с другими мерами территориального развития» [7, с. 352].

Существуют проблемы и в вопросе принятия нового субъекта в состав РФ. Мы согласны с исследователями, которые обращают внимание на то, что нет четко прописанных сроков процедуры принятия нового субъекта в состав РФ. Нет конкретного срока уведомления Президентом РФ нижней и верхней палат Федерального Собрания РФ и высшего исполнительного органа власти об инициативе со стороны субъектов, поступившей ему. Неизвестен срок, когда нужно дать ответ иностранному государству или его части на предложение, поступившее главе государства. Непонятен период, в течение которого нужно подготовить проекты международного договора и федерального конституционного закона о принятии в состав нового субъекта [5, с.

162]. Еще один спорный момент, который обращает на себя внимание: для принятия нового субъекта в состав РФ учитывается добровольность волеизъявления иностранного государства или его части. Мы согласны с мнением П.А. Шушканова, что «данное положение законодатель подтверждает соблюдение Россией принципов международного права, признания суверенитета и целостности территории иностранных государств» [6, с. 17]. Обращаясь к мнению С.А. Авакьяна, мы находим схожую точку зрения, которая заключается в том, что, «Российская Федерация не может сама выступать инициатором включения в состав иностранных территорий в качестве субъектов» [4, с. 21].

Таким образом, отметим, что существующее законодательство о принятии нового субъекта в состав РФ и образование в его составе нового субъекта несовершенно и требует корректировки и дополнений. Учитывая реалии сегодняшнего времени, необходимо предпринять меры по ликвидации правовых пробелов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. М. : Проспект, 2022.
2. Федеральный конституционный законот 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I). Ст. 4916
3. Авакьян С.А. Размышления конституционалиста. Избранные статьи. М. : Издательство Московского университета. 2010. С. 185–186.
4. Авакьян С.А. Изменение статуса субъекта Российской Федерации: проблемы и пути решения / С.А. Авакьян // Вестник МГУ. Серия Право. 2003. № 2. С. 18–37.
5. Асяева М.В. Процедура принятия в состав РФ новых субъектов: правовые проблемы. Международный научный журнал «Символ наук». 2015. № 5. С. 162–165.
6. Шушканов П.А. Проблемы законодательного регулирования изменения субъектного состава Российской Федерации : автореф. дис. ... на соиск. ученой степени канд. юрид. наук. Российский университет дружбы народов. М, 2009. 23 с. URL : https://new-disser.ru/_avto referats/01004258003.pdf (дата обращения 10.01.2023).
7. Югов А.А. О субъектном составе Российского федеративного государства: вариант системного подхода / А.А. Югов // Молодой ученый. 2018. № 20(206). С. 352–358.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation. M. : Prospect, 2022.
2. Federal Constitutional Law № 6-FKZ of December 17, 2001 «On the procedure for Admission to the Russian Federation and the Formation of a new Subject of the Russian Federation in its composition» // Collection of Legislation of the Russian Federation № 52 of December 24, 2001 (Part I) Art. 4916.
3. Avakyan S.A. Reflections of a constitutionalist. Selected articles. M. : Moscow University Publishing House. 2010. P. 185–186.
4. Avakyan S.A. Changing the status of a subject of the Russian Federation: problems and solutions. / S.A. Avakyan // Bulletin of the Moscow State University. The series is right. 2003. № 2. P. 18–37.
5. Aseeva M.V. The procedure for the admission of new subjects to the Russian Federation: legal problems. International scientific journal «Symbol of Sciences». 2015. № 5. P. 162–165.
6. Shushkanov P.A. Problems of legislative regulation of changes in the subject composition of the Russian Federation : abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal sciences. Peoples' Friendship University of Russia. M, 2009. 23 с. URL : https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004258003.pdf (date of the application 10.01.2023).
7. Yugov A.A. On the subject composition of the Russian Federal state: a variant of a systematic approach / A.A. Yugov. 2018. № 20(206). P. 352–358.

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТАКТИКИ «ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ» ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЦЕЛЬЮ ДАННОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

THE CONDITIONALITY OF THE TACTICS «VERIFICATION OF TESTIMONY ON THE SPOT» BY THE PROCEDURAL GOAL OF THIS INVESTIGATIVE ACTION

Прошин Владимир Михайлович

доктор юридических наук,
профессор,
кафедра уголовного процесса и
криминалистики,
Московский государственный
областной университет,
адвокат
advokat.proshin.v.m@gmail.com

Vladimir M. Proshin

Doctor of Law,
Professor,
Department of Criminal Procedure
and Forensic Science,
Moscow State Regional University,
Counsel
advokat.proshin.v.m@gmail.com

Аннотация. Следственное действие «Проверка показаний на месте» имеет обширный перечень целей с точки зрения криминалистического поиска и исследования, возможность достижения которых подтверждает правоприменительная практика. Правовой смысл, вытекающий из анализа части 1 статьи 194 УПК РФ, даёт основание утверждать, что установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в ходе проверки или уточнения показаний на месте, является единственной процессуальной целью данного следственного действия. То есть, доказательный эффект данного следственного действия может быть достигнута только за счёт получения по его итогам сведений о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, которые формируют предмет доказывания путём подтверждения или опровержения проверяемого доказательства благодаря установлению новых обстоятельств события преступления.

Ключевые слова:

доказательства, процесс доказывания, уголовное преступление, событие преступления, проверка и оценка доказательств, место происшествия, источник доказательств, следователь, судья, судебная ошибка, проверка доказательств, оценка доказательств, уголовное преследование, обстоятельства события преступления, фактические данные, следственное действие.

Annotation. The investigative action «Checking testimony on the spot» has an extensive list of goals in terms of forensic search and research, the possibility of achieving which is confirmed by law enforcement practice. The legal meaning arising from the analysis of Part 1 of Article 194 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation gives reason to assert that the establishment of new circumstances relevant to the criminal case, during the verification or clarification of testimony on the spot, is the only procedural goal of this investigative action. That is, the evidentiary effect of this investigative action can be achieved only by obtaining, as a result of its results, information about new circumstances that are relevant to the criminal case, which form the subject of proof by confirming or refuting the evidence being checked due to the establishment of new circumstances of the crime event.

Keywords: Evidence, the process of proof, criminal offense, crime event, verification and evaluation of evidence, scene of the incident, source of evidence, investigator, judge, miscarriage of justice, verification of evidence, evaluation of evidence, criminal prosecution, circumstances of the crime event, factual data, investigative action.

Вопросам тактики и целям следственного действия «Проверка показаний на месте» уделяли внимание такие учёные-криминалисты, как В.Д. Зеленский, И.Е. Быковский, Н.А. Корниенко и др. [1; 2] По мнению большинства учёных-криминалистов, и, в частности А.М. Кустова, целями проверки показаний на месте являются: формирование убежденности следователя (дознавателя) или судьи о подлинной осведомленности лица, показания которого проверяются; проверка или уточнение ранее полученных и установленных фактических данных; установление места происшествия; выявление или обнаружение новых источников получения доказательств; выяснение и устранение причин противоречий, появившихся в показаниях допрошенных лиц; разоблачение лживых или подтверждение правдивых показаний; установление причин и условий, способствовавших совершению преступления [3].

То есть, в выше приведённой позиции автора вполне оправданно отражена вся палитра назначений данного следственного действия с точки зрения криминалистического поиска и исследования, возможность достижения которых подтвердила правоприменительная практика, но ничего не говорится об установлении новых обстоятельств в контексте процессуального доказывания, гипотетическая вероятность установления которых логически вытекает из приведённого положения профессора А.М. Кустова.

Тем не менее, в соответствии с ч. 1 ст. 194 УПК РФ, ранее данные показания подозреваемого или обвиняемого, а также потерпевшего или свидетеля могут быть проверены или уточнены на месте, связанном с исследуемым событием, в целях установления новых обстоятельств. То есть, содержание нормы части 1 статьи 194 УПК РФ и вытекающий из неё правовой смысл дают основание утверждать, что установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в ходе проверки или уточнения показаний на месте исследуемого события, является единственной процессуальной целью данного следственного действия [4].

Процесс доказывания, согласно ст. 85 УПК РФ, состоит в собирании, проверке и оценке доказательств, а значит – сбор, проверку и оценку доказательств оправдано считать этапами единого процесса установления подлежащих доказыванию (ч. 1 ст. 73 УПК РФ) обстоятельств, применительно к каждому в отдельности и ко всем в совокупности. Казалось бы, само процессуальное обозначение следственного действия, как «проверка показаний на месте», указывает на действия следователя по проверке ранее данных показаний определёнными участниками уголовного судопроизводства в рамках проверочного этапа доказательного процесса, а значит, осуществляется проверка качества сведений об обстоятельствах события преступления, уже имеющих в распоряжении следователя.

Но, тем не менее, содержание части 1 статьи 194 УПК РФ даёт однозначное понимание итога проверки показаний на месте: установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Следовательно, в результате проверки показаний на месте, в распоряжение следователя должны поступить сведения о новых обстоятельствах события преступления, что свидетельствует о необходимости совмещения в рамках данного следственного действия, как этапа сбора доказательств, так и их проверки.

Необходимость обеспечения эффективности и результативности правоприменительной практики исключает возможность ссылаться на неудачность словесной формы изложения норм права. Правоприменитель, с учётом своих знаний и опыта, опираясь на обобщения следственной и судебной практики, должен задать толкование правовой нормы, подлежащей применению, в соответствии с заложенным в неё правовым смыслом, обеспечивающим достижение назначения уголовного судопроизводства в системе норм, регулирующих соответствующие отношения. Поэтому, с нашей точки зрения, тактика данного следственного действия должна быть нацелена на достижение буквальной цели, установленной процессуальной нормой, а значит – на необходимость установления в конечном итоге новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. То есть, следователь, обладающий определёнными знаниями о преступлении на стадии подготовки к проверке показаний на месте, должен получить по итогам следственного действия в свое распоряжение сведения о новых обстоятельствах события преступления, и эти сведения о новых обстоятельствах события преступления должны вписываться в доказательный процесс причинно-следственной логической связью с проверяемыми показаниями в качестве подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Следовательно, в ходе данного следственного действия все стадии (этапы) доказательного процесса по сбору, проверке и оценке доказательств находят своё проявление, так как происходит трансформация оценочного суждения следователя (оценка) о подтверждении или опровержении (проверка) ранее данных показаний подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем на основе полученных сведений (сбор) о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела.

В ходе проверки показаний на месте, сопоставляя показания допрошенного с объективной обстановкой на месте происшествия или на ином месте, следователь для достижения процессуальной цели установления новых обстоятельств должен стремиться получить качественно новые сведения об обстоятельствах, имеющие значение для уголовного дела. Криминалистический аспект выбора тактики следственного действия «проверка показаний на месте», в своей основе, должен подчиняться процессуальным правилам проверки доказательств, установленных статьёй 87 УПК РФ, а значит, в ходе данного следственного действия, проверка ранее данных показаний с учётом цели установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, как установленной частью 1 статьи 194 УПК РФ цели данного следственного действия, должна быть ориентирована на получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. В итоге, опираясь на ст. 87 и ч. 1 ст. 194 УПК РФ в их системном толковании применительно к цели осуществления следственного действия «проверка показаний на месте», следует, что «получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство», является конечным положительным процессуальным результатом в отношении проверяемых показаний, наделяющих знанием о степени достоверности ранее данных показаний на основании полученных сведений о новых обстоятельствах события преступления, входящих в предмет доказывания. То есть, доказательство, полученное в ходе проверки показаний на месте (ст. 194 УПК РФ), может быть исключительно в виде сведений о новых обстоятельствах расследуемого события, которые, формируя предмет доказывания путём подтверждения или опровержения проверяемого доказательства, проявляют своё доказательное значение для уголовного дела, в том числе, путём:

- проверки или уточнения ранее полученных и установленных фактических данных;
- установления места происшествия; выявления или обнаружения новых источников получения доказательств;
- выяснения и устранения причин противоречий, появившихся в показаниях допрошенных лиц;
- разоблачения лживых или подтверждения правдивых показаний.

Поэтому стороны обвинения и защиты, а также – суд в своём решении, мотивируя оценочные выводы, как в ходе предварительного следствия, так и по результату уголовного судопроизводства, в целом, вправе опираться на сведения, полученные при проверке показаний на месте, только, если это – сведения о новых обстоятельствах, по сравнению с ранее данными показаниями, имеют качество доказательств, опровергающих или подтверждающих проверяемые показания.

Литература:

1. Зеленский В.Д. Криминалистика. 2015. Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина.
2. Быковский И.Е. Проверка показаний на месте : учеб. пособие / И.Е. Быковский, Н.А. Корниенко. Ленинград, 1988.
3. Кустов А.М. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. – начало XXI в.) : монография / А.М. Кустов, В.О. Лапин. М., 2021. С. 491.
4. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в редакции от 24.04.2020).

Literature:

1. Zelensky V.D. Criminalistics. 2015. Kuban State Agrarian University. I.T. Trubilin.
2. Bykovsky I.E. On-site verification : tutorial / I.E. Bykovsky, N.A. Kornienko. Leningrad, 1988.
3. Kustov A.M. Modern forensic practice and science (late 20th century – early 21st century) : monograph / A.M. Kustov, V.O. Lapin. M., 2021. P. 491.
4. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ (as amended on April 24, 2020).

НЕДОПУСТИМОСТЬ НАРУШЕНИЯ ПРИНЦИПА ВЗАИМНОСТИ КАК ВИД ОТРИЦАНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРАВЕ

INADMISSIBILITY OF VIOLATING THE PRINCIPLE OF RECIPROCITY AS A TYPE OF DENIAL OF BAD FAITH CONDUCT IN THE LAW

Седова Жанна Игоревна

кандидат юридических наук,
кафедра международного права,
специальность,
Российский государственный
университет юстиции
Zhanna.sedova@el5-energo.ru

Zhanna I. Sedova

Candidate of Legal Science,
Department of International Law,
Specialty,
Russian State University of Justice
Zhanna.sedova@el5-energo.ru

Аннотация. Принцип взаимности существует во взаимосвязи одновременно с двумя принципами справедливости и добросовестности, которые являются «сторонами одной медали» и соотносятся друг с другом как количественная и качественная характеристики. В юридической науке взаимность классифицируют как: (1) материальную и формальную; (2) полную и частичную; (3) позитивную и негативную. Взаимность не только помогает международному сотрудничеству при исполнении запросов иностранных государственных органов и признании иностранных судебных актов, но и является основой введения односторонних контрмер ограничительного характера в условиях действующих санкционных режимов. Взаимность применяется в качестве правового инструмента, как международной вежливости, так и реторсий, репрессалий в ответ на недобросовестное поведение иностранных государств. Действие принципа добросовестности заключается в том числе в применении правовых средств, защищающих от недобросовестности отношения по вопросам взаимности. Самостоятельным видом отрицания недобросовестного поведения является недопустимость нарушения принципа взаимности.

Ключевые слова:

принцип добросовестности, принцип взаимности, отрицание недобросовестного поведения.

Annotation.

The principle of reciprocity exists in conjunction with the two principles of fairness and good faith, which are «sides of the same coin» and relate to each other as a quantitative and qualitative characteristics. In legal science reciprocity is classified as: (1) substantive and formal; (2) full and partial; (3) positive and negative. Reciprocity not only assists international cooperation in the execution of requests from foreign government agencies and the recognition of foreign judicial acts, but is also the basis for the introduction of unilateral countermeasures of a restrictive nature under the current sanctions regimes. Reciprocity is used as a legal instrument of both: international comity and retorsion, retaliation, – in response to bad faith behavior of foreign states. The effect of the principle of good faith consists also in the application of legal means protecting reciprocity relations from bad faith. An independent type of negation of bad faith behavior is the inadmissibility of violation of the principle of reciprocity.

Keywords:

principle of good faith, principle of reciprocity, denial of bad faith conduct.

Взаимность в межгосударственных отношениях обусловлена международной вежливостью, проистекающей из обыкновения, и общепризнанным принципом равенства и сотрудничества государств, а ее частнопроводным проявлением является «взаимное применение норм иностранного права и признания иностранных судебных актов» [7, с. 128]. При этом

принцип взаимного сотрудничества государств «обеспечивает эффективное применение норм международного частного права – защиту прав и интересов субъектов международного частного права» [7, с. 128], особенно тех, которые находятся за пределами своих юрисдикций.

Требование взаимности – относиться к чужому правопорядку с уважением – должно выражаться в признании государствами законов и решений судов друг друга на основании принципов справедливости и добросовестности. Отрицание недобросовестного поведения как метод правового регулирования, защищающий принципы справедливости и добросовестности, запрещает нарушение взаимности.

Принцип добросовестности существует во взаимосвязи с принципом справедливости, как две стороны «одной медали», олицетворяя один из основных законов диалектики – закон перехода количественных изменений в качественные, где:

1) справедливость – количественная характеристика, представляющая собой меру свободы каждого в пользовании своими правами;

2) добросовестность – качественная характеристика, отвечающая на вопрос, насколько добросовестно лицо пользуется своими правами. Принципы справедливости и добросовестности являются общими принципами права, обладающими императивностью и формирующими публичный порядок государств, а также общепризнанными принципами права, обладающими сверхимперативностью, что означает регулирование общественных отношений данными принципами даже в отсутствие четких норм позитивного права в тех областях, где возникают новые виды недобросовестного поведения.

Одним из требований принципов справедливости и добросовестности является соблюдение взаимности. Однако применение взаимности в частноправовых отношениях является на практике сложным и иногда не исполнимым процессом. В России отсутствует источник получения обобщенной информации о том, как исполняются за границей (каждым из иностранных государств), вынесенные на территории РФ решения государственных и третейских судов, а также информации о том, как часто в России отменяются иностранные судебные и арбитражные решения и по каким основаниям. Например, без обладания такой информацией российским судам невозможно применить принцип взаимности для целей отказа в исполнении иностранных судебных и арбитражных решений в РФ на базе принципа взаимности.

Согласно превалирующему подходу, особенность взаимности заключается в том, что ее применение является обязанностью только в том случае, когда действия на началах взаимности предусмотрены национальным законом. Во всех остальных случаях взаимность применяется государственными органами по усмотрению и по мере необходимости в зависимости от встречной степени недобросовестности и ее опасности для публичного порядка (как национального, так и международного). Применение взаимности:

1) как ограничения юрисдикционных иммунитетов конкретного иностранного государства или

2) как отказа от применения определенного иностранного права, – обусловлено доказательством факта ее отсутствия по отношению к признанию аналогичных иммунитетов Российской Федерации данным государством или доказательством систематического неприменения права РФ в конкретном иностранном государстве соответственно.

Применение судом принципа взаимности для целей ограничения юрисдикционного иммунитета иностранного государства является легальным правовым инструментарием и ответной мерой за аналогичные действия в отношении России [8].

Стандарт принципа взаимности наиболее ясно сформулирован в статье 2 Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18.05.1973, которая вступила в силу для России 04.07.2011. В этом стандарте указано, что получивший запрос на проведение проверки компетентный орган одного государства не обязан исполнять такой запрос, если компетентный орган запрашивающего второго государства был бы неспособен оказать подобное содействие, в случае если бы эти государства поменялись местами. При этом приведенная формулировка указывает на то, что государство не обязано исполнять, но при желании может и исполнить такой запрос. Не случайно, Г.М. Вельяминов делает вывод о том, что принцип взаимности не входит в состав когентных принципов международного права, так как «слишком много на практике наблюдается международных отношений, которые не отвечают взаимности... Никому вообще не возбраняется предоставлять другому льготы и т.п. в одностороннем порядке» [3, с. 110] или самому формировать по определенному вопросу положительную практику для будущего запроса о встречном применении аналогичной практики на базе взаимности.

Например, статьей 12 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских

клеточных продуктах» в России признаются результаты клинических исследований биомедицинских клеточных продуктов, проведенных за пределами РФ на основе принципа взаимности в случае отсутствия международного договора РФ по данному вопросу. Такое признание позволяет на основании принципа взаимности при отсутствии соответствующего международного договора запрашивать у любого иностранного государства, чьи исследования были признаны на территории РФ, взаимного признания российских исследований в данной области.

Однако следует обратить внимание на то, что применение позитивной взаимности (то есть, исполнение Российской Федерацией запросов иностранного государства даже в тех, случаях, когда отсутствует взаимность по отношению к аналогичным российским запросам) не вызывает дискуссионных вопросов, тогда как негативная взаимность (неисполнение запросов на основании взаимности или отказ от применения иностранного права) может привести к невыполнению государством своих международно-правовых обязательств посредством ограничения действия принципа взаимности в национальных нормах, что не допустимо, поскольку «принцип взаимного сотрудничества государств (взаимность) по защите частных прав находит в настоящее время закрепление в международно-правовых обычных нормах» [7, с. 131].

Интерес представляет точка зрения Т.Н. Нешатаевой, по поводу того, что можно ставить вопрос о неприменении принципа взаимности по отношению к конкретному государству в случае предоставления доказательств об отсутствии взаимности [7, с. 129]. Данная точка зрения рассматривает позитивную взаимность. Однако отказ судом от применения иностранного права на основании статьи 1189 «Взаимность» ГК РФ – это тоже применение взаимности, только негативной.

Взаимность в зависимости от отражаемого ею, как зеркалом, поведения имеет две стороны своего проявления:

- 1) правовой помощи, выражения политики сотрудничества или
- 2) ответных реторсий, отказ в признании государством на своей территории иностранных решений.

В связи с этим, В.В. Литвинский выделяет позитивную взаимность и негативную взаимность [4, с. 123]. Гносеологические корни взаимности берут начало из библейского «золотого правила» морали: «поступать с другими так, как хочешь, чтоб поступали другие с тобой». В Нагорной проповеди Иисуса Христа, описанной в главе 7 Евангелие от Матфея указано: «И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» [6]. В юридической литературе, как отмечает А.А. Нестерова, «принцип взаимности обычно соотносят с такими понятиями, как «императивные нормы, обладающие наивысшей юридической силой» («*jus cogens*») или «императивные нормы» («*peremptory norms*»), а также «международная вежливость» («*comitas gentium*») [7].

Принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом (принцип сотрудничества государств) закреплён в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Российская Федерация дополнительно выражает в национальном праве приверженность принципу межгосударственного сотрудничества. В частности, согласно пункту 26 «Верховенство права в международных отношениях» Указа Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» Россия выступает за верховенство права в международных отношениях при соблюдении баланса интересов и заявляет о намерении «противодействовать попыткам отдельных государств или групп государств подвергать ревизии общепризнанные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, от 24 октября 1970 г.».

Принцип взаимности Л.П. Ануфриева называет одним из основных в регулировании межгосударственных экономических отношений и подчеркивает его важную роль в международном частном праве в случае закрепления государствами в международных договорах юридических обязательств следовать характеру взаимности во всех своих действиях, реализуемых по вопросам сотрудничества в частно-правовых сферах [1, с. 113].

Принцип взаимности, как отмечает С.В. Николюкин, используется в международном частном праве:

- «1) в коллизионном регулировании;

2) в материально-правовой регламентации частных отношений с иностранным элементом;

3) в международном гражданском процессе» [8].

В правовой науке взаимность классифицируют следующим образом:

– по объему предоставляемого иностранным физическим и юридическим лицам правомочий, прав и обязанностей в стране пребывания взаимность подразделяется на: **материальную** (когда иностранным лицам страна пребывания предоставляет те же правомочия, какие их государство предоставляет лицам страны пребывания) и **формальную** (безусловное уравнивание гражданско-правового статуса иностранных и местных лиц страны пребывания) [5];

– по критерию исполнимости иностранных судебных решений взаимность подразделяется на: **полную** (исполнимость всех иностранных судебных решений) и **частичную** (исполнимость значительной группы иностранных судебных решений) [12];

– по характеру проявления взаимности в ответ на встречное поведение взаимность подразделяется на: **позитивную** (удовлетворение по вопросам сотрудничества) и **негативную** (отказ в сотрудничестве) [4, с. 123].

Научная дискуссия по поводу того, что принцип взаимности действует только тогда, когда его действие прямо закреплено нормой международного договора или во внутреннем праве государства, должна разрешиться в пользу его презумпции не зависимо от материально-правового закрепления в писаных источниках права. Отказ признавать принцип взаимности по мотиву отсутствия его упоминания в специальном законе Российской Федерации, по мнению Т.Н. Нешатаевой, противоречит:

а) конституционной норме;

б) общепризнанным нормам международного права, – и, «более того, такой отказ может повлечь возбуждение процесса в международном суде по мотиву необоснованного отказа от сотрудничества, повлекшего нарушение прав человека» [8].

Принцип взаимности в частных правоотношениях является одной из основ обеспечения защиты прав и интересов частных лиц, а отказ от него приведет к нарушению общих принципов современного международно-правового сотрудничества.

Российский нормотворец не оставляет попытки развить принцип взаимности в национальном праве. В рамках исследования вопросов признания и исполнения решений международных инвестиционных арбитражей А.И. Бессонова выявила недостатки законопроекта № 607554 о внесении изменений в Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», который до 21.04.2017 находился на рассмотрении в Государственной Думе РФ и был справедливо отклонен. Недостаток заключался в том, что норма законопроекта позволяла российским судам накладывать арест на имущество иностранного государства при вынесении судом этого иностранного государства «неправосудного решения», исполненного в отношении имущества российских граждан за рубежом. Такое закрепление взаимности противоречило бы принципу государственного суверенитета, как отмечает А.И. Бессонова, так как «государство вправе не признавать на своей территории решения иностранных государств, но признавать их «неправосудными» и на этом только основании арестовывать имущество иностранного государства недопустимо, тем более, когда дело касается имущественных споров между участниками экономического оборота» [2]. Следует обратить внимание на то, что в статье 1189 «Взаимность» ГК РФ указано, что в России подлежит применению иностранное право независимо от того, применяется ли в иностранном государстве к аналогичным отношениям российское право. Исключение из этого правила составляют случаи, когда применение иностранного права зависит от взаимности в силу предписания российского закона. При этом наличие взаимности презюмируется до тех пор, пока не доказано иное.

Следует отметить, что введение государствами односторонних мер ограничительного характера в отношении физических и юридических лиц друг друга, включение этих лиц в так называемые «санкционные списки» [11], тоже основано на принципе взаимности в части ответного введения аналогичных мер (контрмер). Принцип взаимности может проявляться в форме реторсий и репрессалий.

Определяющим значением отрицания недобросовестного поведения в праве является то, что оно представляет собой метод правового регулирования, выраженный в применении участниками правоотношений и судами способов правового регулирования (запретов, обязываний и дозволений, основанных на принципе добросовестности) и соответствующих им правовых

средств. С позиций общей теории права отрицание представляет собой смешанный метод правового регулирования. Смешанный метод обусловлен тем, что добросовестность является общим принципом права, нормой общего международного права (*jus cogens*), сверхимперативной нормой международного частного права, межотраслевым принципом национального права, обладающими наивысшей юридической силой при регулировании как межгосударственных отношений, так и отношений в сфере международного частного права и национального права. Точечное и адресное применение принципа добросовестности осуществляется через применение правовых средств, выработанных правом для защиты от недобросовестности конкретных видов отношений, в том числе возникающих по вопросам применения взаимности: взаимного применения иностранного права; взаимного признания и применения иммунитетов государств; взаимного исполнения запросов иностранных государственных органов; взаимного признания иностранных судебных решений и актов. Таким образом, самостоятельным видом отрицания недобросовестного поведения является недопустимость нарушения принципа взаимности.

Литература:

1. Ануфриева Л.П. Международное частное право : в 3-х т. Т. 1. Общая часть : учебник. М. : БЕК, 2002.
2. Бессонова А.И. Признание и исполнение решений международных инвестиционных арбитражей. М. : Статут, 2020. 224 с.
3. Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс) : учебник. М., 2004.
4. Литвинский Д.В. Вопросы признания и исполнения решений судов иностранных государств (на анализе права Франции и России) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2003.
5. Международное частное право : учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина [и др.]; Отв. ред. Н.И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 848 с.
6. Нагорная проповедь Иисуса Христа, описанная в главе 7 Евангелие от Матфея (гл. 7 с. 12). // Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой (золотое правило морали). URL : <https://dslov.ru/pos/p238.htm>
7. Нестерова А.В. Принцип взаимности в международном сотрудничестве по делам об административных правонарушениях / А.В. Нестерова // Административное право и практика администрирования. 2021. № 1. С. 48–58.
8. Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права / Т.Н. Нешатаева // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 3(136). С. 124–140.
9. Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М. : Городец, 2007. – 320 с.
10. Николукин С.В. Взаимность в международном частном праве / С.В. Николукин // Новый юридический журнал. 2012. № 2. С. 87–98.
11. Седова Ж.И. Государственные односторонние меры ограничительного характера и правовые механизмы защиты бизнеса от негативного влияния иностранных ограничительных мер / Ж.И. Седова // Российский ежегодник международного права. СПб. : Российская ассоциация международного права. Изд-во ООО «Контраст», 2019. С. 164–184.
12. Ярков В.В. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Волтерс Клувер, 2004. 736 с.

Literature:

1. Anufrieva L.P. Private International Law : in 3 vols. Vol. 1. General part : textbook. M. : BEK, 2002.
2. Bessonova A.I. Recognition and Execution of Decisions of International Investment Arbitrations. M. : Statut, 2020. 224 p.
3. Veliaminov G.M. International Economic Law and Process (Academic course) : textbook. M., 2004.
4. Litvinskiy D.V. Issues of Recognition and Execution of Decisions of Courts of Foreign States (On the Analysis of Law of France and Russia) : dis. ... cand. of jurisprudence. SPb. : Saint-Petersburg State University, 2003.

5. Private International Law : textbook / V.N. Borisov, N.V. Vlasova, N.G. Doronina [et al.]; Responsible editor N.I. Marysheva. 4-th edition, revised and supplemented. M. : IZiSP, Kontrakt, 2018. 848 p.
6. The Sermon on the Mount by Jesus Christ as recorded in Matthew Chapter 7 (ch. 7 p. 12) // Do unto others as you would have them do unto you (The Golden Rule of Morality). URL : <https://dslov.ru/pos/p238.htm>
7. Nesterova A.V. Principle of Reciprocity in International Cooperation on Cases of Administrative Offenses / A.V. Nesterova // Administrative Law and Practice of Administration. 2021. № 1. P. 48–58.
8. Neshataeva T.N. Court and the Universally Recognized Principles and Norms of International Law / T.N. Neshataeva // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2004. № 3 (136). P. 124–140.
9. Neshataeva T.N. Lessons of Court Practice on Human Rights: European and Russian Experience. M. : Gorodets, 2007. 320 p.
10. Nikolyukin S.V. Mutuality in International Private Law / S.V. Nikolyukin // New Law Journal. 2012. № 2. P. 87–98.
11. Sedova J.I. State Unilateral Restrictive Measures and Legal Mechanisms of Protection of Business from the Negative Impact of Foreign Restrictive Measures / J.I. Sedova // Russian Yearbook of International Law. SPb. : Russian Association of International Law. Published by LLC «Contrast», 2019. P. 164–184.
12. Yarkov V.V. Commentary to the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (article-by-article). M. : Wolters Kluwer, 2004. 736 p.

АНАЛИЗ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ТОЛКОВАНИЙ НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

ANALYSIS OF DOCTRINAL INTERPRETATIONS OF VIOLENCE IN CRIMINAL LAW

Ткачева Юлия Сергеевна
преподаватель кафедры
социально-правовых
и гуманитарных дисциплин,
Краснодарский кооперативный институт
Российского университета кооперации
Milena.555@mail.ru

Yulia S. Tkacheva
Lecturer Department of Social,
Legal and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar Cooperative Institute
Russian University of Cooperation
Milena.555@mail.ru

Аннотация. В статье приводится анализ доктринальных толкований насилия в уголовном праве РФ. Отграничивая насилие, как конститутивный признак от насилия, как квалифицирующего признака преступления, отмечено, что сущность насилия в обоих случаях не меняется и имеет значение при конструировании составов насильственных преступлений и их квалификации в следственно-судебной практике.

Ключевые слова: уголовное право, насилие, уголовно-правовая категория, квалифицирующий признак преступления, состав преступления.

Annotation. The article provides an analysis of doctrinal interpretations of violence in the criminal law of the Russian Federation. Distinguishing violence as a constitutive sign from violence as a qualifying sign of a crime, it is noted that the essence of violence in both cases does not change and is important in the construction of violent crimes and their qualification in investigative and judicial practice.

Keywords: criminal law, violence, criminal law category, qualifying attribute of a crime, corpus delicti

Прежде чем повести анализ доктринальных толкований насилия, необходимо отметить, в уголовном праве насилие выступает в двух значениях:

– во-первых, насилие выступает как конститутивный признак преступления, когда само насильственное действие является окончательным преступным деянием (убийство, причинение вреда здоровью и др.);

– во-вторых, насилие выступает как квалифицирующий признак преступления (грабеж, вымогательство и др.).

На это обстоятельство уже давно обращается внимание в литературе. Отметим, что сама сущность насилия в обоих отмеченных случаях не меняется и имеет значение при конструировании составов насильственных преступлений и их квалификации в следственно-судебной практике.

Много внимания исследованию насиллию как уголовно-правовой категории уделяет профессор Л.Д. Гаухман, который определяет насилие как «общественно опасное, противоправное воздействие на организм человека, совершенное против его воли» [1]. Как нам представляется, здесь неоднозначной является такая характеристика насилия, как общественная опасность; во всяком случае, эта характеристика (общественная опасность), на наш взгляд, должна увязываться с позицией о том, является ли насилие само по себе деянием или способом совершения деяния – во втором случае вряд ли правильно говорить об общественной опасности насилия в юридическом смысле, поскольку, например, угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, которая может быть квалифицирующим признаком грабежа (п. «г»

ч. 2 ст. 161 УК РФ), сама по себе как вид психического насилия, не представляет общественной опасности (согласно ст. 119 УК РФ общественно опасной является угроза причинения только тяжкого вреда здоровью, и, разумеется, угроза убийством).

П.Г. Пономарев и А.Н. Ильяшенко полагают, что насильственным преступлением следует считать деяние, «совершаемое путем противоправного непосредственного воздействия на организм, органы и ткани потерпевшего или путем реальной угрозы такого воздействия, оказывающего противодейственное влияние на его психику» [2].

Представляется, однако, что термин «воздействие» в данном случае не имеет достаточной определенности.

По мнению Л.М. Щербаковой, «в правотворческой и в правоприменительной практике необходимо определять понятие «насилие», прежде всего, исходя из социальной обусловленности данного феномена, который подлежит уголовно-правовому обозначению и запрещению в его наиболее острых реально существующих проявлениях... Насилие, в уголовно-правовом аспекте – это умышленное, общественно опасное, противоправное физическое или психическое воздействие на другого человека, совершаемое вопреки или помимо воли последнего, представляющее опасность для общественных отношений, обеспечивающих гарантированное Конституцией РФ право граждан на личную неприкосновенность (в физическом и духовном смысле).

Насилие в криминологии является более широким понятием, охватывающим множество видов поведения, в которых насилие выступает как наиболее угрожающий способ общественно опасного поведения, чаще преступного, но иногда и неурегулированного уголовным законом [3]. Здесь, как нам представляется, понятие «насилие» дается с излишне большим количеством признаков, в результате чего некоторым образом затеняется сущность насилия как уголовно-правовой категории. Так, такая характеристика, как «опасность для общественных отношений» во взаимосвязи с нарушением конституционных прав потерпевшего является ненужной, поскольку любое преступление представляет опасность для общества, что совершенно четко определено в законодательной дефиниции преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Довольно обширное определение уголовно-правовому насилию дает Е.А. Писаревская: «Это – умышленное общественно опасное противоправное физическое или психическое воздействие на другого человека своей силой или путем использования различных предметов, средств, орудий, механизмов, животных, совершаемое вопреки или помимо его воли, способное причинить вред правам и законным интересам человека, общества и государства или причинившее вред данным интересам» [4]. Поскольку в данном случае, дается попытка сформулировать обобщенное понятие насилия (а мы рассматриваем именно такой случай), то указание на физические и психическое насилие в приведенном определении не диктуется необходимостью. Не совсем ясно, далее, что автор подразумевает под «своей силой». Не совсем удачным нам представляется также использование термина «человек», поскольку в данном контексте понятие «человек» представляется слишком широким и, соответственно, выражение «воздействие на человека» также страдает недостаточной определенностью.

Е.В. Безручко указывает на то, что «понятие «насилие» должно увязываться с такими последствиями, как вред здоровью (легкий, средней тяжести, тяжкий) потерпевшего, ограничение его личной свободы, нанесение побоев, причем, речь, в данном случае, идет только о фактически причиненном вреде» [5]. Здесь заслуживает внимания мысль о том, что необходимо обозначать последствия, к которым может привести применение насилия. Вместе с тем, на наш взгляд, нужно иметь в виду, что не всегда насилие при совершении преступления приводит только лишь к причинению вреда здоровью указанных степеней.

Согласно другой точке зрения, выраженной О.Р. Афанасьевой, насилие в уголовном праве России представляет собой «внешнее (со стороны другого человека), умышленное, противоправное воздействие виновного на физическую и психическую природу потерпевшего лица, способное причинить психическую травму, смерть, а также – привести к ограничению его волеизъявления» [6]. Представляется, что в этом определении указание на «физическую и психическую природу» не оправданно, учитывая неопределенность для уголовного права вообще такого термина, тем более что примененная словесная форма дает основание для предположения, что физическая и психическая природа не потерпевшего, а иного лица, неодинакова, в то время как такая природа одна и та же для любого человека.

Следующая позиция, которую мы хотим рассмотреть, связывается с насилием как проявлением физической силы (мышечной силы виновного в совершении преступления) либо насилием, осуществляемым посредством оружия или предметов преступления, отравляющих ве-

ществ и т.д.) во взаимосвязи с нарушением физической неприкосновенности потерпевшего, к которому применяется насилие, а также с угрозами такого насилия.

Так, Л.Л. Кругликов полагает, что «насилие есть физическое воздействие (причинение вреда здоровью, удары, толчки, запирающие и т.п.), а также – угроза применения только физического воздействия» [7]. Этот автор обращает внимание на то, что «угроза физического воздействия выражается в запугивании потерпевшего, причем, только физическим насилием, в связи с чем, например, угроза разглашения сведений, позорящих потерпевшего и причиняющих вред его чести и достоинству, равно как угроза уничтожения имущества не могут расцениваться как насилие» [8].

Это довольно спорное суждение, которое также следует увязывать с тем, чем является насилие – самостоятельным уголовно наказуемым деянием или только лишь способом совершения преступления, или и тем, и другим. В частности, Н.А. Неклюдов полагает, что «под понятие «насилие» следует подводить противозаконные действия, не влекущие за собой смерти, увечий, побоев, расстройства здоровья, то есть, действия, не имеющие признаков других преступлений, поскольку иное означало бы нести дважды ответственность за такие действия ... насилие есть принудительные действия над личностью, которые заставляют потерпевшего переносить то, чего он не желает либо совершить против своей воли что-либо» [9]. Этот ученый определяет насилие как конститутивный признак общественно опасного деяния, самим актом совершения, которого это насилие, собственно, и охватывается.

Однако при таком подходе остается без ответа вопрос: В чем, собственно, объективируется насилие, если все основные его формы уже являются либо самостоятельным преступлением (например, убийство, телесные повреждения и др.), либо признаком состава другого преступления (например, разбой, вымогательство, изнасилование и др.)? И еще вопрос здесь же: Если, например, причинение телесных повреждений (вреда здоровью) не относить к насилию, как это вытекает из указанного подхода, то тогда что относить к насилию? Представляется, что в данном случае имеет место неоправданное усложнение понятия данной категории уголовного права.

По мнению Л.С. Белогриц-Котляровского, «насилие представляет собой преступную деятельность, которая в своем элементарном составе осуществляется как физической силой, так и угрозой ее применения» [10]. По мнению Н.С. Таганцева, «насилие есть средство совершения преступления, при этом насилие может быть как физическим насилием, так и психическим насилием» [11]. Такой подход, если иметь в виду исходную общую позицию, напротив, слишком упрощен. И.Я. Фойницкий пишет о том, что следует выделять следующие признаки насилия:

- во-первых, это противозаконность насилия, поскольку речь идет о преступлении;
- во-вторых, насилие связывается с употреблением силы против личности вопреки ее воле;
- в-третьих, при насилии отсутствует переход в иное преступное деяние, иначе оно наказывалось бы как последнее.

Таким образом, насилие – это не переходящее в иное преступное деяние умышленное противозаконное применение физической силы против личности потерпевшего» [12].

Здесь, по аналогии с комментарием позиции Н.А. Неклюдова, трудно согласиться с тем, что насилие может быть объективировано только в самостоятельном преступлении, за пределами которого насильственные действия (в том же разбое) не могут считаться насилием. Этот же ученый полагает, что насилие следует классифицировать как физическое или психическое, при этом делается уточнение о том, что «насилие должно быть учинено только над лицом, поскольку насилие над вещами, если оно не переходит в посягательство над личностью, данным понятием насилия не обнимается» [13].

Представляет интерес точка зрения В.Д. Набокова, который, комментируя нормы Уложения 1903 г., отмечал, что «признаки насилия, определенные в этом законе, несовершенно, поскольку имеет место тавтология» [14] (в данном случае, имеется в виду, что *насилие*, согласно Уложению, характеризуется действиями *насильственного* характера – авт.), и, соответственно, криминалист полагает, что «насильственное действие следует понимать как умышленное противозаконное применение физической силы к потерпевшему от преступления, причиняющее неприятное физическое ощущение или боль» [15].

Более конкретное содержание в это понятие вкладывал Ф.Лист, по мнению которого, «насилие следует связывать с применением **значительной силы** для преодоления значительного сопротивления» [16]. И далее следует важная оговорка: «безразлично, пришлось ли преодолевать сопротивление человеческого тела, или какого-либо предмета ... насилие **всегда** бывает *противоправным* воздействием на материю и/или на волю потерпевшего» [17].

Как нам представляется, в этих рассуждениях затронут важный элемент для понимания насилия как уголовно-правовой категории, а именно, речь идет о применении «значительной силы». Тем самым, именно это ученый впервые обозначил вопрос о грани, которая отграничивает насилие от ненасилия при внешне схожих насильственных действиях. Например, человека (потерпевшего) можно толкнуть руками с разными последствиями – так, что он может упасть и получить тяжелую травму; упасть без последствий; не упасть совсем; не ощутить вообще никаких болевых ощущений, если толчок будет легким, на уровне прикосновения. Но во всех случаях внешне будет иметь место сходное движение рук лица, осуществившего такой толчок. В каком случае имеет место насилие, имеющее значение для уголовного права, а в каком случае нет оснований говорить об уголовно-правовых отношениях? Ф. Лист предлагает формулу – «значительная сила».

Конечно, это – оценочное понятие, но оно должно быть, так как указанная грань обязательно должна быть обозначена (по аналогии с институтом малозначительности, предусмотренной в ч. 2 ст. 14 УК РФ, позволяющим отграничить общественно опасное деяние от общественно неопасного деяния). Отметим, что мы не можем одновременно согласиться с данным подходом в части того, что насилие следует связывать с «преодолением значительного сопротивления», поскольку при насилии не всегда потерпевшими оказывается сопротивление, и преступник, применяя насилие, может не встретить никакого сопротивления (например, если потерпевший болен, является несовершеннолетним, пожилым человеком, находится в шоке и т.д.).

Литература:

1. Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. С. 6.
2. Пономарев П. Проблемы совершенствования норм Общей части УК, влияющих на ответственность за насилие в семье / П. Пономарев, А. Ильяшенко // Уголовное право. 2003. № 3. С. 48.
3. Щербаклова Л.М. Женская насильственная преступность в современной России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 19.
4. Писаревская Е.А. Насильственная преступность несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 12.
5. Безручко Е. Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России / Е. Безручко // Уголовное право. 2014. № 5. С. 24–26.
6. Афанасьева О. Понятие и содержание криминального насилия / О. Афанасьева // Уголовное право. 2014. № 5. С. 13–15.
7. Уголовное право России. Общая часть / Отв. редактор профессор Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 84.
8. Уголовное право России. Общая часть / Отв. редактор профессор Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 84.
9. Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. СПб., 1876. Т. 1. С. 123–124.
10. Белогриц-Котляровский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенные части. К., 1903. С. 376–377.
11. Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. С. 187.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. СПб., 1912. С. 87.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. СПб., 1912. С. 87–88.
14. Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. СПб., 1903. С. 25.
15. Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. СПб., 1903. С. 25.
16. Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. М., 1905. С. 27.
17. Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. М., 1905. С. 28.

Literature:

1. Gaukhman L.D. Struggle against violent encroachments. M., 1969. P. 6.
2. Ponomarev P. Problems of improving the norms of the General part of the Criminal Code affecting responsibility for domestic violence / P. Ponomarev, A. Ilyashenko // Criminal Law. 2003. № 3. P. 48.
3. Shcherbakova L.M. Female violent crime in modern Russia : dis. ... dr. jurid. sciences. M., 2008. P.

- 19.
4. Pisarevskaya E.A. Violent crime of minors : dis. ... cand. jurid. sciences'. Tomsk, 2006. P. 12.
  5. Bezruchko E. The use of the term «violence» in the criminal legislation of Russia / E. Bezruchko // Criminal law. 2014. № 5. P. 24–26.
  6. Afanasyeva O. The concept and content of criminal violence / O. Afanasyeva // Criminal law. 2014. № 5. P. 13–15.
  7. Criminal law of Russia. General part / Editor-in-chief Professor L.L. Kruglikov. M., 1999. P. 84.
  8. Criminal law of Russia. General part / Editor-in-chief Professor L.L. Kruglikov. M., 1999. P. 84.
  9. Neklyudov N.A. Guide to the special part of Russian criminal law. SPb., 1876. Vol. 1. P. 123–124.
  10. Belogrits-Kotlyarovskiy L.S. Textbook of Russian criminal law. General and Special parts. K., 1903. P. 376–377.
  11. Tagantsev N.S. Criminal Code of March 22, 1903. SPb., 1904. P. 187.
  12. Foynitskiy I.Ya. Course of criminal law. The part is special. SPb., 1912. P. 87.
  13. Foynitskiy I.Ya. Course of criminal law. The part is special. SPb., 1912. P. 87–88.
  14. Russian Criminal Law. SPb., 1903. P. 25.
  15. Nabokov V.D. Elementary textbook of the special part of Russian criminal law. SPb., 1903. P. 25.
  16. List F. Textbook of criminal law. Special part. M., 1905. P. 27.
  17. List F. Textbook of criminal law. Special part. M., 1905. P. 28.

**ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ УСТАВЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 1971, 1984
И 2012 ГОДОВ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ**

**DISCIPLINARY REGULATIONS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES
OF 1971, 1984 AND 2012: CONTINUITY AND FEATURES**

Уповор Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

Ivan V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
uporov@list.ru

Гришай Елена Владимировна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
ev-grishay@mail.ru

Elena V. Grishay

Doctor of Philosophy Sciences,
Professor,
Professor of the Department
Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ev-grishay@mail.ru

Стригуненко Юлия Владимировна

кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
rosy27@mail.ru

Yulia V. Strigunenko

Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
rosy27@mail.ru

Аннотация. В статье представлен краткий анализ дисциплинарных уставов органов внутренних дел, принятых в СССР в периоды начала и окончания периода «застоя», а также в постсоветской России. Отмечаются, что в своей основе они имеют сходное содержание. Вместе с тем, в уставах находили отражение изменения в общественно-политическом развитии нашей страны, учитывалось издание иных законов, определявших службу в органах внутренних дел, что предопределило тенденцию к более четкому регулированию дисциплинарных отношений в системе МВД России, сужению предмета регулирования.

Ключевые слова:

устав, дисциплина, меры поощрения, взыскания, закон, начальник, сотрудник, органы внутренних дел.

Annotation.

A brief analysis of the disciplinary charters of the internal affairs bodies adopted in the USSR during the beginning and end of the period of «stagnation», as well as in post-Soviet Russia, is presented. It is noted that they basically have a similar content, at the same time, the charters reflected changes in the socio-political development of our country, took into account the issuance of other laws that determined service in the

internal affairs bodies, which predetermined the trend towards a clearer regulation of disciplinary relations in the system Ministry of Internal Affairs of Russia, some narrowing of the subject of regulation.

Keywords: charter, discipline, incentive measures, penalties, law, chief, employee, internal affairs bodies.

В каждой силовой структуре имеется свой дисциплинарный устав. Одна из самых многочисленных силовых структур в России – органы внутренних дел. Особенность этой силовой структуры заключается в том, что сотрудники органов внутренних дел, в отличие от своих коллег от других силовых структур, по долгу службы в своей повседневной деятельности теснейшим образом взаимодействуют с обществом, то есть, встречаются по разным вопросам с жителями страны (раскрытие преступлений, охрана общественного порядка, работа с трудными подростками и т.д.). Соответственно, общество заинтересовано в том, чтобы деятельность органов внутренних дел была максимально открыта, что, собственно, и имеет место. И в этом смысле, дисциплинарный устав органов внутренних дел позволяет обществу понимать, каким образом осуществляется дисциплинарное производство как составная часть кадровой работы в системе органов внутренних дел.

Следует заметить, что нормы дисциплинарного производства для полиции (милиции) в России на системном уровне стали появляться с конца XVIII в. (они включались, например, в Устав благочиния, или полицейского 1782 г.). Но в нынешнем их виде как самостоятельных актов под названием «Дисциплинарный устав» они стали приниматься при советской власти – первый

Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской милиции был утвержден в 1919 г., затем с тем же названием появился устав 1931 г., в который вносились изменения, и прежде всего, в связи с Великой Отечественной войной, а в 1948 г. был утвержден новый Дисциплинарный устав милиции. Предварительно следует подчеркнуть также, что дисциплинарные уставы не могут исчерпывающе содержать все нормы дисциплинарного производства, – таковые содержатся и в других актах, в данном случае применительно к системе МВД [1]. Но в каждом уставе находят отражение следующие основные аспекты:

- принципы несения службы в органах внутренних дел;
- меры поощрения и меры взыскания, применяемые по отношению к милиционерам (полицейским);
- порядок их реализации.

В этом контексте, сравним содержание трех последних дисциплинарных уставов органов внутренних дел (далее также – ОВД), принятых в нашей стране: в 1971 г, в 1984 г. и в 2012 г. (последний из них – действующий). Эти уставы имеют между собой очевидное сходство, в связи с чем, более подробно рассмотрим Устав 1971 г., и затем покажем, какие происходили изменения в последующих актах.

Дисциплинарный устав ОВД 1971 г. (далее – Устав 1971) был утвержден Указом ПВС СССР 30 марта [2]. Этот акт был издан МВД СССР в виде отдельной брошюры тиражом в 100000 (!) экземпляров для широкого круга читателей (стоимость одной брошюры – 3 копейки).

Структурно Устав 1971 года состоит из семи глав:

1. Общие положения.
2. Поощрения, применяемые к рядовому и начальствующему составу.
3. Дисциплинарные взыскания, налагаемые на лиц рядового и начальствующего состава.
4. Права начальников по применению поощрений и наложению дисциплинарных взысканий.
5. Наложение дисциплинарных взысканий в особых случаях.
6. Порядок применения поощрений, наложения и приведения в исполнение дисциплинарных взысканий.
7. О жалобах и заявлениях.

Эти семь глав включали в себя 50 пунктов и два приложения:

1. Перечень должностей начальников и их прав по применению поощрений и наложению дисциплинарных взысканий.
2. Порядок приведения в исполнение дисциплинарного взыскания в виде ареста с содержанием на гауптвахте лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел.

Обратим внимание на то, что Устав 1971 года был принят в начале периода «застоя» в развитии советского государства, когда уже прочно сформировалась монополия правящей

КПСС, что не могло не наложить отпечатка на содержании данного документа. Так, в п. 1 указывалось, что «Дисциплина в органах внутренних дел основывается на высокой политической сознательности и коммунистическом воспитании лиц рядового и начальствующего состава, глубоком понимании ими своего служебного долга и личной ответственности за порученное дело» [2]. В этом же пункте указывалось, что для сотрудников ОВД устанавливается дисциплина применительно к воинской дисциплине (такой подход был определен еще в Уставе Рабоче-Крестьянской милиции 1919 г.).

В п. 2 Устава 1971 года подчеркивалось, что дисциплина в ОВД обязывает каждого сотрудника:

- бдительно и самоотверженно нести службу, защищать интересы социалистического государства, честь, достоинство и права советских граждан от преступных посягательств;
- соблюдать и укреплять социалистическую законность, точно выполнять требования присяги, уставов, приказов и приказаний начальников;
- стойко переносить все тяготы и лишения, связанные со службой, не щадить своих сил и самой жизни при выполнении служебного долга;
- строго хранить государственную и служебную тайны;
- быть честным и правдивым, постоянно совершенствовать свою квалификацию, повышать культуру работы;
- содействовать начальникам в укреплении дисциплины и порядка среди личного состава, оказывать уважение начальникам, старшим по службе и званию, быть вежливым, соблюдать правила отдания чести и ношения установленной формы одежды;
- с достоинством и честью вести себя вне службы, быть примером в соблюдении общественного порядка и норм коммунистической морали [2].

Согласно п. 4, начальник должен подавать подчиненным пример строгого соблюдения дисциплины; приказ начальника должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок.

Уставом 1971 года предусмотрены меры поощрения сотрудников ОВД, при этом такие меры определены для двух категорий сотрудников.

Так, к рядовому и младшему начсоставу могли:

- а) объявить благодарность;
- б) наградить ценным подарком или выдать денежное вознаграждение;
- в) наградить личной фотографией при развернутом Знамени ОВД, учебного заведения;
- г) занести на Доску почета;
- д) досрочно перевести в очередной разряд;
- е) наградить Почетной грамотой;
- ж) наградить нагрудным знаком;
- з) досрочно присвоить очередное специальное звание;
- и) занести в Книгу почета.

Отдельно от перечня указывалось, что досрочное снятие ранее наложенного взыскания также может расцениваться как мера поощрения [2]. Для среднего, старшего и высшего начсостава из вышеприведенного перечня исключались поощрения под п. «в» и «д».

Что касается дисциплинарных взысканий, то они подразделялись на три категории сотрудников ОВД.

На лиц рядового и младшего начсостав могли быть наложены взыскания:

- а) объявить замечание;
- б) объявить выговор;
- в) объявить строгий выговор;
- г) не увольнять из расположения учебного заведения, подразделения до 1 месяца;
- д) назначить вне очереди в наряд по службе или на работу;
- е) арестовать с содержанием на гауптвахте до 10 суток;
- ж) предупредить о неполном служебном соответствии;
- з) понизить в должности;
- и) снизить в специальном звании лиц младшего начсостава;
- к) уволить из органов внутренних дел.

В отношении лиц среднего и старшего начсостава из указанного перечня исключались п. «г», «д» и «к». На лиц высшего начсостава могли быть наложены взыскание по п. «а», «б», «в», «ж» и «з».

Для некоторых категорий сотрудников ОВД предусматривались ограничения в примене-

нии ареста (в частности, для начальников и их заместителей ОВД исполкомов окружных, городских, районных Советов, иных равных им начальникам). В качестве взыскания отдельно рассматривалось лишение нагрудного знака – в отношении сотрудников, награжденных таким знаком. В главе 7 определялись определенные гарантии для сотрудников ОВД – они могли подавать жалобы (заявления) по различным вопросам службы, в том числе, по взысканиям, вышестоящим начальникам, вплоть до Министерства внутренних дел СССР; Устав 1971 года обязывал рассматривать жалобу в срок не позже месяца. Следует заметить, что Устав 1971 года не предусматривал обращение сотрудников ОВД по тем же вопросам в суд.

В 1984 г. появился новый Дисциплинарный устав ОВД – он был утвержден Указом ПВС СССР 03 мая (далее – Устав 1984) [3]. Этот Устав также был издан большим тиражом (те же 100000 экземпляров). В тексте Указа ПВС СССР не сообщалось о причинах принятия этого акта, который по своей структуре совпадал с Уставом 1971 (те же семь глав, 49 пунктов и при отсутствии приложений) и в значительном объеме дублировал его, но с использованием иных формулировок. Так, приведенная выше формулировка из п. 1 теперь имела следующий вид: «Дисциплина в органах внутренних дел основывается на высокой политической сознательности, коммунистической убежденности и глубококом понимании каждым лицом рядового и начальствующего состава своего служебного долга и личной ответственности за порученное дело» [3].

Вместе с тем в Устав 1984 были включены существенные новеллы. Так, в п. 2 на первое место было поставлено следующая обязанность сотрудников ОВД:

– «соблюдать Конституцию СССР, конституции союзных и автономных республик, другие акты советского законодательства, точно выполнять требования присяги, уставов и приказов начальников, строго соблюдать социалистическую законность» [3];

– в предыдущем Уставе о Конституция не упоминалось, а здесь делался акцент на соблюдении Основного закона и других правовых актов.

По-иному были сформулированы и другие обязанности в п. 2, перечень которых был расширен, в частности, было добавлено:

– беречь вверенные оружие, имущество и технику;

– самоотверженно защищать законные интересы общества и граждан и др. [3].

В Уставе 1984 в части поощрения был установлен единый перечень поощрений для всех сотрудников без разделения их на категории:

«1) объявление благодарности;

2) награждение ценным подарком или деньгами;

3) занесение на Доску почета;

4) награждение Почетной грамотой;

5) награждение нагрудным знаком органов внутренних дел;

6) досрочное присвоение очередного специального звания;

7) занесение в Книгу почета» [3].

Указывалось также, что за особые заслуги сотрудники ОВД могли быть представлены к государственным наградам. Как и ранее, досрочное снятие ранее наложенного дисциплинарного взыскания считалось мерой поощрения. Для курсантов учебных заведений МВД СССР предусматривались дополнительные поощрения. А вот в отношении взысканий сохранялись те же три категории сотрудников ОВД. Для лиц рядового и младшего начсостава Устав 1984 определял тот же перечень, что и Устав 1971 года, за исключением п. «г» и «д». Перечень взысканий для лиц среднего и старшего начсостава остался прежним; то же касалось и лиц высшего начсостава. Вносились некоторые поправки, в частности, арест-гауптвахту нельзя было применять к женщинам. В части жалоб добавлялось указание на то, что начальник, к ведению которого не относилась жалоба сотрудника ОВД, обязан был в 5-дневный срок направить его в соответствующий орган с уведомлением заявителя.

В целом, Устав 1984 дополнился нормами, определяющими более полно требования к сотрудникам ОВД и, прежде всего, это касалось соблюдения Конституции СССР и других законов. Мы можем предположить, что новый Устав 1984 был принят в связи со скандальной отставкой министра внутренних дел Н.А. Щелокова (1982 г.) после того, как Ю.В. Андропов стал генсеком КПСС и инициировал проверки в системе МВД СССР, выявившие большое количество нарушений и злоупотреблений со стороны сотрудников ОВД [4].

После распада СССР в 1991 г. система органов публичной власти и управления подверглась серьезной трансформации, это относилось и к МВД РФ. Вопросы дисциплины среди сотрудников ОВД сначала регулировались в рамках Положения о службе в ОВД РФ от 23 декабря 1992 г., а в 2012 г. Указом Президента России был утвержден ныне действующий Дисциплинарный

устав органов внутренних дел Российской Федерации [5] (далее – Устав 2012).

В этом акте уже нет политико-идеологической составляющей. Структурно он состоит из восьми глав, включая:

1. Общие положения;
2. Обязанности сотрудника по соблюдению и поддержанию служебной дисциплины;
3. Обязанности руководителя (начальника);
4. Обязательность исполнения приказа руководителя (начальника);
5. Меры поощрения и порядок их применения;
6. Дисциплинарные взыскания, порядок их наложения и исполнения;
7. Учет мер поощрения и дисциплинарных взысканий;
8. Порядок обжалования дисциплинарных взысканий.

В эти главы входят 57 пунктов. В Уставе 2012 регулируются, по сути, те же вопросы, что и в прежних уставах, и в этом отношении наблюдается преемственность. При этом формулировки более четкие, деловитее, более краткие.

Говоря об особенностях, следует заметить, что из Устава 2012 исключено упоминание о Конституции, о требовании соблюдать законность (на наш взгляд, исключать не следовало). В перечне обязанностей значительно меньше пафоса, присущего советским уставам. Так, согласно п. 5, сотрудник ОВД имеет следующие обязанности:

- а) знать и соблюдать основные и служебные обязанности и права;
- б) выполнять приказы и распоряжения руководителей (начальников);
- в) соблюдать требования к служебному поведению;
- г) соблюдать субординацию;
- д) проявлять уважение ко всем сотрудникам вне зависимости от их служебного положения и места службы;
- е) содействовать руководителю (начальнику) в поддержании служебной дисциплины;
- ж) не разглашать сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также – сведения, ставшие ему известными в связи с выполнением служебных обязанностей, в том числе сведения, касающиеся частной жизни и здоровья граждан или затрагивающие их честь и достоинство;
- з) соблюдать ограничения, обязанности и запреты, требования о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и выполнять обязанности, установленные в целях противодействия коррупции соответствующими законами [5].

В Уставе-2012 в главе 4 дается трактовка приказа руководителя (начальника), требования к нему, формы и другие характеристики, подчеркивается, что приказ должен быть выполнен «беспрекословно», но с оговоркой – «за исключением явно противоречащего закону»; обсуждение и приказа, и его критика Уставом-2012 запрещаются. При несогласии с приказом, сотрудник ОВД может его обжаловать, но только после исполнения. Подробное освещение института приказа является новеллой. В этом Уставе, в своей основе, сохранен прежний перечень мер поощрения при несколько скорректированных формулировках, добавлено одно новое поощрение - «награждение огнестрельным или холодным оружием»; в учебных заведениях может устанавливаться именная стипендия.

Что касается дисциплинарных взысканий, то Устав-2012 не разделяет сотрудников ОВД на категории – соответствующий перечень един для всех, при этом он несколько сокращен и выглядит следующим образом:

- «а) замечание;
- б) выговор;
- в) строгий выговор;
- г) предупреждение о неполном служебном соответствии;
- д) перевод на нижестоящую должность в органах внутренних дел;
- е) увольнение со службы в органах внутренних дел» [5].

В учебных заведениях сохранено назначение вне очереди в наряд и лишение очередного увольнения из расположения учебного заведения. Глава 8 регулирует обжалование только наложенных взысканий (в прежних уставах предмет обжалования был значительно шире).

Подводя итог, следует отметить, что дисциплинарные уставы ОВД 1971, 1984 и 2012 гг. имеют сходное содержание и объемы регулирования, то есть, очевидна их преемственность. При этом в каждом новом уставе находили отражение изменения в общественно-политическом развитии нашей страны, учитывалось издание иных законов, определявших службу в ОВД, что предопределило тенденцию к более четкому регулированию дисциплинарных отношений в системе

МВД России, некоторому сужению предмета регулирования в действующем Уставом-2012, расширению в нем количества отсылочных норм.

Литература:

1. Фадеев А.В. История формирования дисциплинарного производства в органах внутренних дел российской федерации: пути совершенствования / А.В. Фадеев, М.В. Фадеев, А.И. Четверикова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-2. С. 156–160.
2. Дисциплинарный устав органов внутренних дел (утвержден Указом ПВС СССР от 30.03.1971 г. // Ведомости ВС СССР. 1971. № 14. Ст. 155.
3. Дисциплинарный устав органов внутренних дел (утвержден Указом ПВС СССР от 03.05.1984 г. // Ведомости ВС СССР. 1984. № 19. Ст. 242.
4. Дмитриев Ю. КГБ против МВД: как Андропов довел Щелокова до рокового выстрела / Ю. Дмитриев // Сетевое издание «INFOX.ru». 2021. 21 декабря. URL : <https://www.infox.ru/usefull/288/266839-kgb-protiv-mvd-kak-andropov-dovel-selokova-do-rokovogo-vystrela> (дата обращения 27.12.2022).
5. Указ Президента РФ от 14.10.2012 № 1377 (ред. от 22.12.2021) «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.12. 2022).

Literature:

1. Fadeev A.V. History of the formation of disciplinary production in the bodies of internal affairs of the Russian Federation: ways of perfection / A.V. Fadeev, M.V. Fadeev, A.I. Chetverikova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 12-2. P. 156–160.
2. Disciplinary charter of organs of internal affairs (approved by the Decree of the PVS of the USSR of 30.03.1971 // Vedomosti VS SSSR. 1971. № 14. Art. 155.
3. Disciplinary charter of internal affairs bodies (approved by the Decree of the PVS of the USSR of 03.05.1984 // Vedomosti VS SSSR. 1984. № 19. Art. 242.
4. Dmitriev Y. KGB against the Ministry of Internal Affairs: how Andropov brought Shchelokov to the fatal shot / Y. Dmitriev // Network edition «INFOX.ru». 2021. December 21. URL : <https://www.infox.ru/usefull/288/266839-kgb-protiv-mvd-kak-andropov-dovel-selokova-do-rokovogo-vystrela> (date of the application 2022.12.27).
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 14.10.2012 № 1377 (as amended on 22.12.2021) «On the Disciplinary Charter of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // ATP «ConsultantPlus» (date of the application 25.12.2022).

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯВШИЕ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР

MAIN FACTORS DETERMINING STATE POLICY IN THE FIELD OF FIGHTING CRIME IN THE POSTWAR USSR

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

Ivan V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
uporov@list.ru

Аннотация. В данной публикации дается характеристика общественно-политической и социально-экономической обстановки в СССР послевоенного времени и ее влияние на политику советского государства в сфере борьбы с преступностью. Анализируются законодательные, партийные, правительственные решения, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что послевоенная экономическая разруха, материальные затруднения многих советских граждан, антисоветская пропаганда на освобожденных от оккупации территориях и другие негативные последствия войны осложнили криминогенную обстановку в стране. При этом несмотря на то, что официальная доктрина в сфере борьбы с преступностью в своей основе оставалась прежней (усиление наказаний), власти удалось остановить рост преступности в первые послевоенные годы; показываются, принятые для этого соответствующие меры.

Ключевые слова:

преступность, послевоенное время, Сталин, указы, государство, ВКП(б), общественное сознание.

Annotation.

A description is given of the socio-political and socio-economic situation in the USSR in the post-war period and its influence on the policy of the Soviet state in the field of combating crime. Legislative, party, government decisions, scientific works on the stated topic are analyzed. It is noted that the post-war economic devastation, the material difficulties of many Soviet citizens, anti-Soviet propaganda in the territories liberated from occupation and other negative consequences of the war complicated the criminogenic situation in the country. At the same time, despite the fact that the official doctrine in the field of combating crime basically remained the same, the authorities managed to stop the growth of crime in the first post-war years; appropriate measures taken for this purpose are shown.

Keywords:

crime, post-war period, Stalin, decrees, state, VKP(b), public consciousness.

Содержание политики советского государства в сфере борьбы с преступностью в послевоенные годы определяло, прежде всего, общественно-политическое и социально-экономическое состояние, в котором оказался СССР к тому времени. В этой связи, в литературе отмечается, что после окончания Великой Отечественной войны советское общество стало изменяться по многим направлениям, включая демографическую, психологическую, ментальную и иные составляющие, соответственно представляло собой сложный социальный феномен. Были внесены коррективы также в систему ценностей советских граждан, у многих из которых изменился социальный статус, что видно, например, по выделению таких социальных

групп населения, как эвакуированные, репатриированные и др. Настроения общества были также непростыми: с одной стороны, невиданная боль утрат, с другой – радость Победы, ожидание воссоединения с семьей, домом, надежды на мирную жизнь. Эти позитивные настроения были естественной реакцией после перенапряжения и мобилизационного порядка жизни в военное лихолетье. Многие с оптимизмом смотрели в будущее и надеялись на либерализацию всех сфер жизни. Но интегрироваться в мирную послевоенную жизнь удалось не всем жителям СССР. Не нужно забывать, что экономика страны была сильно разрушенной, многие люди испытывали материальные затруднения, в частности, это касалось отсутствия жилища, одежды, продуктов питания [1, с. 4].

В таких сложных условиях советское общество при всех его противоречиях продемонстрировало высокую жизнеспособность. Вместе с тем, Великая Отечественная война при всем ее величайшем масштабе и значении как для СССР, так и для международных отношений, не изменила тем не менее сущности государственно-политических форм советской страны – СССР оставался по форме правления республикой, по государственному устройству федерацией и по государственному (политическому) режиму представлял собой авторитарно-тоталитарное государство с демократическими институтами, имевшими во многом формальный характер. Так, продолжала действовать сталинская Конституция СССР 1936 г. [2], в которую, хотя и был внесен ряд изменений, но они не имели принципиального характера; действовали, в своей основе, принятые еще до войны УК РСФСР, УПК РСФСР и ИТК РСФСР, являвшиеся базовыми в борьбе с преступностью.

Сформированный до войны культ личности Сталина, не только не был поколеблен за период военной кампании, но и, в целом, некоторым образом, усилился. При этом сам Сталин по-прежнему оставался верен глобальной идее мировой социалистической революции и, более того, отталкиваясь от итогов войны, укрепивших значение СССР в мире, он намеревался эту идею и далее реализовывать, но уже с учетом новых геополитических реалий (это обстоятельство имело, в частности, значение при определении государственного подхода к преступникам – «контрреволюционерам»).

Если иметь в виду внутреннюю политику, то и здесь вектор общественно-государственного развития не претерпел принципиальных изменений. Едва оправившись от потрясений военного времени, правящая верхушка во главе со Сталиным продолжила курс на укрепление административно-командных методов управления обществом и государством.

В этом контексте, опыт, наработанный НКВД-НКГБ в части подавления «классовых врагов», и, в целом, антиобщественных проявлений, был по-прежнему востребованным. Вместе с тем, послевоенная ситуация изменила тактику осуществления внутренней политики. В частности, было решено, причем, по непонятным для общества причинам, некоторое время не проводить партийные съезды, заседания Политбюро ЦК ВКП(б) также чаще носили случайный характер. Так, если XVIII съезд ВКП (б) состоялся в 1939 г., то следующий начал работу лишь в 1952 г. (на нем ВКП(б) была переименована в КПСС). И если предвоенный и военный периоды по своей сложности вполне объясняют непроведение партийных форумов, то шесть лет после войны (1946-1952 гг.) никак нельзя назвать критическими. Мы не имеем в виду подробно останавливаться на этом вопросе – очевидно, он требует специального исследования, учитывая, что имеются различные подходы к объяснению этого явления.

Вместе с тем, при всем сходстве довоенной и послевоенной внутренней политики были, конечно, и различия, обусловленные как раз и, прежде всего, военным фактором. Очевидно, война, и особенно ее трагическое начало, оставили у Сталина противоречивые чувства. Известно, что в первый год войны Сталин испытал растерянность и даже, наверное, страх перед масштабом трагизма надвигающихся событий. Не исключено, что он опасался обвинений в том, что поставил СССР в столь тяжелое положение. Во всяком случае, в тосте на приеме в честь главнокомандующих войсками Красной Армии, произнесенном 24 мая 1945 г. у него вырвались такие слова: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг. ... Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это... И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества - над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!» [3].

Возможно, поэтому после Победы в Великой Отечественной войне Сталин почувствовал

уверенность в прочности своей позиции как руководителя государства, что позволяло ему предлагать и соглашаться с довольно жесткими мерами, направленными на борьбу с преступностью. Достаточно назвать, например, известные законы о значительном ужесточении уголовного наказания за хищения общественного и государственного имущества: 04 июня 1947 г. были изданы Указы ПВС СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [4] и «Об усилении охраны личной собственности граждан» [5]. В обоих законах, по сравнению с действовавшим тогда уголовным законодательством, регулирующим ответственность за хищения имущества (УК РСФСР 1926 г.), более тщательно, с юридической точки зрения, были разработаны составы соответствующих преступлений и значительно усилено наказание.

Особенность реальной внутренней политики послевоенного СССР, в том числе, в сфере борьбы с преступностью, таким образом, вытекала из тех последствий войны, с которыми столкнулся советский народ, общественное сознание которого, некоторым образом, поменялось. И, в этом контексте, следует назвать, прежде всего, наличие бывших оккупированных территорий, на которых немалая часть советского населения находилась под воздействием вражеской пропаганды. Следующее последствие – огромное количество военнослужащих (более пяти миллионов), вернувшихся с фронтов и демобилизованных после войны; они, прошедшие мясорубку войны, вышли из нее с измененными психологией и психикой, а то и мировоззрением, многие из них считали себя обиженными в части льгот и преференций как защитников Родины. Сюда же следует отнести упомянутую выше хозяйственную разруху, усугубленную послевоенным голодом, а также, вызванный войной недостаток профессиональных кадров во всех сферах общественно-экономической жизни, в том числе, в правоохранительной сфере.

Если вновь вернуться к общественному сознанию советского общества послевоенного времени в контексте борьбы с преступностью, то объективно об его изменениях судить, конечно, трудно. В этой связи, И.А. Голосенко и С.И. Голод отмечают, в частности, что «сталинскому «новому бравному миру» социология вообще ... была не нужна и даже вредна, ибо не вписывалась в мифологический контекст «самого передового в мире социалистического общества». Вероятно, социология нужна только обществу, ясно и честно осознающему свою несовершенство» [6, с. 85]. В этой связи, об общественном сознании в СССР того времени сейчас, спустя десятки лет, приходится судить, основываясь, прежде всего, на официальных материалах. Так, в «главной» газете СССР «Правда» (орган ЦК компартии) в номере от 17 сентября 1945 г. указывалось, что «в отдельных неустойчивых людях пробудились низменные чувства, стремление к наживе, к личному обогащению за счет чужого труда. Такие люди, пренебрегая общественными интересами и своим гражданским долгом, не занимаясь общественно полезной деятельностью, становились на путь преступлений, нанося моральный и материальный ущерб государству и народу» [7]. А.И. Ломовцев отмечает, что особенно заметным всплеск преступности оказался на территории, подвергшейся оккупации [8, с. 23]. Влиянию фашистской пропаганды, в первую очередь, поддались, так называемые, «бывшие» (деклассированные элементы, кулаки, идейные враги Советской власти) и уголовные преступники [9, с. 217]. Эти лица во время войны участвовали в массовых репрессиях против советских граждан, помогали фашистам утверждать «новый порядок» на территории СССР, а после войны многие из них стали организаторами разного рода преступных формирований [10, с. 53] (далее, мы покажем, что официально власть объясняла преступность как раз политико-идеологическими причинами, игнорируя экономическое положение).

Криминогенная ситуация в СССР после окончания Великой Отечественной войны осложнялась также в результате большого организованного движения населения (из эвакуации, демобилизованных, репатриантов и т.д.), что значительно затрудняло охрану общественного порядка, создавало благоприятную среду для уголовно-преступных элементов [11, с. 44]. На уровень и состав преступности отрицательно влияло наличие у населения огнестрельного оружия, оставшегося со времен войны, когда доступ к оружию был значительно облегчен.

Следует также иметь в виду, что особенностью исследуемого периода времени был голод 1946–1947 гг., охвативший значительную часть территории страны и резко осложнивший криминогенную обстановку. По свидетельствам тогдашних современников, как отмечается в литературе, «обезумевшие люди ради собственного спасения и своих близких шли на воровство, грабеж, убийство» [11, с. 46], и, соответственно, органы внутренних дел особое внимание уделяли усилению охраны народного достояния, продовольствия, пресечению преступной деятельности расхитителей, спекулянтов, фальшивомонетчиков, выявлению и пресечению хищения хлеба и хлебопродуктов. Но при этом, несмотря на очевидное ухудшение криминогенной обстановки, власть, исходя из идеологических установок, по-прежнему считала, что преступность в СССР как стране победившего социализма, представляет собой меньшее зло, чем в странах капитализма.

В этой связи, как отмечает А.М. Васильев, «резкий всплеск преступности в послевоенные годы находился в остром противоречии с официальной идеологией. Это подтолкнуло власти к ужесточению карательной политики, а также, к публикации в средствах массовой информации материалов о процессах над лидерами преступных групп и хулиганами» [12, с. 21]. Однако такой вывод о причинно-следственной связи нам представляется не совсем точным. Мы полагаем, что усиление карательных мер было связано не с противоречиями между советской официальной идеологией и складывавшейся реальностью после окончания войны, а с вполне логичной реакцией государственной власти на ухудшение криминогенной обстановки. И такой подход встречается повсеместно, где возникают социальные процессы, связанные с расширением криминогенной обстановки. Так, помимо отмеченных выше жестких указов 1947 г. применялись и более мягкие меры. Например, по инициативе Н.С. Хрущева, в ту пору первый секретаря ЦК компартии Украины, 21 февраля 1948 г. был принят Указ ПВС СССР «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» [13], где люди, которые не хотели работать в колхозах, характеризовались как «преступные и паразитические элементы», причем, при этом использовался опыт Российской империи («внушить полезный страх»). Позже этот опыт было признано целесообразным распространить на другие территории СССР.

В партийных и правительственных постановлениях, равно как в законодательных актах, борьбе с преступностью уделялось немалое внимание. Характерными примерами являются Постановление СМ СССР от 27 августа 1953 г. «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с преступностью», Постановление СМ СССР от 13 сентября 1946 г. «Об усилении борьбы со спекуляцией», Постановление ЦК ВКП(б) и СМ СССР от 27 июня 1946 г. «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущения его разбазаривания, хищения и порчи», Постановление СМ СССР от 13 сентября 1946 г. «Об усилении борьбы со спекуляцией», Законы 1948 г. «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона», «Об усилении уголовной ответственности за изнасилования» и др.

В целом же, роль местных партийно-советских органов в постановлениях и решениях сводилась к обязанностям по повышению активности силовых структур, усилению партийного надзора за деятельностью хозяйственных учреждений, наведению порядка в охране государственных и жилых объектов и усилению политико-воспитательной работы, соответственно официальная доктрина борьбы с преступностью в своей основе не изменилась, власть по-прежнему считала, что преступность в СССР обуславливается пережитками капитализма и классовый борьбой, и, по сути, приравнивала преступников к врагам народа. Исходя из этого, вектор государственно-правовой политики в сфере борьбы с преступностью определялся доминированием карательно-репрессивных мер. Тем не менее, такая политика позволила власти после всплеска преступности в 1946–1947 гг., в том числе, бандитизма, хищения общественного (государственного) и личного имущества, приняв ряд мер, стабилизировать ситуацию, связанную с криминальной сферой.

Литература:

1. Стругова М.Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.): на примере Краснодарского края : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 265 с.
2. Конституция СССР 1936 г. М. : Госюриздат, 1947. 92 с.
3. Правда. 1945. 25 мая
4. Указ ПВС СССР от 04.06. 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». // СЗ СССР. 1947. № 14.
5. Указ ПВС СССР от 04.06. 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.
6. Голосенко Ц.А. Социологические исследования проституции в России / Ц.А. Голосенко, С.И. Голод. СПб. : Петрополис, 1998. 127 с.
7. Правда. 1945. 17 сентября.
8. Ломовцев А.И. Средства массовой информации и их воздействие на массовое сознание в годы Великой Отечественной войны (на материалах Пензенской области) : дис... канд. истор. наук. Пенза, 2002. 200 с.
9. История советской милиции : в 2-х тт. / Под общ. ред. Н.А. Щелокова. М., 1977. Т. 2. 338 с.
10. Зубкова М.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М. : РОС-СПЭН, 2000. 229 с.

11. Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность (1946–1947 гг.) / В.Ф. Зима // Отечественная история. 1995. № 5. С. 45–59.
12. Васильев А.М. Охрана общественного порядка в СССР в послевоенный период: опыт и уроки истории борьбы с уголовной преступностью в Советской России (1945–1953 гг.). М. : Прометей, 2007. 320 с.
13. Указ ПВС СССР от 21.02.1948 г. «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» // ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 36. Д. 345. Л. 55–56.

Literature:

1. Strugova M.R. Social processes in the post-war Soviet society (1945–1953): on the example of the Krasnodar Territory : dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2007. 265 p.
2. Konstitutsiya SSSR 1936. M. : Gosyurizdat, 1947. 92 p.
3. Really. 1945. 25 maya
4. Decree of the PVS of the USSR of 04.06. 1947. «On criminal liability for embezzlement of state and public property». SZ SSSR. 1947. № 14.
5. Decree of the PVS of the USSR of 04.06. 1947 «On strengthening the protection of personal property of citizens» // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. 1947. № 19.
6. Golosenko Ts.A. Sociological research of prostitution in Russia / Ts.A. Golosenko, S.I. Golod. SPb. : Petropolis, 1998. 127 p.
7. Really. 1945. 17 sentyabrya.
8. Lomovtsev A.I. Mass media and their impact on mass consciousness during the Great Patriotic War (on the materials of the Penza region) : dis... cand. historic. sciences. Penza, 2002. 200 p.
9. History of the Soviet Militia : in 2-kh vol. / Pod obshch. red. N.A. Shchelokov. M., 1977. Vol. 2. 338 p.
10. Zubkova M.Y. Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life. M. : ROSSPEN, 2000. 229 p.
11. Zima V.F. Post-war society: hunger and crime (1946–1947) // Otechestvennaya istoriya. 1995. № 5. P. 45–59.
12. Vasiliev A.M. Protection of public order in the USSR in the post-war period: experience and lessons of history (1945–1953). M. : Prometey, 2007. 320 p.
13. Decree of the PVS of the USSR of 21.02.1948 «On the eviction from the Ukrainian SSR of persons maliciously evading labor activity in agriculture and leading an antisocial parasitic way of life» // GARF. F. R-7523. Op. 36. D. 345. P. 55–56.

ВИНА КАК СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

GUILT AS AN INTEGRAL ELEMENT IN THE STRUCTURE OF PUBLIC DANGER

Усмонов Иброхим Сироджиддинович
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
milena.555@mail.ru

Ibrohim S. Usmonov
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

Аннотация. Общественная опасность деяния складывается из общественной опасности трех элементов: общественной опасности действий (бездействий), образующих материальную составляющую деяния, общественной опасности последствий данного деяния и, наконец, общественной опасности личности лица, совершившего общественно опасное деяние. Статья посвящена понятию «вина» в структуре общественной опасности. В ней приведен анализ позиций ряда отечественных ученых по рассматриваемому вопросу, на основе которого делается вывод о возможности включения в структуру общественной опасности, предусмотренную диспозициями Особенной части УК РФ действия (бездействия) деятеля как материального источника этой опасности.

Ключевые слова:

уголовное право, состав преступления, признаки состава преступления, вина, общественная опасность

Annotation.

The social danger of an act consists of the social danger of three elements: the social danger of actions (omissions) that form the material component of the act, the social danger of the consequences of this act and, finally, the social danger of the person who committed the socially dangerous act. The article is devoted to the concept of guilt in the structure of public danger. It provides an analysis of the positions of a number of domestic scientists on the issue under consideration, on the basis of which a conclusion is made about the possibility of including in the structure of public danger provided for by the dispositions of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation the actions (inaction) of a figure as a material source of this danger.

Keywords:

criminal law, corpus delicti, signs of corpus delicti, guilt, public danger

Согласно одной из точек зрения, общественная опасность деяния складывается из общественной опасности трех элементов: общественной опасности действий (бездействий), образующих материальную составляющую деяния, общественной опасности последствий данного деяния и, наконец, общественной опасности личности лица, совершившего общественно опасное деяние [1]. Как видно, здесь вина не фигурирует в качестве структурного элемента общественной опасности, что представляется неправильным. При этом сразу оговорим, что речь идет только лишь о структурировании именно общественной опасности как самостоятельной уголовно-правовой категории, а не о структуре преступления, где наличие вины как составного ее элемента сомнений не вызывает.

Однозначным сторонником не считать вину составным элементом в структуре общественной опасности является Т.В. Церетели, который, в частности, полагает, что лицо, которое находится в состоянии невменяемости, и которое, следовательно, не может быть виновным, тем не менее, способно совершить общественно опасное деяние [2]. Указанный автор указывает также на то, что коль скоро понятие умысла на совершение деяния означает, прежде всего, психическое отношение к общественно опасному деянию, то, следовательно, вина не может быть

структурным элементом общественной опасности и соответственно вина существует наряду с общественной опасностью, имея самостоятельное значение [3].

Напротив, П.А. Феллов занимает в отношении вины иную и вполне определенную позицию, считая вину важнейшим элементом общественной опасности [4]. Придерживающийся схожей точки зрения А.И. Рясков, как он сам пишет, «парирует» вышеприведенные аргументы своего оппонента Т.В. Церетели следующими суждениями. Первое из них заключается в том, что общественная опасность представляет собой «социально-политическую характеристику антиобщественного поведения», и такая характеристика не может быть приемлема к действиям лиц, совершающим действия в состоянии невменяемости. Суть второго суждения заключается в том, что «общественная опасность деяния и вина представляют собой взаимосвязанные элементы общественной опасности преступления», при этом само деление поведения лица на объективную сторону (характеризуется параметрами деяния) и субъективную сторону (характеризуется виной, то есть психическим отношением к деянию) «в высшей степени условно», и поэтому общественная опасность посягательства имеет соответственно объективную (деяние) и субъективную (вина) составляющие [5]. Здесь «условность» разделения категории общественной опасности на различные составляющие сомнений не вызывает, о чем свидетельствует разброс мнений по исследуемым вопросам.

Однако, как нам представляется, позиция А.И. Ряскова, все же, по нашему мнению, недостаточно убедительна. Речь идет, прежде всего, о том, что, по его мнению, «социально-политическая характеристика» поведения лица неприемлема к действиям, которые совершаются этим лицом в состоянии невменяемости. Однако этот тезис не был развернут, не был конкретизирован, хотя конкретизация здесь необходима. Дело в том, что, социально значимые действия невменяемого лица нельзя приравнивать к его инстинктивным движениям, к движениям животных и, тем более, сравнивать с несчастным случаем (здесь нет уголовно-правовых отношений), поскольку социально значимые действия совершает человек, и эти действия имеют изначальное интеллектуально-волевое наполнение.

Да, применительно к конкретным действиям, образующим объективную сторону преступления, нет оснований говорить о социальной оценке (характеристике) деяния невменяемого лица (мы полагаем, что термин «социально-политическая» оценка, или характеристика, не совсем точен, поскольку «политическая» составляющая применительно к родовому понятию преступления или общественно опасного деяния вряд ли оправдана, но в данном случае это не имеет принципиального значения), но, что очень важно подчеркнуть, – нет оснований говорить о социальной оценке со стороны самого невменяемого лица, поскольку оно «не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики» (ст. 21 УК РФ).

Но общество посредством соответствующих органов такую социальную оценку деяния обязано дать, учитывая, что соответствующие действия совершаются человеком – одним из членов общества, внутри общества и затрагивают интересы (права, свободы) иных членов общества. Еще раз подчеркнем – невменяемое лицо не осознает общественной опасности своих конкретных действий в конкретном пространстве, в конкретное время и при конкретных обстоятельствах, но это не значит, что данное лицо вообще лишено какого-либо сознания, то есть, *не может быть абсолютной невменяемости, ибо в противном случае просто-напросто отсутствует субъект деяния (сознание полностью отсутствует только у мертвого человека)*. Именно поэтому действия (бездействия) невменяемого лица, образующие диспозицию какого-либо преступления, образуют «общественно опасное деяние», то есть деяние, которое имеет социальную оценку (включая правовую, а точнее, уголовно-правовую оценку). И здесь не имеет значения, осознавал деятель опасность своих действий или нет (равным образом это касается лиц, не достигших возраста уголовной ответственности) – он их совершил, они образовали общественно опасное деяние – как справедливо отмечала Н.Ф. Кузнецова, **следует исключить влияние личности деятеля на наличие и степень общественной опасности** деяния, так как иной подход означал бы нарушение такого важнейшего правового принципа, как равенство граждан перед законом [6].

Другое дело, наличие (отсутствие) вины этого лица: при ее наличии оно привлекается к уголовной ответственности, при отсутствии – не привлекается, если это «ограниченный» субъект (невменяемое лицо либо лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности), то применяется не наказание, а иные меры принуждения, на что ранее обращалось внимание.

Довольно интересную мысль высказывает по этому поводу С.В. Векленко, утверждая, что

сложившееся в науке уголовного права деление умысла на различные виды должно быть подчинено задаче наиболее точного определения как степени опасности оцениваемого деяния, так и степени общественной опасности деятеля, а также формированию необходимого комплекса предупредительных мер, направленных на исправление виновного лица и недопущение им совершения преступления в будущем. Такой подход основывается на следующем постулате: чем явственнее проявлялся умысел лица на совершение деяния, тем выше степень опасности совершенного *преступления* [7]. С этим нельзя не согласиться.

Но если мы ведем речь об общественной опасности только *деяния* (без уголовно-правовой оценки на предмет того, является или нет данное деяние преступлением), то ее степень не зависит от «явственности проявления умысла», поскольку соответствующие действия (бездействия) могут объективировать лица с разной мерой вины. Собственно, и сам законодатель, указывая в понятии преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) на то, что «преступлением признается *виновно* совершенное общественно опасное деяние...», предполагает, что деяние может быть совершено и *невиновно*, а в их рамках вина может иметь различные размеры, и это касается *преступления*, но не *деяния*.

При таких обстоятельствах **вина не может входить в структуру общественной опасности, поскольку общественная опасность деяния и вина лица, его совершившего, оцениваются самостоятельно**. Если предположить, что вина должна входить в структуру общественной опасности, то неизбежно оценка деяния исследуется с точки зрения отношения этого деяния к разряду преступления. Но мы рассматриваем структуру общественной опасности деяния, а не структуру преступления, где, вина, бесспорно, является обязательным структурным элементом.

В этом контексте, как нам представляется, неточность позиции А.И. Рясова заключается в том, что этот автор, как видно из вышеприведенной его цитаты, как раз неоправданно отождествляет общественную опасность деяния и общественную опасность преступления. И вот, этот случай показывает, что такое, казалось бы, незначительное смешение понятий приводит к искаженной оценке данного явления (общественная опасность преступления, если принять этот термин как корректный, значительно более сложная категория, включающая в себя, помимо общественной опасности деяния, также общественную опасность совершившего его лица и, для определенной категории преступлений, общественную опасность наступивших последствий, где таковые составляют квалифицирующий признак преступления, например, указанные в ч. 1 ст. 264 УК РФ).

Аналогичным образом можно говорить о правомерности включения в структуру общественной опасности деяния такого элемента, как личность деятеля. По мнению Г. Моисеенко, данный элемент (личность преступника) должен быть составным элементом в структуре общественной опасности деяния, включая такие характеризующие личность признаки, как повторность совершения общественно опасного деяния, состояние сильного душевного волнения, наличие или отсутствие соответствующих мотивов и целей совершения деяния и другие признаки личностного характера [8]. С такой позицией мы не можем согласиться, поскольку взятые, сами по себе, личностные параметры (возраст, пол, социальное положение, здоровье и т.д.) не могут представлять какой-либо общественной опасности – они могут лишь характеризовать меру этой опасности во взаимосвязи с совершенными действиями (бездействиями), образующими объективную сторону деяния, предусмотренного в Особенной части уголовного закона. И в этом вопросе мы солидарны с М.Н. Коновальчуком, полагающим, что личность виновного не может входить в понятие общественной опасности деяния [9].

Здесь также нам приходится затрагивать вопрос терминологии. Дело в том, что, в подобного рода ситуациях, многие исследователи смешивают разные понятия. Об одном случае мы упомянули (смешение понятий «*общественная опасность деяния*» и «*общественная опасность преступления*»). Другое часто встречаемое смешение касается терминов «*общественная опасность деяния*» и «*общественно опасное деяние*». При кажущейся тождественности сравниваемых понятий – это не тождественные понятия. Общественная опасность, как мы указывали выше, характеризуется как «состояние», в то время как деяние (соответственно и структура общественного опасного деяния, которая в уголовно-правовой науке рассматривается обычно из трех элементов – действие (бездействие), общественно опасные последствия и личность преступника [10]) определяется, прежде всего, действиями (бездействиями) деятеля [11], и здесь не может быть равенства. И.Г. Моисеенко, как видно из его работы, фактически описывает не «общественную опасность деяния», а «общественно опасное деяние».

Предмет нашего исследования – «общественная опасность деяния», которая, разумеется, также непосредственно связывается с действиями (бездействиями) деятеля, но лишь в том

контексте, что эти *действия (бездействия)* являются *материальным источником общественной опасности*. И если такие действия (бездействия) нарушают фундаментальные общественные ценности и, как мы отмечали ранее, являются для общества в этом плане чрезвычайным событием, то есть если они охватываются диспозициями статей Особенной части УК РФ, то такие действия (бездействия) образуют общественно опасное деяние.

Итак, в *структуру общественной опасности мы полагаем необходимым включить предусмотренные диспозициями Особенной части УК РФ действия (бездействия) деятеля как материальный источник этой опасности*. Данное уточнение необходимо сделать потому, что те же действия (бездействия) ряд авторов включает в структуру общественно опасного деяния как его объективное выражение вовне. Словосочетание «действие (бездействие)» в литературе нередко заменяется термином «посягательство», что, на наш взгляд, вполне допустимо, поскольку этот термин явственно показывает негативный характер человеческого поведения; такой же характер в рассматриваемом контексте имеет и термин «действие (бездействие)».

Литература:

1. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 69.
2. Церетели С.В. Основания уголовной ответственности и понятие преступления / С.В. Церетели // Правоведение. 1980. № 2. С. 84–85.
3. Церетели С.В. Основания уголовной ответственности и понятие преступления / С.В. Церетели // Правоведение. 1980. № 2. С. 85.
4. Фефелов П.А. Общественная опасность преступного деяния / П.А. Фефелов // Советское государство и право. 1997. № 5. С. 136.
5. Рясов А.И. Принцип справедливости в назначении наказания при множественности преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 75.
6. Кузнецова Н.Ф. Преступления и преступность. М., 1969. С. 68.
7. Векленко С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве. Омск, 2001. С. 143.
8. Моисеенко Г. Общественная опасность деяния и личность преступника / Г. Моисеенко // Сов. юстиция. 1975. № 14. С. 8–9.
9. Коновальчук М.В. Принцип справедливости и его реализация в уголовном праве России : авторефер. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 21.
10. Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 147.
11. См. подробнее: Никонов В.А. Учение о преступлении. Тюмень, 1998. С. 29–34.

Literature:

1. Demidov Yu.A. Social value and evaluation in criminal law. M., 1975. P. 69.
2. Tsereteli S.V. Grounds of criminal responsibility and the concept of crime / S.V. Tsereteli // Jurisprudence. 1980. № 2. P. 84–85.
3. Tsereteli S.V. Grounds of criminal responsibility and the concept of crime / S.V. Tsereteli // Jurisprudence. 1980. № 2. P. 85.
4. Fefelov P.A. Public danger of a criminal act / P.A. Fefelov // Soviet state and law. 1997. № 5. P. 136.
5. Ryasov A.I. The principle of justice in the imposition of punishment for multiple crimes : dis. ... cand. jurid. sciences'. Stavropol, 2004. P. 75.
6. Kuznetsova N.F. Crimes and criminality. M., 1969. P. 68.
7. Veklenko S.V. The concept, essence, content and forms of guilt in criminal law. Omsk, 2001. P. 143.
8. Moiseenko G. Public danger of the act and the identity of the criminal / G. Moiseenko // Sov. justice. 1975. № 14. P. 8–9.
9. Konovalchuk M.V. The principle of justice and its implementation in the criminal law of Russia : autorefer. dis. ... cand. jurid. sciences'. Saratov, 2009. P. 21.
10. Maltsev V.V. The problem of reflection and evaluation of socially dangerous behavior in criminal law : dis. ... doctor of law. M., 1993. P. 147.
11. See for more details: Nikonov V.A. The Doctrine of crime. Tyumen, 1998. P. 29–34.

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО
КАК ПОЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И ПРАВА**

**INFORMATION SPACE AS A FIELD
OF INTERACTION BETWEEN LANGUAGE AND LAW**

Ястребова Оксана Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
miss.oxenia@yandex.ru

Oksana I. Yastrebova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch
of the Russian State University of Justice
miss.oxenia@yandex.ru

Гарцуева Оксана Александровна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
ropov-52@mail.ru

Oksana A. Gartueva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch
of the Russian State University of Justice
ropov-52@mail.ru

Фалько Яна Григорьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Северо - Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
Milena.555@mail.ru

Yana G. Falko

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus Branch
Russian State University of Justice
Milena.555@mail.ru

Аннотация.

Признавая существование юридической лингвистики как самостоятельной междисциплинарной области науки, авторы в данной статье освещают проблемы, существующие в этой области знаний, особенно связанные с непоследовательным и фрагментарным характером исследований, как с лингвистической, так и с юридической точек зрения. В настоящее время отсутствие комплексного подхода, а также, отсутствие единых и достаточных определений исследуемых явлений представляют собой основную причину для рассмотрения вопросов взаимодействия языка и права. Статья содержит определение юридического языка, устанавливает его место в языковой системе, а также его отношение к другим языковым явлениям, в том числе, литературному языку, повседневному языку и профессиональному языку. В статье предлагается рассмотреть юридический язык в узком и широком аспектах. В узком смысле юридический язык можно сравнить с профессиональным языком. В широком смысле, юридический язык включает профессиональный юридический язык (т.е., язык, используемый исключительно представителями соответствующей профессии), и непрофессиональный юридический язык (не связанный с профессиональной принадлежностью)

Ключевые слова:

язык права, юридический язык, юридическая лингвистика.

Annotation.

Recognizing the existence of legal linguistics as an independent interdisciplinary field of science, this article highlights the problems existing in this field of knowledge, especially those related to the inconsistent and fragmented nature of research, both from a linguistic and legal point of view. Currently, the lack of an integrated approach, as well as the lack of uniform and sufficient definitions of the phenomena under study, are the main reason for considering the interaction of language and law. The article contains the definition of legal language, establishes its place in the language system, as well as its relation to other linguistic phenomena, including literary language, everyday language and professional language. The article proposes to consider the legal language in narrow and broad aspects. In a narrow sense, legal language can be compared to professional language. In a broad sense, legal language includes professional legal language. The article proposes to consider the legal language in narrow and broad aspects. In a narrow sense, legal language can be compared to professional language. In a broad sense, the legal language includes a professional legal language (i.e. a language used exclusively by representatives of the relevant profession), and a non-professional legal language (not related to professional affiliation)

Keywords:

language of law, legal language, legal linguistics.

В настоящее время юридическую лингвистику можно рассматривать как самостоятельную междисциплинарную область науки. Однако, несмотря на достаточно значительный объем научных работ, разделяющих данную точку зрения, терминология этой области научных исследований достаточно неустойчива и отличается противоречивостью и неоднородностью. Следует отметить, что в настоящее время рассматриваемая научная область не имеет единого определения интересующего нас явления, также как не существует однозначно принятого термина для его обозначения: «язык права», «юридический язык», «язык юристов» — вот те термины, с которыми мы сталкиваемся в академической литературе. Однако в юридической науке принято разграничивать термины «правовой язык» и «язык права».

Современная наука характеризуется большим количеством междисциплинарных исследований. Итак, увеличивающийся интерес исследователей вызывает вопросы, возникающие на стыке права и языкознания. Первые исследования в этой области проводились в начале XIX века в Германии. Однако попытки создания единого подхода были приняты только во второй половине XX века. С тех пор, вопросы взаимодействия языка и права регулярно рассматриваются в работах отечественных и иностранных юристов и лингвистов. Сегодня можно говорить о существовании самостоятельной междисциплинарной научной области. В то же время, процесс формирования новой области науки сопровождается рядом трудностей: нестабильностью терминологической базы, неоднозначностью ее объекта, предмета, задач, методов и границ. Мы считаем, что существующий понятийный аппарат не совершенен и требует уточнения. Также, необходимо указать ключевые характеристики юридического языка. Как и большинство междисциплинарных исследований, исследования в области юридической лингвистики сталкиваются с проблемой использования терминологии из двух наук: права и лингвистики.

По мнению М.В. Костромичевой, эта дисциплина, находящаяся в переходной зоне, «должна в равной степени относиться к лингвистике и юриспруденции. Однако в настоящее время наблюдается явный дисбаланс в пользу языкознания». Исследователь отмечает, что в ходе изучения материй, находящихся на стыке между языком и правом, «чистые» лингвисты обнаруживают высокий уровень языковых знаний в сочетании с недостатком знаний в области права [5]. Лингвисты концентрируются на исследовании отдельных ошибок в языке процессуальных действий и судебного дискурса [10].

С другой стороны, исследования, инициированные учеными-правоведами, часто характеризуются слишком узкой направленностью (отдельные исследования по терминологии, языковой специфике отдельных отраслей права, криминалистической лингвистика и др.) без общего системного подхода, который могла бы обеспечить лингвистика. Более того, такие исследовательские работы, как правило, включают общие рассуждения о точности и прозрачности языка.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать существующие в юридической лингвистике точки зрения на определение юридического языка и его места в языковой системе.

Мы достигли поставленных целей, используя диалектический метод исследования, соответствующий его требованиям в отношении всестороннего и законченного характера изучения явления в его развитии, взаимосвязи и взаимообусловленности.

С учетом предмета исследования можно выделить следующие специальные методы исследования: формально-юридический, формально-логический, системный, статистический, исторический и технико-юридический методы анализа и другие. Ученые считают возможным выделить два направления исследований в области юридической лингвистики. Первое направление непосредственно связано с изучением различных характеристик языка права, тогда как второе ориентировано на вопросы его правового регулирования. А.Е. Боссов провел анализ существующих концепций в области юридических текстов [1]. Согласно автору, все исследования можно условно разделить на преимущественно лингвистические (включая тексты, посвященные терминологии и стилистике, носящие строго теоретический характер) и, напротив, ориентированные на практическое применение, направленное на повышение речевой культуры юристов. По мнению автора, оба вида исследований недостаточны, так как учитывают либо только лингвистические, либо только практические аспекты. Следовательно, можно говорить о необходимости разработки комплексного подхода к изучению явления в области юридической лингвистики, что мы и попытаемся сделать, рассматривая язык права в контексте его функционально-стилистической структуры, в соответствии с иерархией русского языка.

Следует отметить, что в настоящее время рассматриваемая научная область не имеет единого определения интересующего нас явления, также как не существует однозначно принятого термина для его обозначения: «язык права», «юридический язык», «язык юристов» – вот те термины, с которыми мы сталкиваемся в академической литературе. Однако в юридической науке принято разграничивать термины «правовой язык» и «язык права». Так, Н.А. Власенко считает первое более общим, определяя его как «юридический словарь, словарный запас (бассейн) юриспруденции... всю систему слов и выражений (включая термины и понятия), используемые законом во всех его аспектах» [11]. Что касается второго термина, исследователь называет его «лексикой нормативных актов (законов).

Б.П. Спасов разделяет аналогичную точку зрения: «Юридический язык есть целостное понятие, охватывающее несколько типов языка права...». Мы считаем, что приведенных выше определений недостаточно для определения языка права, поскольку они акцентируют только лексический компонент языка, что недостаточно, и не видят явление во всей его полноте.

А.Н. Шепелев предлагает наиболее обобщенное определение термина «правовой язык», подчеркивая его системный характер: «Юридический язык есть элемент правовой жизни», представляющий собой систему, в которой язык является средством реализации правовой сферы общества [8]. Исходя из изложенных выше подходов, мы предлагаем рассматривать юридический язык в двух аспектах: в узком и широком. В каждом из этих аспектов исследование опирается на общие нормы литературного языка, изложенные в правилах орфографии и грамматики, и, скорее, более строго регламентированных для того, чтобы сделать юридические тексты однозначными.

В узком смысле, юридический язык соответствует, на наш взгляд, языку профессиональной коммуникации.

В широком смысле, использование юридического языка не ограничивается исключительно профессионалами. В этом контексте, нельзя говорить о юридическом языке как о чисто профессиональном языке, поскольку законодательная система призвана обслуживать потребности широкого спектра общественных отношений и, следовательно, доступна неограниченному кругу лиц независимо от их профессиональной деятельности.

В широком смысле, юридический язык можно разделить на профессиональный юридический язык (т.е., используемый исключительно представителями соответствующей профессии) и непрофессиональный юридический язык (не связанный с профессиональной принадлежностью говорящих и адресатов), поскольку, на наш взгляд, в определенных ситуациях язык может использоваться лицами, не являющимися юристами (например, при подаче искового заявления) [7].

Как мы уже отмечали, юридический язык представляет собой сложное многоуровневое образование, проявляющее себя в различных формах. В связи с этим, существует также множество теорий относительно места юридического языка и его отношение к различным планам существования языка вообще.

Таким образом, существуют две основные точки зрения на сущность юридического языка

и его отношение к литературному языку. Первая предполагает полное слияние юридического и литературного языков. Текст закона, написанный на русском языке, должен быть понятен всем его носителям, а законопослушность предполагает понимание законов. Следовательно, конкретный юридический язык сводится к профессиональному жаргону юристов.

Сторонники второй линии мысли настаивают на различии двух языков, поскольку, по их мнению, любой юридический текст создается и затем интерпретируется профессионалами. Создание содержимого, доступного для неюристов, является задачей правоведа (адвоката, юрисконсульта, судьи и т.п.).

Таким образом, эта точка зрения ориентирует нас на юридический язык как на язык закрытой профессиональной группы, о которой мы поговорим позже, сравнивая юридический язык с другими профессиональными языками.

Несомненно, функционирование юридического языка опирается на общие нормы литературного языка, которые изложены в правилах орфографии и грамматики, и часто характеризуется дополнительными, более строгими нормами, призванными сделать юридические тексты четкими и недвусмысленными.

Языкознание и юридическая лингвистика содержат широко распространенный взгляд на юридический язык как на один из подстилей или функциональных стилей литературного языка. Так, например, А.Н. Шепелев и другие исследователи подчеркивают необходимость рассматривать язык права как самостоятельный функциональный стиль русского языка, возникший в результате развития юридической науки. Наиболее подробное исследование юридического языка как самостоятельного функционального стиля было проведено А.Н. Шепелевым. Он последовательно соотносит юридический язык с существующими функциональными стилями литературного языка (официально-деловым, научным, публицистическим и разговорно-бытовым) приходя к выводу, что «анализ каждого из существующих функциональных стилей доказывает, что ни один из них полностью не соответствует элементу языка права. Эти элементы оказываются шире, включая компоненты из нескольких стилей одновременно» [8].

В.У. Туранин указывает на необходимость разграничения общелитературного языка, «используемого для художественного выражения различных явлений и процессов» и литературных подъязыков, «необходимых для описания конкретных явлений и процессов, характерных для отдельных областей знаний, обладающих всеми признаками литературного языка, но имеющих свои особенности» [9]. Юридический язык ученый отождествляет с последним.

Мы не можем отрицать того факта, что юридический язык (в частности, его письменная форма) основан на литературном языке по своей сути. Тем не менее, мы не можем полностью согласиться с точками зрения, предполагающими их эквивалентности, или рассматривать юридический язык как один из литературных подъязыков. Как не диалектный литературный язык, он контрастирует с диалектами и другими нелитературными языковыми формами.

По нашему мнению, юридический язык значительно шире литературного и включает в себя нелитературные языковые формы. Среди других нелитературных языковых форм бытовая разговорная речь, разговорный язык и диалекты представляют особый интерес для нашего исследования.

Существуют две точки зрения на соотношение между юридическим языком и повседневным языком. Первая подразумевает, что юридический язык не предназначен для повседневного общения, использования, ведь юридический язык возникает только в случае соприкосновения с законом.

Сторонники противоположной позиции настаивают на том, что юридический язык основывается на повседневном языке. Так, И. Сабо утверждает: «То, что называется юридическим языком, по сути, является ничем иным, как общепринятым языком, дополненным специальными выражениями и техническими терминами, означающими язык, который точнее употребляет бытовые выражения» [6].

Мы уделяем особое внимание соотношению между юридическим языком и территориально-правовыми профессиональными диалектами. Именно вокруг этой темы развернулись основные споры о сущности юридического языка. Вопрос о проникновении территориальных диалектов в юридический язык почти не рассматривается учеными. Можно предположить, что влияние территориальной речи на юридический язык полностью исключено. Действительно, нельзя найти диалектизмы, скажем, в писанных федеральных законах, однако есть лексический пласт, пришедший в язык из региональных и территориальных диалектов. В узком смысле, юридический язык сравним, на наш взгляд, с профессиональным языком. Вслед за М.Л. Давыдовой мы пола-

гаем, что правильнее было бы говорить о юридическом языке как о целостном явлении, функционирующим в различных областях юридической работы и, следовательно, использующим несколько классических функциональных стилей русского языка [3]. Однако мы не сводим юридический язык к единой терминологической системе. По нашему мнению, помимо терминов, профессиональные слова употребляются в разговорной речи людей, связанных определенной профессией [2].

В широком смысле, использование юридического языка не ограничивается употреблением исключительно юристами. В этом контексте, нельзя говорить о юридическом языке как о чисто профессиональном языке, поскольку законодательная система призвана обслуживать потребности широкого спектра общественных отношений и, следовательно, доступна неограниченному кругу лиц независимо от их профессиональной деятельности.

Мы считаем, что обывденный язык составляет основу юридической речи точно так же, как литературный язык является основой письменной формы юридического языка. Следовательно, мы полагаем, что в своем функционировании юридический язык опирается на общие нормы права.

Литературный язык, изложенный в орфографических правилах и грамматиках, часто характеризуется, как призванный сделать юридические тексты четкими и недвусмысленными. Это связано с пониманием того, что юридический язык в своем функционировании использует различные стили и характерные для них языковые средства для выполнения коммуникативных задач.

Мы предлагаем следующее определение юридического языка: знаковая система, предназначенная для выражения информационной составляющей системы права, обеспечивающая творческую, исполнительскую, научную и воспитательную деятельность.

Век информационных технологий предлагает рассматривать язык как цифровую систему передачи информации, что порождает все новые способы и пути развития языковых стилей. Цифровизация всех сфер жизни общества наглядно демонстрирует необходимость рассматривать применение знаковых систем в виртуальном пространстве как развивающуюся модель современной коммуникации.

Литература:

1. Боссов А.Е. Функционирование терминов в национальных лингвоправовых текстах второй половины XX – начала XXI века в свете данных дискурсивного анализа (док. Диссертация). Н. Новгород : Нижегородский государственный университет, 2009.
2. Чуфарова Е.Н. Юридические термины, профессиональная лексика и профессиональный сленг: проблема различия между понятиями / Е.Н. Чуфарова // Право и политика. 2018. № 2. С. 9–14.
3. Давыдова М.Л. О стиле языка права. Юридическая лингвистика. 2011. № 11. С. 67–76.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Образовательный тезаурус : в 2-х т. М. : Русский язык. 2018. Т. 2. С. 367.
5. Костромичева М.В. Юридическая лингвистика: рассмотрение отношений между языком и законом. Центрально-российский журнал социальных наук. 2007. № 3(2). С. 57–61.
6. Сабо И. Социалистическое право. М. : Прогресс., 2016.
7. Спасов Б.П. Право и его интерпретация. Москва: Юридическая литература., 2016.
8. Шепелев А.Н. Юридический язык как явление правовой жизни / А.Н. Шепелев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2010. № 8(148). С. 65–70.
9. Туранин В.У. О феномене юридического языка. Современное право. 2015. № 7. С. 7–10.
10. Зубарев В.С. Язык и стиль обвинения / В.С. Зубарев, В.Ф. Статкус, Л.П. Крысин. М., 2017.
11. Власенко Н.А. Язык права. М. : Инфра-М., 2016.

Literature:

1. Bossov A.E. Functioning of terms in national linguo-law texts of the second half of the XX – the beginning of the XXI century in the light of discursive analysis data (doc. Dissertation). N. Novgorod : Nizhny Novgorod State University, 2009
2. Chufarova E.N. Legal terms, professional vocabulary and professional slang: the problem of difference between concepts / E.N. Chufarova // Law and Politics. 2018. № 2. P. 9–14.
3. Davydova M.L. On the style of the language of law. Legal Linguistics. 2011. № 11. P. 67–76.

4. Efremova T.F. Novyi slovar'skogo yazyka. Educational thesaurus : in 2 vol. M. : Russian Language, 2018. Vol. 2. P. 367.
5. Kostromicheva M.V. Legal Linguistics: Consideration of the Relationship Between Language and Law / M.V. Kostromicheva // Central Russian Journal of Social Sciences. 2007. № 3(2). P. 57–61.
6. Sabot. And. Socialist law. M. : Progress., 2016.
7. Spasov B.P. Pravo i ego interpretation. M. : Yurydychnaya literatura, 2016.
8. Shepelev A.N. Legal language as a phenomenon of legal life / A.N. Shepelev // Vestnik Tambovskogo universiteta. Series: Humanities, 2010. № 8(148). P. 65–70.
9. Turanin, V. U. On the phenomenon of legal language. Modern Law. 2015. № 7. P. 7–10.
10. Zubarev V.S. Language and style of accusation / V.S. Zubarev, V.F. Statkus, L.P. Krysin. M., 2017.
11. Vlasenko N.A. Yazyk prava. M. : Infra-M., 2016.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(РУБРИКА НЕ ВКЛЮЧЕНА В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК ПРИ МИНОБРНАУКЕ РФ)

**ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**HUMANITARIAN EDUCATION IN MODERN RUSSIA
IN THE PROBLEM FIELD OF PEDAGOGICAL SCIENCE**

Гришай Елена Васильевна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
ev-grishay@mail.ru

Elena V. Grishay

Doctor of Philosophy Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ev-grishay@mail.ru

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор,
главный редактор,
Всероссийский научный журнал
«Гуманитарные,
социально-экономические
и общественные науки»
popov-52@mail.ru

Mikhail U. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Editor-in-Chief,
All-Russian Scientific Journal
«Humanitarian, Socio-Economic
and Social Sciences»
popov-52@mail.ru

Аннотация.

Современное гуманитарное образование, по мнению авторов публикации, находится в состоянии глубокого кризиса, причины которого они пытаются выяснить, проводя исторический анализ его состояния в советском обществе и отмечая, что оно находилось под жестоким идеологическим давлением со стороны КПСС, что препятствовало формированию у студентов вузов на протяжении десятилетий научного мировоззрения, что в итоге, привело к формированию у основной массы населения страны, включая его политическое руководство, деформированного представления как о социалистической, так и о капиталистической моделях общественного развития, что, по мнению авторов, и привело к краху коммунистической идеологии в СССР и странах Восточной Европы с последующим распадом нашей страны, чему также способствовала и реализация доктрины А. Даллеса. В завершение публикации авторы определяют основные векторы развития гуманитарного образования в нашей стране на базе современного гуманитарного знания как базового условия формирования у выпускников вузов научного мировоззрения.

Ключевые слова:

гуманитарное образование, марксистско- ленинская идеология, научное мировоззрение, социалистический путь развития, капиталистическая формация, коллективный Запад.

Annotation.

Modern humanitarian education, according to the authors of the publication, is in a state of deep crisis, the causes of which they are trying to find out by conducting a historical analysis of its state in Soviet society and noting that it was under severe ideological pressure from the CPSU, which prevented the formation of a scientific worldview among university students for decades, which eventually led to the formation of a scientific worldview among the bulk of the country's population. including his political leadership, a distorted view of both socialist and capitalist models of social

development that. According to the authors, it led to the collapse of communist ideology in the USSR and the countries of Eastern Europe with the subsequent disintegration of our country, which was also facilitated by the implementation of the doctrine of A. Dulles. At the end of the publication, the authors determine the main vectors of development of humanitarian education in our country on the basis of modern humanitarian knowledge as the basic condition for the formation of graduates of universities of scientific worldview.

Keywords: humanitarian education, Marxist-Leninist ideology, scientific worldview, socialist path of development, capitalist formation, collective West.

Как известно, постсоветский период отечественной истории отмечен продолжительным системным кризисом, сопровождавшим трансформацию российского социума из советской модели социально-экономического развития, исповедуемого государствами, так называемой, социалистической ориентации, к традиционной для коллективного Запада либеральной модели развития с характерными для нее ценностями западной демократии, рыночной экономики и общества потребления. Коснулся этот революционный, по своим масштабам и глубине преобразований процесс, отечественной системы образования, которое независимо от его профиля, было подчинено жесткому идеологическому влиянию, когда не только историки, философы и представители других общественных наук, но и физики, математики, биологи другие представители естественных и других наук были обязаны отражать в своих лекционных курсах, в методических и других материалах, не говоря уже о кандидатских и докторских диссертациях, ссылаться на работы классиков марксизма-ленинизма, на документы и решения съездов и пленумов КПСС.

Помимо этого, во всех вузах страны обязательным было преподавание курсов марксистско-ленинской философии [1], научного коммунизма [2], политической экономии (политэкономии) [3], истории КПСС, а также, спецкурсов, посвященных решениям съездов и пленумов ЦК КПСС, материалы которых, как и учебная литература по данным направлениям издавалась в специально созданном издательстве «Политическая литература» многомиллионными тиражами, деятельность которого курировал Отдел пропаганды ЦК КПСС. Более того, выпускники всех советских вузов, помимо государственного экзамена и защиты диплома по профильной специальности, должны были сдавать государственный экзамен по научному коммунизму, а гуманитарии – еще и по истории КПСС. Вполне естественно, если гуманитарии достаточно спокойно реагировали на эти требования, то у, так называемых, «технарей» и у представителей естественных наук они традиционно вызывали, с трудом скрываемую, протестную реакцию.

К нашему глубокому сожалению, у основной массы студенчества, обучавшейся не по общественным наукам, отношение к гуманитарным знаниям было, мягко выражаясь, весьма пренебрежительным, как к обременительной образовательной нагрузке, вероятнее всего, в том числе, и по вине преподавателей гуманитарных, социально-экономических и общественных наук, которые сами находились под влиянием догматической марксистско-ленинской идеологии, ориентированной на формирование мировоззрения студенчества в достаточно узком диапазоне знаний, ориентированных на убеждение обучающихся в преимуществах социалистической модели развития, к которой должно перейти все мировое сообщество, над капиталистической, обреченной на поражение в соревновании этих двух противоборствующих систем.

Вне всякого сомнения, эти предметы, по своей мировоззренческой сущности, были весьма далекими от решения задачи формирования у студенчества научного мировоззрения, что выражалось, в частности, в широко бытующем у выпускников вузов негуманитарного профиля пренебрежительном отношении к преподаваемым им гуманитарным наукам как к ненужным и даже обременительным знаниям.

Таким образом, весь комплекс общественных наук, преподаваемых на всех уровнях образования в СССР, в связи с их острой идеологической направленностью, был весьма далек от их функции, направленной на формирование у обучающихся научного мировоззрения, благодаря которому, у выпускников вузов должна была формироваться знание, узко ориентированное на их профессиональную деятельность и на обыденное восприятие мира, в котором они живут, а не на целостное научное представление об окружающей действительности, что позволяло бы им занимать осознанную гражданскую позицию, в том числе, и к той социально-политической реальности, с которой они сталкивались на протяжении своей жизни в Советском Союзе, что явно не устраивало её политическое руководство в стремлении манипулировать общественным созна-

нием своих граждан в угоду своим политическим интересам с использованием различных инструментов в условиях «железного занавеса», созданного с обеих сторон лидерами противостоящих социально-политических систем.

В то же время, ущербность гуманитарного образования в Советском Союзе привела, например, к тому, что в массовом сознании советских людей, многие годы живущих в условиях тотального дефицита товаров народного потребления, продуктов питания и услуг, благодаря, в частности, и влиянию на него западной пропаганды, постепенно складывалось впечатление о жизни по ту сторону «железного занавеса» как об обществе всеобщего благоденствия. Эта иллюзия подкреплялась впечатлениями наших граждан, посещавших страны Запада, вступало в противоречие с государственной идеологией, пропагандирующей преимущество социалистической модели общественного развития перед капиталистической. Следует, в данном случае, учитывать и то обстоятельство, что советское общество практически сразу после завершения Второй мировой войны оказалось объектом «холодной войны», организованной Западом. Одним из её инициаторов был А. Даллес, директор ЦРУ, который в 1948 г., директором ЦРУ, который стал инициатором доктрины, направленной на развал Советского Союза в результате победы над ним в идеологической и информационной войне. В частности, он заявлял: «Мы бросим всё, что имеем, всё золото, всю материальную мощь и ресурсы на оболванивание и одурачивание людей. Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые... Мы найдём своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России... Литература, театр, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Мы будем расшатывать, таким образом, поколение за поколением. Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них космополитов... Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного угасания его самосознания» [5].

И, судя по событиям, происшедшим в нашей стране за короткий период времени, начиная с 1986 по 1991 годы, этот проект нашим идейным противникам удалось успешно реализовать, чему способствовал комплекс внутренних проблем, среди которых следует выделить:

– затянувшийся в нашей стране экономический кризис, вызванный не только гонкой вооружений, но и действиями команды реформаторов во главе с М.С. Горбачевым, которая, приступив к преобразованию советского общества, не только не имела научно обоснованной стратегии реформ, что мы уже отмечали в данной публикации, но и, в подавляющем большинстве, включая и идеологический аппарат КПСС, не обладала той суммой гуманитарных знаний, благодаря которым, они были бы обладателями и проводниками научного мировоззрения. Но, по объективным обстоятельствам, все руководство нашей страны на протяжении десятилетий советской власти обладало гуманитарными знаниями, ограниченными марксистско – ленинским учением об общественном развитии, владение которым никак не могло способствовать формированию у советской элиты научного мировоззрения, под которым, в частности, понимается представление о явлениях доступных научному познанию, потому что именно наука, научное мышление и являются инструментом формирования научного мировоззрения.

Именно ограниченность доступа советской элиты, как и практически всего советского общества, к научному знанию в полном объеме: к историческому, естественно-историческому или социальному, к абстрактному, опытному или описательному знанию, которые и составляют научные истины [6, с. 394], лежащим в основе научного мировоззрения, не позволило им сформировать в своем сознании научную картину мира, которая оказывает влияние на все формы жизни, мысли и чувства человека и заключают в себе единственные проявления истины для всех времен и для всех людей являются бесспорными [7].

Исходя из вышеизложенного, мы пришли к выводу о том, что именно отсутствие у руководства СССР и у граждан нашей страны в 1980-е – в начале 1990-х гг. суммы знаний, необходимых для формирования научного мировоззрения, привело к тому, что они оказались в плену иллюзий в отношении того, что западное общество является эталонной формой общественного развития, что способствовало, в том числе и реализации доктрины А. Даллеса, что, в совокупности, только ускорило процесс духовно-нравственного и идейного разложения советского общества, за которыми последовал распад нашей страны, а за ним – системный кризис в постсоветской России.

Обращаясь же к теме гуманитаризации отечественного образования, мы убеждены в том,

что только комплексный подход к его формированию в современной российской педагогической науке позволит выпускникам учебных заведений быть носителями научного мировоззрения, которое в сумме с профессиональными знаниями позволит быть им не только хорошими специалистами, но и быть гражданами своего государства, осознающими свою ответственность за настоящее и будущее своего Отечества.

В настоящее же время, в силу объективных и субъективных обстоятельств, гуманитарные науки, спустя тридцать лет, прошедших после распада СССР, так и не заняли достойного места в структуре российского образования на всех его уровнях, продолжая находиться в кризисном состоянии, свидетельством чему является и сложная криминогенная обстановка в нашей стране, и системная коррупция практически на всех уровнях государственной власти, в его экономической и хозяйственной сферах.

Литература:

1. Ракитов А.И. Марксистско-ленинская философия. Учебник для вузов. Политиздат. М., 1986. 500 с.
2. Научный коммунизм. Учебник для вузов. Политиздат / П.Н. Федосеев [и др.]. М., 1982. 431 с.
3. Политическая экономия / К.В. Островитянов, Д.Т. Шепилов [и др.]. М. : Политиздат, 1954. 455 с.
4. История Коммунистической партии Советского Союза / Б.Н. Пономарев [и др.]. М. : Политиздат. 1982. 785 с.
5. Развал СССР, развал России, Гарвардский и Хьюстонский проекты, директива Алена Даллеса 1948 г. URL : https://ecodelo.org/mikhail_gunkin/3905-razval_ussr_razval_rossii_garvardskii_i_khyustonskii_proekty_direktiva_alena_dal
6. Культурология / Под ред. А.А. Радугина. М. : Центр, 1997. 514 с.
7. Влияние научного мировоззрения на формирование нашего духовного мира. URL : <https://obrazovanie-gid.ru/soobscheniya/vliyanie-nauchnogo-mirovozzreniya-na-formirovanie-nashego-duhovnogo-mira-soobschenie.html> (обновлено 27.03.2023).

Literature:

1. Rakitov A.I. Marxist-Leninist philosophy. Textbook for universities. Politizdat. M., 1986. 500 p.
2. Fedoseev P.N. et al. Scientific communism. Textbook for universities. Politizdat. M., 1982. 431 p.
3. Political economy / K.V. Ostrovityanov, D.T. Shepilov, [et al.]. M. : Politizdat, 1954. 455 p.
4. History of the Communist Party of the Soviet Union / B.N. Ponomarev [et al.]. M. : Politizdat, 1982. 785 p.
5. The collapse of the USSR, the collapse of Russia, the Harvard and Houston projects, the directive of Allen Dulles 1948. URL : https://ecodelo.org/mikhail_gunkin/3905-razval_ussr_razval_rossii_garvardskii_i_khyustonskii_proekty_direktiva_alena_dal
6. Cultural studies / Edited by A.A. Radugin. M. : Center, 1997. 514 p.
7. The influence of scientific worldview on the formation of our spiritual world// <https://obrazovanie-gid.ru/soobscheniya/vliyanie-nauchnogo-mirovozzreniya-na-formirovanie-nashego-duhovnogo-mira-soobschenie.html> (Updated 03/27/2023).

**ФУНКЦИИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ**

**THE FUNCTIONS OF A GENERAL EDUCATION ORGANIZATION
IN THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR
OF ADOLESCENTS USING DIGITAL TOOLS**

Залужная Мария Васильевна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социальной педагогики,
Донской государственный
технический университет,
заместитель директора по НМР,
Азовский центр помощи детям
zaluzhnaya.mari@mail.ru

Maria V. Zaluzhnaya

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Social Pedagogy,
Don State Technical University,
Deputy Director for NMR,
Azov Children's Aid Center
zaluzhnaya.mari@mail.ru

Байер Елена Александровна

доктор педагогических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
социальной педагогики,
Донской государственный
технический университет,
директор,
Азовский центр помощи детям
elenabaier@list.ru

Elena A. Bayer

Doctor of Pedagogical Sciences,
Assistant Professor,
Head of Department Social Pedagogy,
Don State Technical University,
Director,
Azov Children's Help Center
elenabaier@list.ru

Аннотация. Статья представляет практический интерес для специалистов, работающих с детским контингентом населения: учителей, психологов, социальных педагогов и других. Авторами представлены функции общеобразовательной организации в профилактике девиантного поведения подростков с использованием цифровых инструментов. В работе раскрыты регулятивно-предупредительная, обеспечивающая, защитная, воспитательная и контролирующая функции. Авторы акцентируют внимание читателей на проблемном поле нарушения поведения подростков и на профилактике со стороны образовательной организации в отношении работы с девиантными подростками как важнейшим фактором его социализации.

Ключевые слова:

подростки, школьники, девиантное поведение, профилактика девиантного поведения, цифровые инструменты.

Annotation.

The article is of practical interest for specialists working with the children's population: teachers, psychologists, social educators and others. The authors present the functions of a general education organization in the prevention of deviant behavior of adolescents using digital tools. Regulatory-preventive, providing, protective, educational and controlling functions are disclosed in the work. The authors focus readers' attention on the problematic field of adolescent behavior disorders and on prevention by an educational organization regarding work with deviant adolescents as the most important factor in its socialization.

Keywords:

teenagers, schoolchildren, deviant behavior, prevention of deviant behavior, digital tools.

Введение.

Процесс профилактики девиантного поведения подростков в образовательной организации не ограничивается каким-либо разовым мероприятием. Помимо этого, в условиях современных реалий цифровизации воспитательно-образовательной деятельности учебных заведений этот процесс обусловлен поиском и разработкой новых стратегических направлений, связанных с исследованием социально-педагогического потенциала цифровой среды в профилактической деятельности девиантного поведения подрастающего поколения. Важно понимать, что влияние интернета на детей резко отличается от влияния его на взрослых. Дети легко управлять, манипулировать ими, их сознанием, менять несформированное у них понятие о мире.

Основная часть.

В этой связи, функции социально-педагогической деятельности общеобразовательной школы расширяются в общеизвестном диапазоне [2, с. 52].

Регулятивно-предупредительная функция приобретает новые стратегические деятельностные направления, связанные с исследованием и направленным моделированием пространств виртуальной среды образовательного учреждения, информационное качество которой необходимо планировать и структурировать таким образом:

- чтобы качество профилактической информации было адекватно воспринято подростками, влияло на положительный характер их социализации в образовательном учреждении;
- как правило, школа (после семьи) играет определяющую роль в социализации подростка, в связи с чем, формируемое школьное цифровое пространство, так или иначе, создает для них новое социальное виртуальное измерение (языковое, социокультурное, межличностное и т.д.), в котором закладываются и развиваются особенности группового взаимодействия, формируется свой поведенческий этикет, трансформируются принципы самовыражения и самоидентификации;
- в таком цифровом пространстве увеличивается количество возможностей для определения причин девиантного поведения, источников дискомфорта, обуславливающих проявление отклоняющегося поведения (как в самом подростке, так и в окружающей его социальной среде), личностных проблем [1, с. 203].

Обеспечивающая функция, которая позволяет в условия цифровизации образовательной среды в достаточно быстрое время согласовывать взаимодействие всех участников образовательного процесса (самого подростка, его родителей, учителей, администрации, законных представителей и других специалистов), а это, в свою очередь, позволяет наиболее быстро подойти к решению возникшей проблемы или предпринять необходимые меры для ее устранения/профилактики.

Говоря об обеспечивающей функции, необходимо отметить, что педагогу самому необходимо быть примером использования современных инструментов коммуникации, постоянно обеспечивать обратную связь с обучающимися, целенаправленно активизировать их деятельность (даже в дистанционном режиме). Такие возможности позволяют уделять подростку с девиантным поведением гораздо больше времени, общаясь с ним и обращаясь к нему или его родителям или законным представителям в любое время.

Охранительная (защитная) функция в условиях цифровизации социально-педагогической деятельности общеобразовательной школы по профилактике девиантного поведения среди подростков также обогащается возможностями, которые можно использовать для формирования новых навыков/опыта подростка за счет действия различных факторов:

- привлечения внимания, играющего отвлекающий характер;
- повышение информированности для привлечения внимания подростка к проблеме;
- убеждение;
- осознание собственного риска (на этапе «Преднамерение» социально-педагогической деятельности, где важным становится максимальное информационное воздействие, информационные занятия и т.п.);
- снабжение подростка фактической (что очень важно, так как подростки, зачастую, в личном разговоре склонны воспринимать его как моральные наставления) информацией о степени риска (информация должна быть доступной подростку по URL-адресам, которые педагог тщательно отбирает в соответствии с поставленной целью и задачами;
- в условиях цифровизации социально-педагогической деятельности по профилактике девиантного поведения такой подход обеспечивает существенное расширение информационного профилактического воздействия).

Воспитательная функция в условиях цифровизации образовательной среды школы расширяется возможностями просветительской деятельности, обеспечения доступа к плану воспитательных мероприятий (график и план которых размещаются на сайте школы/класса/школьного сообщества и др.) [3, с. 70]. Информированность в проведении мероприятий возрастает, что приводит, в свою очередь, к возрастанию степени участия в них подростков, склонных к девиантному поведению и, соответственно, использованию этой возможности для демонстрации всевозможных аргументов в пользу изменения привычного для такого подростка поведения.

Функция контроля и коррекции может, расширять свои границы за счет оперативного анонимного общения, обращений, предупреждений или просьб о помощи, что позволяет, например, ускорить сам процесс реагирования на проблему и результативность ее решения; также в связи с тем, что общение в виртуальной среде становится неотъемлемой частью коммуникативного взаимодействия подрастающей молодежи, в качестве одного из способов наблюдения, коррекции и сопровождения может быть реализована функция ведения виртуального онлайн-дневника обучающихся [4, с. 250; 5, с. 110].

Выводы.

Говоря о современных условиях реализации социально-педагогической деятельности образовательного учреждения по профилактике девиантного поведения среди подростков, необходимо отметить, что процесс профилактики, будучи важнейшим фактором социализации подростка, является многоаспектным процессом. В ходе него осуществляется опосредование личности через приобщение к «всеобщему социальному» и осознание себя как субъекта социальных отношений.

Цифровизация образовательной среды школ привела к тому, что в спектр стратегических направлений профилактики девиантного поведения устойчиво входит термин «киберсоциализация подростка» как феномен, отражающий новую грань влияний на профилактические меры. Психолого- и социально-педагогические особенности использования киберсоциализации в работе с подростками, демонстрирующими девиантное поведение, определены сегодня исследованием роли данного феномена в процессе цифрового коммуникативного взаимодействия, разработки стратегии индивидуального консультирования и т.п., оказывающих прямое воздействие на социальное воспитание и становление личности подростка.

Литература:

1. Бубнова И.С. Социально-педагогическое сопровождение как средство профилактики девиантного поведения у подростков из многодетных семей / И.С. Бубнова, В.И. Рерке // Педагогический ИМИДЖ. 2019. № 2(43). С. 202–212.
2. Буртонова И.Б. Социально-педагогические стратегии профилактики девиантного поведения подростков в условиях общеобразовательной школы / И.Б. Буртонова // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2015. № 3. С. 48–54.
3. Дибиров М.И. Специально организованная воспитательная деятельность как фактор профилактики и коррекции девиантного поведения подростка / М.И. Дибиров // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2017. № 4. С. 67–72.
4. Сукало А.А. Роль социального педагога как субъекта профилактики отклоняющегося поведения подростков / А.А. Сукало, Т.В. Гудина // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5(92). С. 240–254.
5. Чухрова М.Г. Новые подходы к проведению скрининга по выявлению девиантного поведения среди подростков / М.Г. Чухрова, С.В. Пронин, Я.А. Елинская // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2018. № 1. С. 104–112.

Literature:

1. Bubnova I.S. Socio-pedagogical support as a means of preventing deviant behavior in adolescents from large families / I.S. Bubnova, V.I. Rerke // Pedagogical IMAGE. 2019. № 2(43). P. 202–212.
2. Burtonova I.B. Socio-pedagogical strategies for the prevention of deviant behavior of adolescents in a general education school / I.B. Burtonova // Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society/ I.B. Burtonova // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Education. Personality. Society. 2015. № 3. P. 48–54.

3. Dibirov M.I. Specially organized educational activity as a factor in the prevention and correction of deviant behavior of a teenager / M.I. Dibirov // Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Psychological and pedagogical sciences. 2017. № 4. P. 67–72.
4. Sukalo A.A. The role of a social pedagogue as a subject of prevention of deviant behavior in adolescents / A.A. Sukalo, T.V. Gudim // Bulletin of the Cherepovets State University. 2019. № 5(92). P. 240–254.
5. Chukhrova M.G. New approaches to screening to identify deviant behavior among adolescents / M.G. Chukhrova, S.V. Pronin, Ya.A. Elinskaya // Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Science and Society». 2018. № 1. P. 104–112.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE PROBLEMATIC FIELD OF MODERN RUSSIAN EDUCATION

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

Mikhail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

Аннотация. Тема образования на протяжении длительного времени находится в центре внимания не только представителей педагогического сообщества, но и представителей других направлений науки, всех уровней образования. С учетом же того обстоятельства, что руководством нашей страны на протяжении нескольких месяцев этой уделяется внимание в контексте противостояния нашей страны против коллективного Запада, его санкций, в том числе, и в научно-образовательной сфере, автор данной публикации провел исследование, посвященное анализу достаточно широкого круга проблем, с которыми сталкивается отечественное образование со времени распада СССР.

Ключевые слова: российское образование, Болонская система, высшее образование, коммерциализация образования, бюрократизация образования, менеджериализация образования.

Annotation. The topic of education for a long time has been in the center of attention not only of representatives of the pedagogical community, but also of representatives of other areas of science, all levels of education. Taking into account the fact that the leadership of our country has been paying attention to this for several months in the context of the confrontation of our country against the collective West, its sanctions, including in the scientific and educational sphere, the author of this publication conducted a study devoted to the analysis of a fairly wide range of problems faced by domestic education since the collapse of the USSR.

Keywords: Russian education, Bologna system, higher education, commercialization of education, bureaucratization of education, management of education.

Российское образование в результате известных событий 1991 года, приведших к распаду СССР, оказалось в весьма сложном положении после радикальных преобразований, происшедших в нашей стране после отказа его руководства от советской модели социально-экономического развития страны.

Следствием столь радикального подхода руководства Российской Федерации к будущему нашей страны, которое взяло курс на продолжение демократических преобразований, начатых М.С. Горбачевым во второй половине 1980-х гг. под лозунгом перестройки, которая, как известно, спровоцировала системный кризис и сепаратистские настроения на всей территории СССР, что стало подтверждением бессистемного подхода команды Горбачева к преобразованиям в советском обществе, что подтверждается его ответом на вопрос: «У вас была стратегия реформирования или вы нащупывали каждый дальнейший шаг?», на который он отреагировал следующей фразой: «Мне было многое понятно и раньше, но о программах не могло быть и речи, иначе я с группой товарищей

Не избежало многочисленных проблем и руководство демократической России, которое с первых дней его существования как субъекта международного права, находясь под влиянием надежд на достаточно быстрое реформирование российской экономики и её социально-политической сферы по западным стандартам, благодаря собственным богатым природным ресурсам и западной помощи, вынуждено было признать, что нашей стране, прежде чем достичь, хотя бы

подобия высокого качества жизни развитых стран, предстоит преодолеть многочисленные трудности, практически во всех сферах государственной и общественной жизни. Усугубляло сложность решения задач по реформированию страны, как мы уже отмечали выше, было отсутствие у руководства России, как и у его предшественников, научно обоснованной стратегии её преобразований в новых исторических условиях, свидетельством чего, являются многочисленные проекты реформ, в ходе реализации каждого из них, все сферы, которые они затрагивали, оказывались в состоянии глубокого кризиса, в результате чего, постсоветское российское общество оказалось в условиях системного кризиса, пик которого пришелся на конец 1990-х на начало 2000-х гг. на его причину мы уже указали в начале нашей публикации, вследствие чего, первые годы руководство нашей страны, находящейся несколько лет в состоянии правового вакуума и политической нестабильности, выход из него попыталось найти в переводе всей системы социально-экономических отношений в стране на рельсы рыночной экономики, которые мы охарактеризовали как криминально-рыночные отношения, чему способствовал правовой вакуум и политическая нестабильность, но и разгул коррупции практически во всех властных структурах.

Если же обратиться к теме нашего исследования, то в первое десятилетие российское образование оказалось в крайне тяжелом состоянии, вызванном целым рядом причин, среди которых мы выделяем:

- деполитизацию образования, из структуры которого были изъята вся учебная литература и образовательные программы, пропагандирующие марксистско-ленинскую идеологию, что, в первую очередь, фактически обрушило гуманитарное образование из-за невозможности сиюминутной его замены другими образовательными проектами;
- крайне скудное финансирование всей системы образования из государственного бюджета по остаточному принципу, что привело:
  - к оттоку из его структуры преподавательских кадров из-за нищенской заработной платы, вынужденных искать средства для существования в других сферах деятельности;
  - к фактическому отсутствию средств для содержания учебных заведений и обеспечения учебного процесса в них.

Осложняло ситуацию во всех сферах отечественного образования потеря у немалой части молодежи интереса к образованию как к не престижному виду деятельности, непреносимому доходу, а, следовательно, непозволяющему человеку вести достойный образ жизни.

Таким образом, в какой-то период времени, отечественная система образования оказалась в тупиковом положении, поиск выхода из которого был предложен западными кураторами. Так, одним из путей вывода, в частности, гуманитарного образования из кризисного состояния был предложен Фондом Сороса, который, начиная с 1987 после образования организации «Фонд Сороса – Советский Союз», активно включился в культурную и образовательную сферы нашей страны, одним из направлений которого было, в частности финансирование публикаций учебников по гуманитарным наукам, преднамеренно искажающим не только историю нашей страны, но и российскую самобытность, величие русской культуры и роли нашей страны в мировом цивилизационном процессе [2]. К сожалению, они, по-прежнему продолжают отравлять сознание молодежи, деформируя его мировоззрение пропагандой преимущества западного образа жизни [2]. И, несмотря на то, Генпрокуратура РФ в 2015 году признала нежелательной деятельность на территории России организаций «Открытое общество» и «Открытое общество фонд содействия», являющимися структурными подразделениями Фонда Сороса, практически в каждой библиотеке можно найти литературу, профинансированную им.

Следует также отметить, Фонд Сороса является далеко не единственной организацией, ведущей антироссийскую деятельность. По сведениям источника, их в только в период с 1991 до 2011 годы насчитывалось более двух десятков, на финансирование деятельности которых только США выделили на разного рода «программы помощи» России выделили около 20 млрд долл. [3].

Вторым не менее сложным для решения был вопрос финансирования отечественного образования, решение которого, может быть, из-за крайне сложной экономической ситуации в стране, было найдено в его коммерциализации, практически на всех уровнях. По нашему мнению, реализация этого проекта дала, на определенное время, положительный результат, позволяя ему сохраниться и получить определенный стимул для развития, но, как оказалось на практике, начавшийся, например, процесс коммерциализации высшего образования привел к тому, что через 15 лет, в 2017 году, по подсчетам портала «Проект», внебюджетный доход 447 федеральных вузов обогнал долю субсидий на госзадание. А это значит, что государство, к тому времени, перестало быть основным заказчиком вузов не только по числу учащихся, по содержанию

учебного процесса, но и по объему заработанного. Анализируя же выше сказанное, А. Вахмяни, автор данной публикации отмечает, что переизбыток платных студентов привел к тому, что рынок труда наполнился невостребованными работодателями выпускниками вузов, часть из которых никогда не будут работать по полученной специальности [4].

В продолжение темы коммерциализации высшего образования, в частности, Н.Л. Борщова отмечает, что с 1993 по 2005 годы число государственных вузов в нашей стране выросло в 1,2 раза, а число негосударственных вузов – в 5 раз. Автор, кстати, справедливо отмечает, что растущая дифференциация доступности высшего образования по социально-экономическим основам, стремительное развитие платного образования не всегда сопровождается повышением его качества, несоответствие объема и структура подготовки специалистов с высшим образованием экономики и рынка рабочей силы, что требует более четкого определения роли государства в системе высшего образования в условиях рынка [5].

Мне, как человеку, посвятившему себя профессии педагога с 1984 г. по настоящее время, очевидны многие проблемы, которые переживает отечественное, и не только высшее, образование хочется отметить, что его массовизация, с одной стороны, отражает мировые тенденции во всем высшем образовании. Так, по сведениям, приведенным в докладе Всемирного банка, за последние годы в мире произошло удвоение количества людей с высшим образованием, что стало неизбежным следствием превращения образования в рынок образовательных услуг, где не профессора, а необразованная молодежь диктует содержание образования [6]. Его эксперты также отмечают, что процесс глобализации ведет к забвению культурно-духовного кода народа, в том числе и народа России, его исторической идентичности [6].

На негативные последствия коммерциализации образования в России обращает внимание Н.Л. Румянцева в своем докладе на Круглом столе 22 февраля 2022 г. на тему «Образование: смыслы, ценности, интеллект. Проблемная ситуация» [7]. В частности, она процитировала обращение участников очередного конгресса КРОН-4 в своем открытом письме в ноябре 2016 г. Министру Минобрнауки РФ О.Ю. Васильевне, в котором они выделили такие проблемы, как «поражение образования вирусами коммерциализации, бюрократизации и менеджиризации» [8].

Акцентируя внимание на этом комплексе проблем, она выразила солидарность с экспертами Всемирного банка, которые выделили такие компоненты коммерциализации образования, как усиление рыночных механизмов, сокращение расходов на образование и появление частных вузов, рост количества вузов массового образования, сокращение объемов даваемых знаний за счет сокращения сроков обучения и сокращения или упразднение фундаментальных знаний, замена в таких вузах профессиональных преподавателей специалистами-практиками, все более широкое использование современных компьютерных и сетевых технологий, переход на систему непрерывного обучения на протяжении всей жизни, унификацию системы образования [6].

Касаясь темы бюрократизации образования, Л.Н. Румянцева отметила, что тенденция бюрократизации отличает развитие отечественного образования, где такой тенденции не отмечается. И вызвана она необходимостью перехода из системы образования коллективного общества, каким был СССР, к системе образования индивидуального открытого общества. Для осуществления этого перехода, т.е. разрушения советской системы образования, власть вынуждена длительное время позорно низко финансировать эту систему (по данным 2017 г. составляло 4,14 % от объема ВВП) [8].

Дополняя тему бюрократизации образования, мы полагаем, что именно она стала одной из причин не только доминирования в деятельности педагогов, преподавателей не реальной творческой деятельности, а её имитацию посредством вала отчетности и многочисленных документов, компетенций и пр., сопровождающих их профессиональную деятельность. Также, одним из серьезных последствий бюрократизации отечественного образования, грозящих его полному развалу, если государство не воспрепятствует этому многолетнему процессу, по нашему глубокому убеждению, является коррупция, несущая угрозу не только разрушению образования, но и духовно-нравственному разложению российского общества.

Обращаясь к теме менеджиризации образования, Л.Н. Румянцева отметила, что в России за последние 25 лет возникло столько вузов, что любой выпускник школы может, при надлежащем финансировании, получить высшее образование, точнее, диплом о таковом. Она также отметила последовательное действие руководства Минобрнауки РФ, направленное на реализацию западной, а теперь и российской рыночной идеологии в системе образования. В то же время, она акцентировала внимание на том, что включенность ориентации российской системы образования на глобальную открытость в мировой научно-образовательный процесс привели к тому, что

пока мощные научно-исследовательский сектор экономики России и академическая наука не восстановлены (в России в 2015 г. внутренние затраты НИР составили 40,5 млрд долл., в то время, как в США – 457 млрд долл., в Германии – 109 млрд долл., в Японии – 167 млрд долл. в Китае – 369 млрд долл.), открытость образовательного пространства в большей мере наносит даже с экономической точки зрения урон хозяйству России, чем выгоду, т.к. не столько привлекает иностранных студентов, сколько забирает талантливую молодежь из России.

В завершение публикации исследования Л.Н. Румянцева дает следующие рекомендации, позволяющие, по её мнению, исправить существующую систему образования:

1. Надо менять идеологию общества – индивидуализм как её основу на коллективизм, притом высшего уровня – коллективизм как приоритет общего блага народа, общих интересов и целей как главную черту русского культурного кода.

2. Организовать дискуссионные клубы для молодежи, в которых обсуждать актуальные проблемы, интересующие молодежь, учить ее мыслить [8].

Мы бы, в свою очередь, хотим обратить внимание читателей на особенность отечественной системы образования, которая развивается не только в сложных социально-экономических условиях, но и в многообразной по своей структуре политноконфессиональной среде.

В завершение нашего исследования мы хотим обратить внимание читателей на то обстоятельство, что, заявленный руководством нашей страны выход из Болонской системы высшего образования, а также, определенная Президентом России В.В. Путиным стратегия реформирования высшего образования в нашей стране, нашла бы бескорыстную поддержку у руководства Минобрнауки, Российской академии наук, у научно-педагогического сообщества.

Литература:

1. Польшов М.Ф. М.С. Горбачев: начало реформаторской деятельности / М.Ф. Польшов // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 3(12). С. 41–48.
2. Арзамасцев И. Джордж Сорос и начало конца российского образования. URL : <http://proza.ru/2019/04/08/1795>
3. Ведущие антироссийскую деятельность организации. URL : <http://ruxpert.ru/> Ведущие антироссийскую деятельность организации (дата обращения 12.02.2023).
4. Вахмяни А. URL : <http://libinform.ru/read/articles/Bolonskij-protcess-i-kommercializatciya-rossij-skoj>
5. Борщова Н.Л. Роль государства в развитии и коммерциализации высшего образования в России : автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. эконом. наук. Томск., 2006.
6. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад всемирного банка. М. : Весь мир, 2003. 232 с.
7. Румянцева Н.Л. Образование в России: коммерциализация, бюрократизация, менеджеризация. URL : <https://подителмосквы.рф/educationmodel/7-obrazovanie-v-rossii-kommercializacija-byurokratizacija-menedzherizacija.html>
8. Открытое письмо Министру образования и науки РФ Васильевой О.Ю. Портал Конгресса работников образования науки культуры и техники. URL : <http://congress-cron.com/rezolyutsii-4-sessii.html> (дата обращения 10.03.2017).
9. Говердовская Е.В. Особенности проектирования образовательного пространства высшей школы в поликультурном регионе / Е.В. Говердовская // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 4. С. 7–10.

Literature:

1. Polynov M.F. M.S. Gorbachev: the beginning of reform activity / M.F. Polynov // Society. Wednesday. Development. 2009. № 3(12). P. 41–48.
2. Arzamastsev I. George Soros and the beginning of the end of Russian education. URL : <http://proza.ru/2019/04/08/1795>
3. Organizations conducting anti-Russian activities. URL : <http://ruxpert.ru/> Organizations conducting anti-Russian activities (date of the application 12.02.2023).
4. Vakhmyani A. URL : <http://libinform.ru/read/articles/Bolonskij-protcess-i-kommercializatciya-rossijskoj/Bolonskij-protcess-i-kommercializatsiyarossiiskoivysshgegoshkola>.
5. Borshchova N.L. The role of the state in the development and commercialization of higher education in Russia : avtoref. dis. ... or the degree of candidate of economic sciences. Tomsk, 2006.
6. Formation of a society based on knowledge. New tasks of higher education. World Bank Report. M.

: Ves Mir, 2003. 232 p.

7. Rumyantseva N.L. Education in Russia: commercialization, bureaucratization, managerization. URL : https://parents_of_moscow.rf/educationmodel/7-obrazovanie-v-rossii-kommercializacija-byu-rokratizacija-menedzherizacija.html
8. Open letter to the Minister of Education and Science of the Russian Federation Vasilyeva O.Yu. Portal of the Congress of Educators, Science, Culture and Technology. URL : <http://congress-cron.com/rezolyutsii-4-sessii.html> (date of the application 03/10/2017).
9. Goverdovskaya E.V. Features of designing the educational space of a higher school in a multicultural region / E.V. Goverdovskaya // Economic and humanitarian studies of regions. 2014. № 4. P. 7–10.

ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

HUMANITARIAN PROGRAM FOR ENGINEERING EDUCATION

Пустько Виталий Станиславович

Заслуженный работник
высшей школы РФ,
доктор философских наук,
профессор
pusko.vitaly@yandex.ru

Vitaly S. Pusko

Honored Worker
of the Higher School
of the Russian Federation,
Doctor of Philosophy,
Professor
pusko.vitaly@yandex.ru

Аннотация. Общеизвестно, что задача всякого образования – приобщение человека к культурным ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйствования, соблюдения традиций и обычаев своего народа и его лучших мировых образцов. В статье раскрываются принципиальные вопросы гуманитарной подготовки студентов инженерно-технических высших учебных заведений. Автор отмечает, что расширение гуманитарных знаний в подготовке инженерно-технических работников создаст реальные предпосылки для разумного сочетания технико-технологического и гуманитарного начал в инженерном творчестве. Обосновывается значимость социальной оценки профессиональной деятельности технической элиты с учетом гуманитарного компонента.

Ключевые слова:

образование, техническое образование, гуманитарное знание, гуманитарные науки, мировоззрение инженера, техническая элита.

Annotation.

It is well known that the task of any education is to familiarize a person with the cultural values of science, art, morality, law, management, observance of the traditions and customs of his people and its best world models. The article describes the fundamental questions of humanitarian preparation of students of engineering higher educational establishments. The author notes that the expansion of cultural knowledge in preparing technical and engineering staff will create the premises for a reasonable combination of technical, technological and humanities started in the engineering work. Substantiates the importance of social evaluation of the professional activity technical elite including a human component.

Keywords:

education, engineering education, humanitarian knowledge, humanitarian disciplines, world view of engineer, technical elite.

Инженерное образование имеет давнюю историю. Многие считают, что первопроходцем в организации высшего технического образования является Франция. Первым учебным заведением по подготовке инженеров стала «Инженерная школа», открытая 10 мая 1748 года в г. Мезьере (Арденны). Развитием системы высшего технического образования занимались такие известные ученые, как Гаспар Монжу, Жозеф Лагранж, Клод Бертолле, Лазар Карно. Несколько позже были созданы школы, готовившие техников во Флоренции, в Дании, в Германии.

Справедливости ради, следует отметить, что первым техническим заведением в России была «Школа математических и навигацких наук», основанная в Москве по указу Петра Первого в 1701 году. Историки технического образования считают, что «Навигацкая школа» не соответствовала статусу высшего технического заведения, так как уровень преподавания в ней был весьма низким. Но инженерное образование, как и любая другая система ценностей, постоянно находилось в развитии и совершенствовании.

Общеизвестно, что задача всякого образования – приобщение человека к культурным ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйствования, соблюдения традиций и

обычаев своего народа и его лучших мировых образцов. Особое онтологическое звучание приобретают проблемы образования в цивилизации XXI века. Закон идеальной детерминации в истории – это закон, определяющий возрастание роли совокупного общественного интеллекта.

Современное общество стало свидетелем быстрого развития техники как одного из основных элементов материальной культуры. Большие полиструктурные технические системы оказывают глобальное воздействие на экономические, политические, социальные, правовые, духовные и нравственно-этические отношения, но успехи науки и техники постепенно оборачивались своей отрицательной стороной. Перед человечеством нарастала угроза ядерной войны, радиоактивного заражения, народы планеты столкнулись со сложными экологическими, демографическими, ресурсными проблемами.

Активное внедрение во все сферы жизнедеятельности общества технических достижений вызвало появление прагматизма, духовного оскудения людей, черствости, профессиональной замкнутости, технократизма, отчужденности, антигуманности. Возрастает зависимость человека от достижений техники, обостряется моральный кризис, кризис человеческой нравственности в условиях технологической экспансии и урбанизации.

Видимо поэтому, все чаще, в научной литературе стали появляться материалы, в которых рассматриваются ценностные ориентиры и прикладные аспекты образования. Аксиологическая природа образовательного процесса в последнее время достаточно активно разрабатывается отечественными и зарубежными учеными [1]. Переходное состояние общества порождает необходимость переосмысления традиций, трансляцию новых жизненных смыслов и ценностей.

К сожалению, сегодня под предлогом удовлетворения вкусов широкой публики, обществу зачастую преподносится культурный примитив, массовое потребительское псевдознание и псевдоискусство, происходит примитивизация культурных потребностей людей, подготавливается почва для инверсии ценностей. Таким образом, антиценности потребительской культуры способны подрывать духовно-нравственную гармонию человека и общества, разрывать социальный порядок, в том числе, систему ценностей образования.

Совершенно очевидно, что в этих условиях одним из главных направлений совершенствования системы образования должна стать гуманитаризация содержания обучения и воспитания, устранение разрыва между обучением и социальной практикой, ценностная, мировоззренческая, духовная переориентация системы образования, формирование гуманистического мышления поколений. Такая задача поставлена Президентом России В.В. Путиным в Послании Федеральному собранию 21 февраля 2023 года. «С участием педагогов, ученых, специалистов мы должны серьезно повысить качество школьных, вузовских учебных курсов по гуманитарным наукам, прежде всего – истории, обществознанию, литературе, географии, чтобы молодежь могла как можно больше узнать о России, ее великом прошлом, о нашей культуре и традициях» – подчеркнул Президент Российской Федерации. В связи с этим предлагается внести поправки в Закон об образовании.

Эта задача четко сформулирована и в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». В статье 3 закона подчеркивается, что одним из основных принципов государственной политики в сфере образования является «гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования». Фактически, нормативно это требует особого внимания к проблеме преподавания в высшей школе дисциплин социально-гуманитарного цикла. Именно в высшей школе происходит наиболее активный процесс социализации личности, когда осваиваются основные нормы общения, интенсивно приобретаются новые знания, формируется готовность к профессиональной и общественной деятельности.

Гуманитарное знание, его структуру, содержание, характерные черты можно рассматривать как парадигму человеческого знания вообще, так как оно носит трансцендентальный характер. То, что изучают гуманитарные науки относится к всеобщим условиям опыта.

Расширение гуманитарной составляющей в системе образования включает несколько направлений.

Во-первых, изменение структуры учебного процесса с учетом гуманитарных дисциплин. Выпуская молодого человека в жизнь, высшая школа должна снабдить его объективными знаниями не только о производстве, но и об обществе, в котором ему жить, привить молодому специалисту принципы гуманистических взаимоотношений, толерантного поведения в коллективе.

Во-вторых, деполитизация и деидеологизация образования. Единственной идеологией может быть любовь к своей стране, патриотизм. Особую благодарность в Послании Федеральному Собранию выражает В.В. Путин учителям, деятелям культуры, которые воспитывают у народа чувство долга, патриотизма. Политизация образовательных учреждений в условиях многопартийности может разобщить преподавательских состав и студентов по идейным соображениям.

В-третьих, демократизация системы образования. Это включает расширение прав молодежи по выбору той или иной формы обучения, предоставление больших прав и полномочий учреждениям образования перед властными структурами, гуманизация отношений между учащимися и преподавателями и др.

Крайне важна гуманитаризация системы подготовки кадров в инженерно-технических вузах. И этому есть научное объяснение, потому что социально-гуманитарное знание содержит информацию об антропометрических параметрах человека и социальных функциях, выполняемых технической системой.

В целом, гуманитарные знания включают в себя характеристики области функционирования технического объекта как природной, так и социальной среды. Инженер осваивает технико-технологические, общенаучные, естественнонаучные, социально-гуманитарные и инженерно-методические знания, на основании которых разрабатывает технологические методы и теории расчета, проектирования, конструирования техноструктур, организации и управления технологическими процессами с целью их социально-экономической, экологической, эстетической оптимизации и общественной полезности.

Создает технический фундамент общества научно-техническая элита, и творит она в соответствии с той профессиональной и гуманитарной подготовкой, которую получает в соответствующем высшем учебном заведении. От конкретных действий инженерно-технических кадров в определенной степени зависит решение не только насущных материальных потребностей людей, но и выживание человечества как биологического вида. Современная техника и новые технологии бросают вызов человеку, и ответить на этот вызов можно только разумным сочетанием материальной и гуманитарной культуры, так как гуманность является одним из важнейших принципов сосуществования народов, наций и их культур, обеспечения диалога между культурами, религиями и отдельными людьми.

Агрессивное господство чисто технического разума может привести к всеобщей катастрофе. Относительно недавно, в начальный период конструирования искусственного интеллекта, его создатели заявляли, что естественный человеческий разум может быть воспроизведен искусственно, и наступит этап эволюционного снятия человеческого интеллекта [2]. Наиболее радикальные представители концепции искусственного интеллекта активно перешли к критике гуманизма как мировоззрения и как практики. Правда, очень скоро «пионеры модерна» и защитники сциентизма, третирующие нестрогую гуманитаристику, сами попали в разряд маргиналов и архаистов. Очевидно, им стали известны предпосылки развития философии гуманитарных наук как осознание различных детерминант научно-технического прогресса. Наиболее объективно это выразил Н.А. Бердяев. Анализируя цивилизационные изменения, приход индустриального общества, он считал, что последствием такого развития общества может быть истребление духовности.

Совершенно очевидно, что соотношение техногенных и гуманистических тенденций в развитии современного общества – проблема крайне актуальная и острая. Отношение естественного и искусственного стало фундаментальным вопросом выживания человечества, своего рода основным вопросом философии. К сожалению, гуманитарное образование зачастую начинает рассматриваться не как фундаментальное, требующее глубокого изучения законов общественной жизни, а как нечто поверхностное и легкодостижимое.

В этих условиях серьезным барьером недопустимости развития антигуманных технократических тенденций может и должна стать реформированная система образования с доминированием в ней ценностей гуманитарного знания, философского анализа и осмысления инженерной деятельности, так называемой общей теории инженерии. Выработка логико-методологических оснований техниковедческих дисциплин, выявление законов и закономерностей развития и функционирования инженерной деятельности, ее социокультурной детерминации, онтологических регулятивов и гносеологических императивов, анализ логики развития и смены различных концепций инженерной деятельности, стилей инженерного мышления, технических идей и инженерных замыслов в общем социальном контексте и является функцией гуманитарного знания. Для решения сложных задач современности недостаточно потенциала узких профессионалов с

технической подготовкой, обществу нужны люди с широкой культурой и мышлением. Эти проблемы давно осознаны руководством высшего образования ряда развитых зарубежных государств, в которых гуманитарная составляющая включает не менее 30 % бюджета учебного времени в вузе. Такая тенденция строго соблюдается в лучших технических вузах мира – это MIT, Кембридж, Эколь Политекник, Мюнхенский, Миланский технические университеты и многие другие.

Концептуальная модель высшего инженерно-технического образования, видимо может представлять собой интегрированный, синергетический подход в преподавании естественнонаучных и технических дисциплин при осознанном процессе проникновения гуманитарного компонента в содержание этих дисциплин. Существующая ныне тенденция гуманитарной иллюстративности, просветительства в преподавании фундаментальных, технических и специальных дисциплин должна быть максимально исключена. Аксиоматичность этого положения совершенно очевидна. Она исходит из того, что любой человек – это существо духовное, и полноценность его практической деятельности определяется ее наполняемостью гуманистическим компонентом.

Речь идет не о внедрении в сознание инженерно-технических кадров идей технофобии, а лишь о формировании гибкого мышления с достаточным уровнем гуманитарных и экологических знаний, повышающих морально-нравственную и профессиональную ответственность специалистов за создание техники и технологии, которые бы сопрягались с императивом естественного существования человека. Иными словами, техническое творчество нуждается в гуманизации и экологизации, в человеческой мудрости, исключающей разделение формы и содержания в материальном и духовном мире.

Одной из первых задач в этом плане является формирование гуманитарной среды технического вуза, гуманизация технического образования. Как явление общемировое, гуманизация образования призвана обеспечить более цивилизованное и разумное использование научно-технического потенциала, социализацию экономического и технического развития общества [3–6].

Система высшего инженерно-технического образования должна строиться на концепции единства и взаимосвязи различных форм разума, на идее целостного знания. Всегда будет актуально учение И.Канта, рассматривающего естественнонаучное знание как один из возможных его типов. В этом плане обучение студентов должно рассматриваться через призму дуалистических задач, стоящих перед любым вузом: подготовка специалистов определенного профиля и работы по формированию полноценной человеческой личности.

Целостное знание может быть сформировано только на базе исключения существующего сейчас метафизического подхода при изучении фундаментальных, естественнонаучных и специальных дисциплин как чего-то замкнутого на себя, самодостаточного, не связанного с другими науками и, прежде всего, с дисциплинами гуманитарного профиля.

Не оправдывает себя попытка ряда технических вузов ввести в цикл обучения как можно больше дисциплин гуманитарного направления с минимальным количеством часов на их изучение. Студенты получают отрывочные, мозаичные, просветительские представления по курсу каждой из них, а не цельное научно-теоретическое знание, интегрированное в систему технического образования. Это снижает не только интерес к предмету, но и наносит серьезный социальный вред подготовке специалистов. Любая учебная дисциплина максимально востребована и социально полезна, если она изучается фундаментально. Только так формируется цельное, объективное мировоззрение специалиста в любой области, в том числе и в инженерно-технической сфере.

Научное мировоззрение инженера, как система обобщенных взглядов на действительность и представлений о ней, определяет и практическое отношение инженера к миру, способам его изменения, использованию материальных (предметы труда, инструменты, технологии, приборы) и идеальных (инженерная лексика, категории логики, специальные понятия, данные точных наук) факторов для преобразования объективной реальности.

Гуманитарная составляющая мировоззрения включает философско-социологические, исторические, политологические взгляды и представления, которые позволяют будущему инженеру осознать свою социальную природу, свое место и предназначение в обществе. Эти взгляды ориентированы на раскрытие природы человека как социального существа. Именно гуманитарная составляющая дает ответы на следующие вопросы:

1. Что представляет собой человеческое общество, как оно устроено и как функционирует?
2. Какие противоречия возникают в обществе и каковы пути их разрешения?

3. Какие социальные силы стоят за конкретным видом интересов?

4. Как соотносятся между собой различные виды человеческой деятельности, место и роль инженерной практики в истории человечества?

Гуманные цели и назначение инженерного труда, нравственное содержание технического творчества представляют возможность каждой личности обрести смысл жизни, посвятив ее научно-технической деятельности. Смысл жизни инженера видится в высокой гражданственности, в единстве нравственного, интеллектуального и профессионального совершенствования, в максимальной реализации своей личностной индивидуальности, способностей и творческих возможностей в интересах общества, в обеспечении процветания своей страны.

Преподавание традиционных социогуманитарных дисциплин в техническом вузе должно быть наполнено философскими проблемами техники, таковыми как: техника и мораль, техника и эстетика, техника и культура, техника и политика, проблемами сущности научно-технического творчества, профессиональной культуры инженера, перспектив развития техники, формирования техносферы.

Будущим инженерам крайне важны знания по стилю технического мышления как определенной совокупности гносеологических, этических, ценностных и целевых нормативов научно-технической деятельности в данную историческую эпоху.

Таким образом, в самом общем плане концепция гуманитаризации технического образования может базироваться на следующих парадигмах.

Во-первых, введение фундаментального изучения истории Отечества, философии, политологии, культурологии как базовых дисциплин гуманитарного профиля.

Во-вторых, включение гуманитарного аспекта в преподавание естественнонаучных и общетехнических дисциплин, выявление мировоззренческого и культурного потенциала каждого из преподаваемых предметов.

В-третьих, постепенный уход от экстремизма современной технократической педагогики и scientistic представлений о прогрессе, отказ от узкотехнического мышления и технократизма.

В-четвертых, формирование методами каждой учебной дисциплины не только узкопрофессиональных качеств будущего специалиста, но и широкого мировоззрения, творческого мышления.

В-пятых, выявление гуманистического потенциала естественнонаучных, технических и специальных дисциплин, его историко-научный анализ и разъяснение категориального аппарата и логики фундаментальных и общетехнических наук.

В-шестых, активное внедрение в систему преподавания новых технологий, инновационного обучения.

В-седьмых, расширение системы подготовки преподавателей гуманитарных дисциплин из числа выпускников технических вузов, желающих и способных заниматься такой деятельностью, в структуре после вузовского образования (аспирантура). Справедливо Президент России В.В. Путин выделил аспирантуру в отдельный уровень профессионального образования, задача которой готовить кадры для научной и педагогической деятельности.

В-восьмых, расширение научных исследований по проблемам стиля гуманистического мышления, психологии гуманизма, проведение объемных гетерогенных, полифонических исследований, включающих в себя теоретический, духовно-практический и предметно-практический компоненты.

В-девятых, сохранение единого образовательного пространства Российской Федерации, включая структуру образования, его экономический фундамент, преемственность лучших образцов и традиций российской и советской высшей инженерной школы. Важно вернуться к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов с высшим образованием.

В-десятых, рациональное и разумное вхождение в мировое образовательное пространство, внедрение в отечественную практику передового мирового опыта с учетом национальных особенностей России без слепого копирования всего и вся, расширение международных контактов ученых, преподавателей и студентов.

Думается, что расширение гуманитарных знаний в подготовке инженерно-технических работников создаст объективные предпосылки для гармонизации природного и социального путем разумного сочетания технико-технологического и гуманитарного образования, изобретательных навыков и инженерного творчества для объективной социальной оценки профессиональной деятельности научно-технической элиты современного общества.

Литература:

1. См. труды: А. Агга, Л. Бергерера, Ф. Броделя, М. Вебера, М. Гартмана, П.П. Гайденко, А.Я. Гуревича, Ф.Г. Гидденса, Ж.Ж. Деррида, В.П. Зинченко, С.В. Казначеева, Ж.М.А. Кондорсе, Н.Д. Кондратьева, Э.С. Маркаряна, В.В. Миронова, К. Поппера, Т. Парсонса, Д. Рикера, Д. Серла, А.И. Суббето, Ю.В. Яковца [и др.].
2. Назаретян А.П. Интеллект во вселенной. М., 1991.
3. Кургузов В.Л. Гуманитарная среда технического вуза. Методология. Опыт. Проблемы. Улан-Уде, 1997.
4. Иванов Н.И. Методология научно-технического творчества. Тверь, 1999.
5. Паршиков В.И. Ценности современного гуманитарного образования. Новосибирск, 2002.
6. Никитин С.В. Разум и научная рациональность. Саратов, 2002.
7. Путин В.В. Послание Президента Федеральному собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 года / В.В. Путин // Российская газета. 2023. 22 февраля.
8. Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2013, 07 февраля.
9. Гуманитарное образование в техническом вузе: состояние, проблемы, перспективы. М., 2007.
10. Загутин Д.С. Культура технической творческой деятельности личности: модель формирования. Ростов-н/Д., 2011.
11. Кансузьян Л.В. Философия инженерной деятельности. М., 2009.
12. Миронов В.В. Размышления о реформе российского образования. М., 2011.
13. Паршиков В.И. Ценности современного гуманитарного образования. Новосибирск, 2002.
14. Проблемы и перспективы преподавания социогуманитарных дисциплин в технических вузах в современных условиях. М., 2008.
15. Федоров И.Б. Инженерное образование: проблемы и задачи / И.Б. Федоров, В.Е. Медведев // Высшее образование в России. 2011. № 12.

Literature:

1. See the works of: A. Agga, L. Bergerer, F. Braudel, M. Weber, M. Hartman, P.P. Gaidenko, A.Ya. Gurevich, F.G. Giddens, J.J. Derrida, V.P. Zinchenko, S.V. Kaznacheev, J.M.A. Condorcet, N.D. Kondratiev, E.S. Markaryan, V.V. Mironov, K. Popper, T. Parsons, D. Riker, D. Searle, A.I. Subbeto, Yu.V. Yakovets [et al.].
2. Nazaretyan A.P. Intelligence in the universe. M., 1991.
3. Kurguzov V.L. Humanitarian environment of a technical university. Methodology. Experience. Problems. Ulan-Ude, 1997.
4. Ivanov N.I. Methodology of scientific and technical creativity. Tver, 1999.
5. Parshikov V.I. Values of modern humanitarian education. Novosibirsk, 2002.
6. Nikitin S.V. Reason and scientific rationality. Saratov, 2002.
7. Putin V.V. Address of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation on February 21, 2023. Rossiyskaya Gazeta. 2023. February 22.
8. Federal Law № 273 «On Education in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2013. February 07.
9. Humanitarian education in a technical university: status, problems, prospects. M., 2007.
10. Zagutin D.S. Culture of technical creative activity of personality: model of formation. Rostov-on/D., 2011.
11. Kansuzyan L.V. Filosofiya inzhenernogo activity. M., 2009.
12. Mironov V.V. Reflections on the reform of Russian education. M., 2011.
13. Parshikov V.I. Values of modern humanitarian education. Novosibirsk, 2002.
14. Problems and prospects of teaching socio-humanitarian disciplines in technical universities in modern conditions. M., 2008.
15. Fedorov I.B. Engineering education: problems and tasks / I.B. Fedorov, V.E. Medvedev // Higher education in Russia. 2011. № 12.

**РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
ОСОБЕННОСТИ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

**RUSSIAN EDUCATION IN POST-SOVIET RUSSIA:
FEATURES OF ITS FORMATION AND DEVELOPMENT**

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

Uporov Ivan Vladimirovich

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
uporov@list.ru

Аннотация. Актуальность данной публикации очевидна в контексте тех процессов, которые проходят в нашей стране в образовательной сфере в настоящее время. Автором данной публикации выявляются тенденции разработки в постсоветской России национальной стратегии образования. В частности, им отмечается, что документы на протяжении достаточно продолжительного времени (собственно доктрины, концепции, законы, федеральные целевые программы) принимались руководством страны и Минобрнауки бессистемно, без взаимосвязи друг с другом, и, скорее, отражали текущий политический момент, чем заботу о будущем российского образования. В результате, как им отмечается, ни один из опубликованных проектов не был до конца реализован, в результате чего, оно до настоящего времени развивалось в состоянии доктринальной неопределенности. И, как утверждает автор, решать эту проблему следует не с разработки новых амбициозных проектов, а с решения «земных» вопросов, которые были поставлены перед руководством нашей страны давно и не решаются уже более четверти века, и без чего любой из них обречен на декларативность.

Ключевые слова:

доктрина, образование, концепция, программа, школа, университет, преподаватель, закон, государство.

Annotation.

The relevance of this publication is obvious in the context of the processes that are taking place in our country in the educational sphere at present. The author of this publication identifies trends in the development of a national education strategy in post-Soviet Russia. In particular, they note that the documents for quite a long time (doctrines, concepts, laws, federal target programs) were adopted by the country's leadership and the Ministry of Education and Science haphazardly, without interrelation with each other, and, rather, reflected the current political moment than concern for the future of Russian education. As a result, as he notes, none of the published projects have been fully implemented, as a result of which, so far, it has developed in a state of doctrinal uncertainty. And, according to the author, this problem should be solved not with the development of new ambitious projects, but with the solution of «earthly» issues that have been posed to the leadership of our country for a long time and have not been solved for more than a quarter of a century, and without which any of them is doomed to declarativeness.

Keywords:

doctrine, education, concept, program, school, university, teacher, law, state.

Н и для кого из участников образовательного процесса в нашей стране не является открытием мнение многочисленных представителей педагогического сообщества,

что образование в России со времени, прошедшего после распада СССР в 1991 г., находится в перманентно-нестабильном состоянии, о чем свидетельствуют непрекращающиеся дискуссии о месте, содержании и принципах реализации этого социального института в жизни современного российского общества, причем, это касается всех уровней образования (за исключением дошкольного образования в детсадах, однако, для большинства жителей страны пребывание детей в детсадах не является образовательным процессом и, соответственно, актуальность дошкольного образования не проявляется). Указанная нестабильность, как нам представляется, исходит из неопределенности самой доктрины системы образования, которая меняется настолько часто, что само понятие «доктрина» теряет свое значение. В свое время, еще при СССР, президентским указом Б.Н. Ельцина была обозначена возможность негосударственного образования [1], что, в то время, представляло революционное решение в системе образования (эта позиция позже была закреплена и на конституционном уровне – ст. 43 Конституции России 1993 г.). Также, была провозглашена приверженность международным принципам организации образования, которые сформулированы ЮНЕСКО, деятельность которого «нацеливает международное сообщество на предоставление образования всем, на всех уровнях и на протяжении всей жизни, потому что образование играет главную роль в становлении и развитии личности человека, экономическом росте и укреплении социальных связей» [2, с. 19]. При этом «несколько стратегических задач, связанных с образованием, были включены в список Целей развития ООН на рубеже тысячелетия:

- бесплатное и обязательное начальное образование и равенство полов в начальной и средней школе;
- содействие образованию в качестве одного из основных прав человека;
- повышение качества образования путем диверсификации его содержания и методов;
- содействие экспериментам, новаторству, публикациям и обмену данными и передовым опытом, а также развитию диалога по вопросам политики в области образования» [2, с. 20].

Указанные принципы являются универсальными, и их принятие российскими властями в качестве основополагающих, заслуживает поддержки. Позже, эти принципы стали трансформироваться в российское образовательное законодательство. Первый федеральный закон был принят в 1992 г. Согласно ст. 3 этого акта, «государственная политика в области образования основывается на следующих принципах:

- а) на гуманистическом характере образования, приоритете общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности, воспитания гражданственности и любви к Родине;
- б) единства федерального культурного и образовательного пространства, защиты системы образования национальных культур и региональных культурных традиций в условиях многонационального государства;
- в) общедоступности образования, адаптивности системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся, воспитанников;
- г) светском характере образования в государственных, муниципальных образовательных учреждениях;
- д) свободы и плюрализма в образовании;
- е) демократического, государственно-общественного характера управления образованием. Автономность образовательных учреждений» [3].

Можно еще отметить возможность формирования разноуровневой системы высшего образования, что явно выступало новеллой.

Здесь обращают на себя внимание последние пункты, по поводу которых, собственно, и ведутся до сего времени как теоретические дискуссии, так и сталкиваются различные подходы в праворегулирующей и правоприменительной деятельности в сфере образования. В этом контексте (после вхождения России в Совет Европы в 1996 г.), в октябре 2000 г. на правительственном уровне была утверждена первая полноценная Национальная доктрина образования в Российской Федерации, подготовленная Министерством образования, в которой, в частности, указывается, что «Доктрина отражает новые условия функционирования образования, ответственность социальных партнеров – государства, общества, семей, работодателей – в вопросах качества общего и профессионального образования, воспитания подрастающего поколения» [4] (вызывает определенные вопросы тот факт, что несколько раньше был принят закон об утверждении Федеральной целевой программы развития образования [5], где подробно расписываются направления образовательной политики, а более общий акт в виде Доктрины был принят позже и его уровень был ниже, хотя, на наш взгляд, должно было быть ровно наоборот, но мы в данной статье рассматриваем доктринальные документы).

Помимо этого, Доктрина-2000 в разделе о целях и задачах государственной политики, содержит ряд заслуживающих внимание положений. Так, в связи с указанными «новыми условиями» предполагалось обеспечить: «академическую мобильность обучающихся ..., свободный выбор направлений и форм образования с учетом потребностей, возможностей граждан, а также ситуации на рынках труда и образовательных услуг ..., создание правовых условий получения образования как за счет средств бюджетов всех уровней, так и за счет средств обучающихся и их семей, предприятий и организаций» [4]. Не меньший интерес представляет намерение «довести долю образовательных программ в сетке вещания государственных и муниципальных средств массовой информации не менее чем до 15 % ..., обеспечить интеграцию российской системы образования в мировое образовательное пространство с учетом отечественного опыта и традиций» [4]. Кроме того, «уже на первом этапе, оплата труда педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего профессионального образования будет приближена к удвоенному размеру средней заработной платы работников промышленности в Российской Федерации» [4].

Следует признать, что на тот период времени, с учетом тяжелейшего состояния экономики, только-только отошедшей от дефолтного кризиса 1998 г., это были просто грандиозные планы, как и в равной степени – невыполнимые. Но, в то время, на еще сильной волне постсоветской эйфории от слома советско-социалистического государства и провозглашения европейских ценностей, были именно таким образом провозглашены и закреплены основы образовательной системы в России. Более того, власть торопилась продвигать образовательную систему России по европейскому вектору – уже в 2001 г., то есть, спустя чуть больше года после принятия Доктрины-2000, появляется Концепция модернизации образования на период до 2010 г. [6], направленная на интеграцию с евро-образованием, и соответствующее присоединение России к Болонскому процессу началось в 2003 г. Сомнений в правильности такого подхода у российской власти не было – в отличие от научной среды, где высказывались некоторые сомнения. И уже в новой ФЦП (принята в 2005 г.) [7] предполагалось (до 2010 г.):

- «увеличить количество программ профессионального образования, получивших международное признание, в 1,3 раза по сравнению с 2005 г. ...;
- повышение рейтинга России в международных обследованиях качества образования до уровня, являющегося средним ...;
- увеличить долю учебных заведений, реализующих программы двухуровневого профессионального образования, с 15 до 70 %. ...;
- поднять удельный вес вузов, выдающих европейское приложение к диплому до 15 %» [8].

И здесь, как показало время, было немало «наполеоновских», несбыточных целей.

Затем, практика образовательного процесса в школах и вузах России несколько охладила активность авторов его модернизации в контексте европейской интеграции, поскольку российские реалии функционирования образовательных учреждений существенно, можно сказать, разительно отличались тогда и отличаются до сих пор от европейских реалий (материально-техническое обеспечение, инфраструктура, заработок профессуры, финансирование и т.д.).

Блицкриг вхождения образовательной системы России в международную университетскую систему не состоялся, и, на наш взгляд, не мог состояться в столь короткие сроки. Это нашло отражение в новой Концепции национальной образовательной политики, разработанной Минобрнауки РФ в 2006 г. [9], в которой, заметим, нет упоминания о принятой незадолго до этого ФПЦ-2005, кроме того, эта Концепция была утверждена на уровне ведомства, что вызывает некоторое недоумение. Концепция носит общий характер, в ней акцентируется внимание на обеспечение права на образование в отдаленных районах, жителей малочисленных народов и т.д. Европейская интеграция здесь отсутствует, неприятие которой – на политико-идеологической основе – еще более возросло после известного экономического кризиса 2008 г.

В очередной ФЦП-2011 развития образования (на период 2011–2015 гг.) [10] про международную интеграцию в сфере образования, похоже, и вовсе забыли – акцент делается:

- во-первых, на школьном образовании;
- во-вторых, на развитии различных типов образовательных учреждений;
- в-третьих, на материально-техническом и финансовом обеспечении образовательных учреждений, включая более широкое использование информационных технологий с учетом новой демографической проблемы (уменьшение численности школьников и студентов).

Такой подход мы поддерживаем, поскольку он, в большей степени, был направлен на

улучшение реального положения в образовательной среде. Казалось бы, нужно, наконец, сосредоточить усилия на реализации этой ФЦП. Но нет – через год появляется Указ Президента России о государственной политике в области образования и науки (известен как один из «майских» президентских указов 2012 г.), призванный, среди прочего, «подтянуть» ряд отстающих показателей, в том числе, полностью обеспечить (к 2016 г.) доступность всеобщего дошкольного образования (этот показатель так и не был достигнут), разработку новых образовательных стандартов и др. Здесь, мы обращаем внимание на то обстоятельство, что в этом акте ФЦП-2011 даже не упоминается – как будто ее не было вообще, что также (как и в случае с ФЦП-2005) вызывает большой вопрос с точки зрения эффективности государственного управления. Разработанный и принятый, в соответствии с президентским указом новый федеральный закон об образовании (2012 г.), уже не содержит каких-либо принципиально новых новелл, и его, очевидно, можно расценивать как «технологический», то есть закрепивший достигнутый уровень развития образования в России. В литературе не без оснований, как недостаток, отмечается, что образовательная доктрина, которая должна иметь «главенствующую роль» как один из источников образовательного законодательства, в этом законе отражения не нашла [11, с. 43].

Затем, в 2015 г. утверждается последняя ФЦП об образовании, суть которой заключается в том, чтобы:

- «обеспечить эффективное управление системой образования в ее новых качественных параметрах;
- реализовать инвестиционные проекты по строительству объектов социальной, учебно-лабораторной, физкультурно-спортивной, хозяйственной и коммунальной инфраструктуры ..., инновационное развитие системы образования, внедрение новых образовательных технологий;
- обеспечить развитие кадрового потенциала системы образования в рамках реализации скоординированных задач федеральной государственной образовательной политики» [12].

Здесь мы видим много повторений из предшествующих программ по той простой причине, что они выполнялись лишь в незначительном объеме.

Не прошло, однако, трех лет, как Правительство России вновь утверждает новую государственную программу «Развитие образования» [13]. Этот документ, в основном, регулирует вопросы финансирования образовательной деятельности и определяет индикаторы, позволяющие оценивать такую деятельность. Практически одновременно происходит ротация министра образования, при этом прежний и нынешний министры придерживаются едва ли не противоположных взглядов на будущее российского образования, что лишь подтверждает неопределенность стратегического развития этого важнейшего социального института.

В целом, официальные акты об основных направлениях развития образования в последние годы, включая последний-очередной национальный проект «Образование», носят скорее технический характер и избилуют постоянно повторяющимися общими фразами («обеспечение конкурентоспособности», «внедрение новых методов обучения», «внедрение национальной системы профессионального роста педагогических работников» и т.д.), а доктринальные, концептуальные позиции постепенно растворились – прежние, из 1990-х гг., по умолчанию не принимаются образовательным сообществом, а новых, в достаточно четких формулировках, пока не просматривается. Отсюда неудовлетворенность таким положением со стороны как ученых, так и практикующих педагогов, учитывая, ко всему прочему, что отмеченная выше Доктрина-2000 без объяснения мотивов в марте 2014 г. была признана недействующей [14].

Соответственно, появляются альтернативные доктрины. Так, в одной из них, разработанной в 2016 г. группой ученых под руководством В.И. Слободчикова, указывается, что «стратегическая цель образования – создание условий становления гражданина России, устремленного в своём развитии к национальному образовательному идеалу, способного к воспроизводству базовой российской общности – единого многонационального народа России, укреплению и развитию созданных им государства и общества на принципах, положенных в основу образа будущего России.

Реализация стратегической цели образования осуществляется посредством:

- устройства единого уклада жизни общества, основанного на традиционных российских ценностях;
- важнейшим условием созидания такого уклада является:
- переход к национально ориентированной модели образования;
- восстановление и развитие многообразия моделей государственно-общественных и

общественно-государственных образовательных институтов, профессиональной подготовки и профессионального развития педагога как детоводителя, вводящего растущего человека в отечественное и мировое культурное пространство;

- культивирование детских и детско-взрослых образовательных общностей;
- проектирование развивающих инновационных моделей обучения и воспитания» [15].

По сравнению с официальной Доктриной-2000, данный проект группы ученых представляет собой, по основным принципам полную ему противоположность (достаточно назвать, например, один из основополагающих постулатов – «народность, патриотизм, державность», отказ от еврообразования и т.п.).

Вышеприведенная хаотическая деятельность государства по определению стратегии развития образовательной системы России. в итоге, привела российское общество, по сути, на исходную позицию рубежа 1990 г. И теперь предстоит, видимо (собственно, он уже начался), новый этап осмысления этой проблемы. Но начинать, как нам представляется, следует не с работ новых и новых проектов доктрин национального образования, а с анализа предшествующих такого рода документов – что получилось, что не получилось, по каким причинам. Обязательно должно быть сделано сопоставлением с реальным положением дел в образовательных учреждениях, где имеются проблемы, решение которых, на наш взгляд, должно предшествовать окончательным доктринальным выкладкам. Речь идет, прежде всего, о заработной плате педагогов и преподавателей, которая в настоящее время имеет унижающие профессиональное и человеческое достоинство размеры (вспомним планы по Доктрине-2000 удвоить оплату труда по сравнению со средней зарплатой в промышленности). При этом важно не лукавить и вести речь об оплате труда из расчета на 1 ставку, и исключить, наконец, порядок, когда директор школы – ректор может получать едва ли не в 10 раз больше, чем учитель-преподаватель. Заметим, что этот вопрос поднимается не первый год, и все вроде соглашались, но сдвигов-то не происходит. Если уж этот вопрос государство не в состоянии решать в течение уже почти 20 лет (а абсолютное большинство образовательных учреждений являются государственными и муниципальными), тогда нет смысла вообще вести речь об образовательной доктрине, поскольку любая их них при таком положении дел обречена на декларативность. Безусловно, в школах должны быть прекращены поборы с родителей на разного рода «ремонтные дела», а это означает, что необходимо улучшить финансирование деятельности образовательных учреждений, в том числе направленное на исправление такого позорного явления, как школьные туалеты на улице без удобств.

Как видно, доктрина национального образования должна начинаться не с высоких слов (их сказано уже с излишком), не с содержания образовательных программ и стандартов (они в целом на достаточно высоком уровне), а с самых земных потребностей тех, кто учит, и тех, кто учится.

Литература:

1. Указ Президента РСФСР от 11.07.1991 г. № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.01.2019).
2. Козырин А.Н. Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования: комментарий статьи 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» / А.Н. Козырин, Т.Н. Трошкина // Реформы и право. 2015. № 3. С. 18–32.
3. Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.01.2019).
4. Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // Российская газета. 2000. 11 октября.
5. Федеральный закон от 10.04.2000 № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования» // Парламентская газета. 2000. 15 апреля.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2001 г. № 1756-р «О концепции модернизации образования на период до 2010 года» // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. II). Ст. 119.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2005 г. № 803 (ред. от 05 мая 2007 г.) «О Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы» // СЗ РФ. 2006. № 2. Ст. 186.
8. Морозова В.С. К вопросу о присоединении России к Болонскому процессу (правовой аспект) /

- В.С. Морозова // Международное публичное и частное право. 2008. № 1. С. 17–24.
9. Приказ Минобрнауки РФ от 03.08. 2006 г. № 201 «О Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации». URL : http://www. docs.cntd.ru/document/90200_4566 (дата обращения 05.01.2019).
  10. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.02.2011 № 61 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 10. Ст. 1377.
  11. Кирилловых А.А. Доктрина в образовательном законодательстве: подходы к определению роли и места в правовом регулировании / А.А. Кирилловых // Законодательство и экономика. 2015. № 9. С. 41–47.
  12. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.05.2015 № 497 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 22. Ст. 3232.
  13. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.01.2019).
  14. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2014 № 245 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 14. Ст. 1636.
  15. Национальная доктрина образования Российского образования. Проект / Под ред. В.И. Слободчикова. URL : http://ost101.narod.ru/2018_doktrina.docx (дата обращения 05.01.2019).

Literature:

1. Decree of the President of the RSFSR of 11.07. 1991 № 1 «On priority measures for the development of education in the RSFSR» // Access from the ConsultantPlus SPS (date of the application 01/15/2019).
2. Kozyrin A.N. Basic principles of state policy and legal regulation of relations in the field of education: commentary on Article 3 of the Federal Law «On Education in the Russian Federation» / A.N. Kozyrin, T.N. Troshkina // Reforms and Law. 2015. № 3. P. 18–32.
3. Law of the Russian Federation of 10.07.1992 № 3266-1 «On Education» // Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of the application 15.01.2019).
4. Decree of the Government of the Russian Federation of 04.10.2000 № 751 «On the national doctrine of education in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2000. 11 oktyabrya.
5. Federal Law of 10.04.2000 № 51-FZ «On the Approval of the Federal Program for the Development of Education» // Parliamentary newspaper. 2000. April 15.
6. Order of the Government of the Russian Federation dated 29.12. 2001 № 1756-r «On the concept of modernization of education for the period up to 2010» // SZ of the Russian Federation. 2002. № 1 (part II). Art. 119.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 23.12. 2005 № 803 (ed. May 05, 2007) «On the Federal Target Program for the Development of Education for 2006–2010» // NW of the Russian Federation. 2006. № 2. Art. 186.
8. Morozova V.S. On the question of Russia's accession to the Bologna process (legal aspect) / V.S. Morozova // International public and private law. 2008. № 1. P. 17–24.
9. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 03.08. 2006 № 201 «On the Concept of the National Educational Policy of the Russian Federation». URL : http://www. docs.cntd.ru/document/90200_4566 (date of the application 05.01.2019).
10. Decree of the Government of the Russian Federation of 07.02.2011 № 61 «On the Federal Target Program for the Development of Education for 2011–2015» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 10. Art. 1377.
11. Kirillovs A.A. Doctrine in educational legislation: approaches to determining the role and place in legal regulation / A.A. Kirillovs // Legislation and economics. 2015. № 9. P. 41–47.
12. Decree of the Government of the Russian Federation of 23.05.2015 № 497 «On the Federal Target Program for the Development of Education for 2016–2020» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. № 22. Art. 3232.
13. Decree of the Government of the Russian Federation of 26.12.2017 № 1642 (as amended by 30.03.2018) «On Approval of the State Program of the Russian Federation» Development of Education» // Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of the application 15.01.2019).
14. Decree of the Government of the Russian Federation of 29.03.2014 № 245 «On the invalidation of

certain acts of the Government of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. № 14. Art. 1636.

15. National Doctrine of Education of Russian Education. Project / Ed. V.I. Slobodchikova. URL : http://ost101.narod.ru/2018_doktrina.docx (date of the application 05.01.2019).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 24.03.2023

Подписано в печать 27.03.2023

Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная

Печать riso.

Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9, литер «Г», помещ. 41/3
Тел. +7(918) 41–50–571

Заказ № 2439

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: www.id-yug.com